

БОЖИЙ ЗНАК.

Я возвращалась домой из командировки. Было очень холодно, мороз такой сильный, что при глубоком вздохе слипались ноздри. Вокруг ни души, наверное, как раз про такую погоду говорят, что хороший хозяин и собаку не выгонит на улицу. В застывшей тишине сухой снег громко скрипел под моими ногами. Я уже подходила к своему дому, как вдруг окно на первом этаже моей девятиэтажки распахнулось. Из него показалась, закутанная в пуховый платок, пожилая женщина. Она стала обильно посыпать подоконник пшеницей, ячменем и хлебными крошками. Откуда не возьмись тут же появились дикие голуби и стали жадно клевать зерна. Они, казалось, привыкли к этой женщине, нисколько ее не боялись. Осторожно, чтобы не

спугнуть птиц, она прикрыла раму. Насытившись, голуби улетели, этого только и ждали голодные озябшие воробьишки. Радостно чирикавая, они громко забарабанили по жести маленькими клювиками. Через несколько минут из подъезда вышла та же женщина. Опираясь на палку, прихрамывая, она направилась к растущему вблизи клену и стала привязывать к его заснеженным веткам кусочки свежего сала. Я догадалась что это уже угощение для синиц. В заботливой старушке я узнала свою малознакомую соседку. Мне трудно было понять, что же заставляет ее в такую стужу выходить на улицу. Я не удержалась и спросила: «Вы, наверное, очень любите пернатых?» Она приветливо улыбнулась и ответила: «Да как же мне их не любить их, ведь я им жизнью своей обязана». «Птицам?» — искренно изумилась я. «Да, хотите расскажу, идемте ко мне». Сильно заинтригованная я, конечно, согласилась. И вот какую удивительную историю поведала она мне.

Был август 1941 года, грозный, страшный, жаркий август. На Урале в небольшой деревне жила семья Кружилиных. Глава семьи Прокофий Захарович, его жена Евдокия Ивановна и невестка Настя с двумя детьми. Два сына Кружилиных Василий и Иван ушли на фронт, и совсем недавно Настя получила извещение, что муж ее Василий пропал без вести где-то в Белоруссии. Отец как-то сразу ссутулился, мать рыдала, а невестка твердо говорила: «Ведь не похоронка же это, он живой». Говорить-то так говорила, но по ночам теперь из-за перегородки, где спала Настя часто слышались горькие всхлипывания, заглушаемые подушкой. Под большими карими глазами невестки залегли первые глубокие морщины. Она была всегда веселой хохотушкой, но теперь ее заливистого задорного смеха никто не слышал. Кружилины любили свою невестку, глядя на ее спрятанную в душе тоску, свекровь жалела сноху еще больше. Хорошая, терпеливая и умная жена досталась Василию. У старшего сына с невесткой было уже два сына, и Настя скоро должна была родить третьего ребенка. Уходя на фронт, Василий очень просил родителей заботиться о жене и детях.

Заканчивался сенокос. Прокофий Захарович собрался ехать в степь, чтобы собрать в стога оставшееся сено. Настя решила помочь ему. Глядя на ее большой живот, Евдокия Ивановна проговорила: «Осталась бы дома, наработаешься еще».

Невестка понимала, что имеет в виду свекровь и сказала: «Да, я думаю, рано еще, да и мы ведь с отцом быстрее управимся». Старик запряг свою белохвостую кобылу, постелил в телеге старый тулуп для Насти, и они тронулись. Путь был неблизким. Солнце сильно пекло. Настя повязала голову белым платком и протянула свекру старенькую кепку: «Бать, наденьте — солнце очень горячее». Телега, поскрипывая, плавно качалась, и, разморенная зноем, женщина стала дремать.

Ее разбудил озорной солнечный зайчик, щекочащий глаза. Настя улыбнулась и стала искать — откуда же светит ласковый лучик. На хомуте лошади была приклепана медная бляшка, Прокофий Захарович недавно хорошо начистил ее, и она сияла, как золотая. Свекор любил всякие украшения для лошадей.

Наконец-то добрались до своего участка и взялись за работу. Старик сгребал сено и вилами подавал его Насте, та равномерно укладывала, утаптывала его, формируя стог. Много таких стогов возвышалось вокруг. Колхоз их не маленький, и скота в нем много, поголовье которого обязательно нужно было сохранить, ведь фронту нужно продовольствие. Работала женщина легко и быстро, ловко справляясь с большими ворохами душистого сена. Солнце стояло в самом зените, жара стала совсем невыносимой. Прокофий Захарович откинул в сторону грабли и, вытирая пот, заливающий глаза, сказал: «Давай-ка перекусим и отдохнем, но до вечера надо убрать все, вот-вот дожди пойдут». От еды Настя отказалась, только попила теплого противного кваса. Поев, свекор растянулся в тени стога и, разморенный жарой, тут же крепко уснул. Настя вдруг почувствовала сильную слабость и прилегла под соседним стогом. Голова кружилась, еще больше хотелось пить. «Наверное перегрелась» - подумала женщина, но внезапная острая боль в пояснице и внизу живота сказала ей совсем о другом. Права была свекровь, не отпускавшая ее в поле.

Сказать свекру о том, что начались схватки, Насте было сильно стыдно и она решила, что может дотерпит до дома. Боль усиливалась и становилась нестерпимой, женщина поняла, что скоро должна родить. Прокофий Захарович храпел невдалеке, но стыдливой невестке, воспитанной в строгой патриархальной семье, ив голову не могло придти позвать его на помощь. Настя была здоровой, крепкой русской женщиной,

да и роды были не первыми, поэтому она решила, что справиться сама. Младенец появился на свет довольно легко, это была долгожданная всеми девочка. Она заплакала тихонько, как будто знала, что мать скрывает пока ее рождение. Перевязав пуповинку, Настя запеленала дочку в свою нижнюю рубашку. Немного отлежавшись, роженица вырыла в стогу нишу и спрятала туда свою малышку.

Место же, где рожала, засыпала сеном. Прокофий Захарович решив, что невестка уснула, не стал ее будить и взялся за работу сам. Глядя на него, Настя подумала, что покажет ему желанную внучку, лишь только тогда, когда поедут назад в деревню. Слегка пошатываясь, Настя подошла к нему и снова стала помогать. Свекор был увлечен делом и не заметил никаких перемен в невестке. Когда солнце приблизилось к закату, старик напоил лошадь, сложил в телегу все инструменты и велел садиться. Зардевшись, Настя проговорила: «Подождите, я сейчас» — и побежала к одному из стогов. Она обошла стог, но ребенка в нем не нашла, обошла второй раз — нету.

Она кинулась к соседнему стогу, но и там было пусто. И в других ближних стогах никого не было. Леденящий холод пополз по спине, женщина с ужасом поняла, что потеряла место, где спрятала младенца.

Свекор недоуменно смотрел на невестку и встревожено спросил: «Настена, ты что ищешь?» Настя залилась слезами и кусая побелевшие губы с трудом проговорила: «Батя, я ребеночка здесь родила, спрятала его в стогу, а теперь не могу найти». Бедный Прокофий Захарович только теперь увидел, что у невестки не стало живота, сокрушенно, с мягкой укоризной сказал: «Что же ты, дуреха, молчала? Давай теперь вместе искать». Он стал внимательно осматривать каждую гору сена. Как безумная, Настя металась от стога к стогу, но нигде не находила и малейшего следа от места, где

спрятала свою дочку. Тогда она стала напряженно прислушиваться к звукам степи, может же где заплачет или пискнет тихонько, подавая знак матери. Тишина, только кузнечики громко звенели, да жалобно кричала перепелка, созывая своих разбежавшихся птенцов. От дурманящего сладковатого запаха сена, от страшного отчаяния у Насти закружилась голова, она упала на скошенную траву и истошно завывала на всю степь. Старик тоже, крайне расстроенный, вынужден был признать про себя, что ребенка им самим не найти, ведь они обыскали уже все стога. Всклипывая, Настя хрипло проговорила: «Может волки съели?» Свекор возразил: «Волки в эти места летом не заходят». С трудом ему удалось уговорить невестку поехать в деревню и позвать людей. Старик спросил: «А кто был-то?» Настя простонала: «Девочка». Он сокрушенно покачал седой головой и, нахлестывая лошаденку, ругал себя на чем свет стоит и за свою нерасторопность, и за то, что потерял, наверное, первую внучку, что теперь скажет он Василию, если тот вернется с фронта. Невестка уже не голосила, а лишь тихонько скулила, вздрагивая всем телом. Когда отъехали уже на приличное расстояние, женщина оглянулась, словно хотела проститься с местом, спрятавшем от нее ее малышку. На фоне заката огромные стога казались головами косматых великанов. Вдруг на одном стогу Настя увидела большое количество птиц, неизвестно откуда взявшихся там.

Дикие голуби, воробьи, еще какие-то мелкие пичужки низко пролетая над стогом, садились на него, прыгали, кричали и снова поднимались в воздух. От малиновых лучей заходящего солнца, крылья белых голубей казались прозрачно-розовыми. Ветер доносил сюда разноголосые возбужденные птичьи крики. Пернатые были чем-то сильно взволнованы. Широко раскрытыми, изумленными глазами Настя смотрела на эту чудную картину и спасительная мысль сладким огнем прожгла всю

ее существо. Она громко крикнула: «Батя, смотри, вот там надо искать!» Прокофий Захарович удивился непонятному скоплению птиц, однако тратить драгоценное время на дорогу назад ему не хотелось. Он взглянул на горящую нетерпением невестку и понял, что спорить с ней бесполезно и повернув лошадку, снова погнал ее на свой участок сенокоса. Когда подъехали совсем близко, то стало казаться, что все кипит и бурлит вокруг от громких птичьих голосов. Настя спрыгнула с телеги и помчалась к стогу. Там она увидела и рассыпанную сухую траву и заветную выемку в сене, в которой спокойно спала ни о чем не подозревавшая новорожденная. Мать упала на колени и осторожно взяла на руки своё крохотное дитя. Малышка пропахлась вся душицей и васильками, сухой розовый цветочек полевой гвоздички прилип к темному нежному пушку на головке. Настя выпрямилась и улыбнулась дочке и не было в ту минуту на свете женщины счастливее, чем она. Суровый и сдержанный свекор скинул, коричневым от работы и самосада, пальцем слезу, навернувшуюся на глаза, и стал размашисто, убежденно, креститься: «Слава тебе, господи, слава!» После некоторого молчания, старик, с видом знатока, спросил: «Мокрая, небось?» Настя ласково протянула: «Мокрая». Он стянул с себя ситцевую рубаху и дал невестке: «На, заверни, она хоть и воняет потом, но зато сухая». Мать перепеленала младенца. Свекор принес сена, расстелил его в телеге и они, страшно уставшие и безмерно счастливые, поехали наконец домой. Настя посмотрела вверх, стог был пуст, птицы исчезли, словно их не было там и вовсе.

В деревню возвратились уже затемно. Обеспокоенная долгим отсутствием мужа и невестки, Евдокия Ивановна ждала их за воротами. Прокофий Захарович, с непривычной для него, умиленной улыбкой произнес: «Смотри-ка, мать, кого мы в степи нашли». Глядя на невестку,

держашую на руках ребенка, свекровь всплеснула руками и выдохнула: «Настенька, милая, кто?» Не давая Насте ответить, старик быстро выпалил: «Внучка теперь у нас с тобой есть». Прибежали сыновья Насти.

Мать показала им сестричку. Младший Павлик протянул ей надкушенную сочную грушу, старший Василек серьезно и строго сказал: «Ты что, у нее же еще зубы не выросли». Впервые за последнее время Настя звонко рассмеялась.

Новорожденную искупали и положили в старинную люльку, в которой спали и ее отец и братья. За ужином невестка рассказала свекрови о чудесном происшествии, случившемся с ней в степи. Евдокия Ивановна в великом волнении воскликнула: «Настя, а ведь это божий знак был, сам господь этими птичками указал тебе, где твое дитя». И немного подумав, добавила: «Теперь все мы, сколько жить будем, должны подкармливать птиц в голодную пору и ей это накажи, когда подрастет». С тех пор помогать птицам зимой, стало традицией для семьи Кружилиных стойкой традицией, которую они стали передавать из поколения в поколение. Девочкой, родившейся в степи и спасшейся благодаря божьему знаку, и была моя соседка Евдокия Васильевна, которую в честь бабушки назвали Евдокией.

Галина Пономарева.

Вербовые котики.

Воскресенье, накануне Пасхи в Украине его просто называют Вербная. Пожилая учительница Ольга Александровна торопилась в храм. Она часто ходила сюда и накануне Светлого Христова Воскресенья всегда исповедывалась, причащалась и святила вербовые ветки, храня их у себя дома целый год. Женщина всегда с радостью шла в церковь, но в этот раз настроение её было омрачено. Веточек не удалось найти, вечером на рынке их уже не продавали, а идти за ними на ставок на другой конец маленького городка, больные ноги не дали. У самых ворот Ольга Александровна увидела свою бывшую ученицу, державшую в руках целую кипу желанных прутиков. «Почем? – спросила учительница. Да ни почем, - улыбнулась девчушка, – я их так всем дарю.» Она протянула женщине 3 роскошных стебля, да не простых с зелеными листиками, а с настоящими серыми пушистыми котиками, которые в это время были уже редкостью. От умиления Ольга Александровна даже прикоснулась губами к бархатным почкам, сладко пахнущих весной, свежестью и как ей показалась, самой юностью, ведь такие веточки, она видела только в молодости и больше почему-то они ей не попадались.

Ольга Александровна была старой вдовой, детей ей бог не дал, жила она в однокомнатной квартире и работала в школе. Будучи глубоко верующим человеком, учительница и Великий пост выдерживала строго. Возвратясь домой после службы, она поставила освященные веточки в высокую хрустальную вазу. Пообедав борщом с грибами да рыбой, в Вербную её есть позволялось, вышла на балкон. Внизу у мусорного контейнера ковырялся мальчик, вороша палкой зловонные пакеты, он выбирал из них пластиковые и стеклянные бутылки. На вид ему не более 10-12 лет, расклеянные кроссовки, затасканный свитерок, до нельзя заросшая белобрысая голова говорили о том, что это был типичный бомжонок. Найдя недопитую бутылку колы, он открыл пробку, понюхал и решив, видимо, что напиток пригоден ещё к употреблению, с жадностью стал его пить. У женщины сжаломь сердце: «Голодный, небось, как собачененок, а я то вон, как сытно наелась.» Збежав вниз, Ольга Александровна, как можно мягче спросила у мальчика: «Зайчик, есть хочешь?» Он недоуменно посмотрел на неё и твёрдо отрезал: «Нет.» «А бутылки зачем собираешь, на сигареты или на водку?» Такой вопрос бомжонку явно не понравился и он обиженно ответил: «На хлеб собираю.» В серых глазах мальчика женщина не видела присущей для бомжей озлобленности и ненависти к порядочным людьми это ещё больше растеребило ей душу. Она ласково проговорила: «Милый, сегодня Вербное воскресенье и я просто приглашаю тебя в гости, – и строго добавила, – Отказываться не честно.» Такое неожиданное предложение странной тётки обескуражило маленького бомжа и он согласился.

Поднимаясь вверх, они познакомились. «Тебя как зовут? – Толик- Ой какое милое имя, а я тётя Оля, входи и нисколько не стесняйся, ты мой гость.» Квартира Ольги Александровны всё же сильно смутила мальчика. Он недоумевал – куда среди такой безукоризненной чистоты можно приткнуть свой грязный пакет с бутылками, который он не забыл прихватить с собой, по опыту зная, что у помойки его украдут другие бомжы. Хозяйка всё поняла и просто проговорила: «Да поставь его здесь у порога, ничего с моим ковриком не случится.» Толик разулся, сняв облезшие кроссовки и обнажил свои серые от грязи, совсем еще детские ноги. «А где можно руки помыть?» Женщина провела его в ванную и поймала себя на приятной мысли: «Нет, это не дикий бомжонок, привычки воспитанного ребёнка у него сохранились, значит кто-то старался привить их ему.» Женщина налила полную тарелку борща, нарезала хлеба и села рядом, стараясь не смотреть, как жадно её гость хлебает горячий борщ, не боясь обжечься. На неумытом лице мальчика было одно единственное выражение, ой, как же вкусно! От этого выражения у Ольги Александровны душа переворачивалась. Мальчик быстро опустошил тарелку, хозяйка предложила: «Ещё?» Он хотел отказаться, но запах вкусной варёной пищи, которую он так давно ел, кружил ему голову и Толик по мимо своей воли выдохнул: «

Угу.» Жареную рыбу он ел более спокойно, тщательно обсасывая каждую косточку. От чая с лимоном мальчик совсем расслабился и с детской непосредственностью восторженно протянул: « Вот это я нахавался. - и спохватившись, добавил- спасибо вам, тетя Оля.» « А с кем же ты живёшь, деточка?» От этого вопроса мальчик неожиданно сжался и твердо произнёс: « Сам.» Ольга Александровна не могла понять, почему её вопрос, вызвал такую резкую перемену настроения мальчика. Недоумённо дёрнув плечами, она предложила: « Может ты умоешься?» Он согласно кивнул. Хозяйка пошла в другую комнату за полотенцем и вернувшись, увидела, что два кусочка рыбы, остававшиеся на тарелке, исчезли. Сделав вид, что ничего не заметила, она решила, что мальчик всё же не наелся и почти попросила: « Приходи ко мне ещё, вечерами я всегда дома.» Толика всегда оскорбляла наигранная доброта расфуфыренных тёток, подающих ему деньги, которых он никогда не брал, но в этой женщине он почувствовал неподдельную душевную щедрость, от которой давно уже отвык. Ещё ему нравилось, что она не лезет к нему в душу и не достаёт вопросами, на которые ему не хочется отвечать. Теперь уже без всякого колебания божжонок произнёс: « Я приду к вам, тетя Оля» и схватив свой пакет, побежал вниз. Ни в понедельник, ни во вторник Толик не явился. Ольга Александровна уже стала думать, что он не придёт вовсе, эта мрачная мысль грызла тоской её одинокую душу. В среду учительница случайно столкнулась с мальчиком на улице. Он тащил огромный мешок с пластиковыми бутылками. Ноша, может, и не была тяжёлой, но размер её почти превышал самого мальчика «Муравьишка мой маленький, - с мягкой укоризной проговорила женщина – что же не приходишь, ведь обещал?» Открыто улыбаясь, он ответил: « Вот сейчас подавлю эти бутылки, сдам их и приду, честное слово. « Действительно, через несколько часов, божжонок снова переступил порог гостепреимной квартиры. На сей раз он меньше стеснялся и чувствовал себя свободнее. Мальчик с большим аппетитом поел и увидев в комнате хозяйки обилие икон, с неподдельным любопытством спросил: « А вы, что боговерущая?» « Да» - улыбнулась Ольга Александровна и усадив мальчика на диван, стала рассказывать ему о православной вере, о боге и о том, что он помогает всем, кто в него искренно верит. Положив руки на колени, Толик сидел не шилохнувшись глядя на рассказчицу, раскрывавшую неизвестный ему мир, мальчик задумчиво произнёс: « Моя бабушка, когда живая была тоже ходила в церковь и меня там крестила, у меня даже крестик был, да я потерял его, верёвочка на нём порвалась.» У женщины чуть было снова не сорвался с языка вопрос о том, с кем же он живёт, но во время осеклась, боясь разорвать тонюсенькую ниточку, которая протянулась сейчас от её души к душе Толика. Темнота за окном заставила гостя вернуться в суровую реальность, он тяжело вздохнул и стал собираться уходить. Ольга Александровна на минутку остановила его: « Завтра « чистый» четверг, может выкупаешься у меня, ведь в воскресенье Пасха, а в этот праздник все должны быть чистыми и акуратными.» Утром учительница зашла в магазин и купила футболку, свитерок, брючки и кроссовки из натуральной кожи, чтобы ножки не так потели. Знакомая продавщица подумала: « И на фига ей эти вещи, бездетная же.»

Толик не обманул и пришел снова, сытно поев, он отправился в ванную. Хозяйка протянула ему обновки. При виде красивых вещей, глаза мальчика радостно вспыхнули и тут же погасли « Шмоток я не возьму» - заявил он. На сей раз настойчивость проявила Ольга Александровна: « Подумай, разве может нормальный человек после купания, опять надеть грязное? Вещи твои я выстираю и отдам.» Такие доводы Толик не стал оспаривать и взял подарки. В ванной мальчик пробыл долго, не купался, а наслаждался горячей водой и мылом. Сквозь шум и хлюпанье, доносилось его довольное фырканье. Услышав произвольно вырвавшееся восторженное: « Вот это балдёж!», учительница улыбнулась: « Наверное, в ванну лёг.» Она уже и чай сделала, и стол накрыла, даже к завтрашним урокам приговилась, а он всё плескался. Наконец дверь распахнулась и из пара, пропитанного ароматом шампуня, выплыл Толик. Раскрасневшийся, в новенькой одежде, он держал в

руках свои выстиранные обноски и спросил смущаясь: «Куда повесить?» Ольга Александровна всплеснула руками: «Да я бы всё сделала!», на что мальчик с достоинством отрезал: «Сам что-ли не могу?» Сели пить чай с халвой и финиками. Хозяйка поставила перед гостем нероспечатанный стакан сметаны: «Ешь, тебе можно, это я пощусь.» «Не хочу, я уже наелся.» Она смотрела на него и чувствовала, как душа наполняется сладким теплом: «Господи, какой же он хорошенький, промытый-то и волосы, оказывается, вьются, вон какими золотистыми кудряшками легли от чистоты.» Заметила женщина, что и Толик поглядывает на себя в зеркало и украдкой любит новый наряд. В гостиной, глядя на горящую перед образами, лампадку мальчик неожиданно спросил: «Тётя Оля, вы говорили, что бог помогает всем, а он может помочь тем, кто пьёт водку, ну значит вылечить их?» Вопрос немного ошеломил учительницу: «Конечно, мой хороший, он помогает всем, кто этого просит. Ещё есть святой, его зовут Святым Вонифатием, именно он просит Господа исцелить болящих алкоголизмом. А почему ты об этом спрашиваешь?» «Да так, просто» - уклончиво ответил мальчик, думая о чем-то. Проводив гостя, хозяйка вернулась на кухню, прибрать посуду, сметаны на столе не было. Такое воровство её не разозлило и даже не обидело, подумаешь, пустяк, боится голода и старается чем-то запастись.

Они снова встретились в субботу утром. Несмотря на ранний час, Толик уже где-то набрал здоровенный ящик макулатуры и с трудом тащил его на приёмный пункт. «Да брось ты этот хлам» - рассердилась Ольга Александровна и протянула мальчику 20-гривенную бумажку. Толик с явной уже обидой проговорил: «Тётя Оля, деньги я и сам могу заработать.» «Вот дура – раздосадовалась на саму себя женщина – ведь знаю, что не возьмёт, а всё равно лезу.» Кладя деньги назад в кошелек, она спросила: «Пойдёшь со мной завтра в церковь, пасхи святить?» «Да» - с видимым удовольствием ответил мальчик. «Потом ко мне, вместе праздник отметим.» и на это он охотно согласился. Ольга Александровна давно уже не пекла пасхальных куличей, зачем одинокой женщине с ними возиться, парочку и купить можно. Сейчас учительнице захотелось, чтобы в её квартире сладко пахло настоящим праздником, запахом ванилина и душистого зобного теста, ведь завтра у неё будет гость.

Пасочки удались, аккуратные, с белоснежной сахарной верхушкой, украшенной разноцветными присыпками, ну прямо такие, как пекла когда-то мама. Собирая корзинку, хозяйка с улыбкой задумалась: «Какую же пасочку для Толика выбрать? Вот эту самую румяную, да и изюма в ней больше всего.»

Утро выдалось ветренное и холодное. У церкви Толика не было. «Замёрзну, пока дождусь» - подумала учительница, но он замёрзнуть ей не дал, через минуту, как из под земли вырос: А я вас тут за углом жду, возле ворот не стал стоять, а то подумают, что побирушка.» Ольга Александровна дала ему пакет с предназначенной для него пасхой и крашенными яйцами: «Это сам посвятишь.» Мальчик немного помялся и опустив глаза, попросил: «А можно ещё одну?» Недоумённо дёрнув плечами, она кивнула на свою корзинку: «Да выбирай, какую хочешь, дома я тебе их ещё дам.» Он взял небольшой кулич и бережно положил его в пакет. У входа в церковь, мальчик, глядя на свою спутницу, тоже перекрестился, неумело, правда, но всё же сделал так, как положено всем, переступающим порог храма. Посвятили быстро, но Толик почему-то уходить не спешил. Он потянул Ольгу Александровну за рукав и взволновано прошептал, указывая на иконостас: «Тётя Оля, покажите этого, ну который пьяниц лечит.» Женщина указала ему на образ Святого Вонифатия. Мальчик купил самую дорогую, за 2 гривны, свечку и подойдя к иконе, на несколько мгновений, замер. Словно пригвождённая к своему месту, Ольга Александровна не сводила с Толика глаз и с тоской думала: «Деточка моя, и о ком же ты молишься?» Поставив свечу, мальчик вернулся к женщине. В широко раскрытых глазах его застыла непонятная ей боль. Горячей рукой Ольга Александровна сжала руку

Толика. Несмотря на тепло в церкви, маленькая ладонь была ледяной и тихонько подрагивала.

Домой можно было идти двумя дорогами: короткой по извилистой неровной тропинке мимо частного сектора и более длинной, зато по ровному тротуару, пролётшему вдоль старых пятиэтажек. Толик повернул на тропинку, Ольга Александровна возразила: «Пойдём по асфальту, не хочу по кочкам спотыкаться, ноги болят.» Согласившись с явной неохотой, мальчик как-то напрягся. Он шол молча, не по-детски понуро опустив голову. Стараясь развеять какие-то мрачные его мысли, женщина принялась рассказывать своему маленькому спутнику о вкусных блюдах, приготовленных нею и, которые они сейчас уже будут есть вместе. Путь их лежал мимо местной распивочной, с шиком названной баром, а в народе именуемой «слюнявкой». У неё собралась целая толпа колдырей, успевших уже похмелиться, благо, что повод для этого был совсем пристойный, ведь сегодня – же Пасха. Ольга Александровна хотела возмутиться этим, повернулась к Толику, а его рядом нет, исчез, оглянулась туда сюда, не видно хотела даже крикнуть, но не стала, успокаивая себя мыслью: « Может ему по своей надобности отлучиться надо, а я орать стану, прибежит.» Дальше пошла одна, надеясь, что вот-вот услышит сзади шажки Толика, догоняющего её. У слюнявки среди толпы податых мужиков крутилась одна единственная женщина, возраст которой трудно определить. Серое поблекшее лицо, обвисшие мешки под глазами, нечёсанные волосы, кое-как стянутые в хвост вытянутой резинкой – всё говорило о том, что это была типичная алкоголичка. И одета совсем не по погоде: в лёгкой, помятой, давно вышедшей из моды блузке, в выгоревшей, когда-то ярко синей юбке и в стоптанных домашних тапочках, на босу ногу. Нарочно опуская и без того низкий вырез, блузки, она зачем-то приставала к каждому мужику, но они только посмеивались и уже обвисшие её прелести их сейчас не интересовали. Увидев учительницу, пьянчужка опрометью кинулась к ней и гнусавым, каким-то мяукашим голосом проямлила: « Бабуль, дай хоть ты разговеться.» Ольга Александровна протянула ей 2 крашенных яйца, что вызвало досаду на её лице. « Да не еда мне нужна, а всего пару гривень на 100 грамм – она уже не просила, а заискивающе глядя в глаза, молила – ну дай, ради праздничка святого, хочешь, я на колени перед тобой стану.» Весь её облик сейчас выражал сплошное страдание, руки тряслись, бледные губы дрожали, а в слезящихся глазах было одно желание- желание выпить во, чтобы- то не стало. Учительница поняла, что эта несчастная женщина, спившаяся до потери всякого человеческого достоинства, действительно может брякнуться на колени и даже поползёт за ней, до тех пор, пока не получит денег на похмелку. Испугавшись этого, Ольга Александровна выхватила 5 грн. И выдохнула: « Возьми.» Просящая выдернула желанную купюру и даже не сказав спасибо, скрылась за дверью распивочной. « Надо же, так опуститься- подумала учительница об этом жалком создании, которое сейчас, наверное, уже жадно хлебает свой вожденный напиток, а ведь чьято дочь или даже мама, ну, да Господь с ней.. Толик вот мой где? Может возле дома дожидается.»

У подъезда никого, кроме соседок на лавочке. Они громко поздоровались: « Христос Воскрес!», Ольга Александровна приветливо ответила, но останавливаться возле них не стала, пошла домой. За спиной раздалось приглушённое шушуканье, из которого разобрала одно только слово- бомжонка. Ясно, о чем судачат, ну и пусть, а я его жалела и жалеть буду. Вошла в свою пустую квартиру, без всякого удовольствия перекусила, даже лакомый кусок в горло не лез сейчас, уж сильно ей хотелось отметить Великий праздник вместе с Толиком, да вот не выходит. Прилегла и немного задремав, вскочила, кажется звонят в дверь, прислушалась, нет, это трамвай на перекрёстке трезвонит. Вышла на балкони, как неделю назад взглянула на мусорник, сегодня там никого. Народ уже песни горланит. На улице тепло и солнечно. В воздухе сладко пахнет распускающимися почками, а на душе тоска и мрак, хоть волком вой Раздасадывалась на саму себя: « Да чего я так к

нему привязалась, может бабки правы, ведь бомжонок всётаки, и от этого никуда не деться, вкусно пару раз поел, да и слинял, говорят, у бомжей совсем другие законы и они умеют быть отзывчивыми и благодарными.» Не включая телевизор, просидела долго, уже и смеркаться стало, тут в дверь позвонили. Вскочила, как ошпаренная, была твёрдо уверена- это он, ведь никто не мог придти к ней больше, она просто никому не нужна сейчас. Не спрашивая кто, распахнула двери, на пороге, действительно, он её Толик! зайдя в прихожую, тяжело вздохнув, он виновато произнёс: « Теть Оль, не обижайтесь, что я убежал утром, мне так надо было.» « Да ладно, чепуха – улыбнулась хозяйка- я боялась, что вообще не придёшь.» « Ну нет , так не честно – почти обижено, протянул мальчик – ведь я же знаю, что вы меня ждёте.» От этих слов женщине стало мучительно стыдно за свои недавние мерзкие мысли о нём. Она прижала Толика к себе и чуть не плача, прошептала: « Конечно, мой дорогой, очень жду.» Он осторожно высвободился из её рук и достав из кармана крохотный, чуть помятый букет фиалок, торжественно произнёс: « Это вам.» У неё даже голова закружилась, толи от благоухания цветов, толи от умиления трогательным подарком. Накрывая стол, зажигая свечи, Ольга Александровна щебетала без умолку, счастливая, как ребёнок. Мальчик, как всегда больше молчал, но она чувствовала, что ему тоже очень хорошо и спокойно с ней. Когда совсем уже стемнело, учительница предложила переночевать у неё, но гость снова отказался. Стараясь избежать неловкого для обоих, положения, зная, что он всеравно что-нибудь стянет со стола, она завернула Толику целый пакет продуктов, небрежно сказав: « На, потом поешь.» Он молча взял гостинцы и посмотрел так, что у той сердце дрогнуло. Во взгляде его было столько несказанно- глубокой благодарности, что Ольга Александровна поклялась себе, никогда не думать о Толике, как о никчемном , порочном бомже.

Их, непонятные для окружающих отношения, с каждым днём становились всё крепче. Кто знает, как правильнее их назвать- и не дружба, и не любовь, а скорее глубокая взаимная привязанность, порождённая тяжёлым одиночеством того и другого. Толик уже без приглашения часто приходил к этой пожилой женщине, его тянуло к ней и для Ольги Александровны, не видеть мальчика день или два, становилось настоящей мукой. Она чувствовала, что этот чужой ребёнок постепенно стаёт её смыслом жизни. Одно постоянно грызло учительницу: нерозгаданная великая тайна, которую Толик тщательно скрывает от неё, но всё же твёрдо знала: рано или поздно, она откроется.

Настало лето, а вместе с ним и отпуск. От путёвки в санаторий Ольга Александровна отказалась, не хотела надолго разлучаться с Толиком. В эту ночь ей не спалось, переворачивалась с боку на бок, обдумывая, как-бы определить Толика в школу, ведь он умный и способный мальчик и как все нормальные дети, должен учиться. По пустынной улице проторохтел дежурный трамвай, значит, уже пол второго ночи, а сна всё нет и на душе как-то тяжко. Полежала ещё и зыбкая дремота стала овладевать ею. Раздался звонок в дверь, короткий, нерешительный. Думала показалось, да нет, снова звонок, длинный и настойчивый. Набросила халат и к двери: « Кто там?» С той стороны раздались совершенно непонятные звуки, напоминавшие чьё-то иканье. Не задумываясь, открыла дверь и на слабо освещенной площадке увидела Толика. Босиком, в одних трусиках, он дрожал и непрерывно всхлипывал. Схватив, Ольга Александровна почти внесла его в квартиру и спросила: « Детонька моя, что случилось?» Заикаясь, стуча зубами, мальчик едва выдавил из себя: « Тётя Оля, она умерла.» От неожиданности, хозяйка отступила шаг назад и снова кинулась к Толику: « Кто умер?» « Мама моя» - простонал он. « Мама? У тебя есть мама?» « Была – со страшной горечью, проговорил он – а теперь уже нет.» От таких слов Ольгу Александровну само начало трясти, на миг замолчав, она ошеломлённо глядела на мальчика. Он стоял прижавшись к двери спиной и, казалось, сейчас сползёт по холодному железу на пол. Она притянула его к себе, ребёнок, впервые за время их знакомства, уткнулся личиком ей в грудь и жалобно заскулил: « Я боюсь, пойдёте ко мне

домой, она там лежит.» Она дала ему свои тапочки, набросила на худенькие его плечики кофту и они пошли.

Толик повёл женщину по таким закоулкам, где она и днём заблудилась бы, но он шагал уверенно и быстро. Дошли до полуразрушенного флигеля, почти сарая, который мальчик называл своим домом. Мальчик толкнул дверь и они оказались в сырой, пропитанной табачным перегаром, лачуге, состоявшей из двух комнатушек. В первой, видимо служившей когда-то кухней, стояла развалившаяся печка, в холод явно не горевшая, поскольку ни железной плиты, ни дверцы, ни даже поддувала в ней не было. Толик легонько подтолкнул вошедшую в другую комнату и счёлкнул выключателем, свет у них ещё был. Ольга Александровна остолбенела от ужаса. На грязной больничной кушетке, служившей кроватью, скорчившись, лежала мёртвая женщина, та самая, которой Ольга Александровна дала 5 грн. На Пасху у слюнявки. Бледное худое лицо её покрыли тёмно-бурые пятна. Перед смертью её, наверное, сильно мучили дикие боли, она сжимала руками живот, да так, умерев и застыла. Толик к постели не подходил, только с душераздирающим стоном, прошептал: « Мама, мамочка.» Так вот какой страшной оказалась разгадка его тайны, вот для кого он таскал еду у Ольги Александровны и кого, стыдясь, старался спрятать от неё. От умершей исходил острый запах толи спирта, толи ацетона, толи ещё какой дурманящей дряни. На засмальцованной клеёнке стола, стояла пластиковая бутылка с мутной жидкостью и один разовый стаканчик. Совершенно ясно было, что мама Толика умерла от этого смертоносного напитка.

Выйдя из оцепенения, пожилая женщина взяла себя в руки и сделала то, что полагается в таких случаях, вызвала милицию. Стражи порядка не заставили себя долго ждать, приехали быстро и составили протокол. Молоденький опер подошел к забившемуся в угол мальчику, и участливо спросил: « Что, мамка водку пила?» « Да» - сухо ответил тот. « А где брала пойло?» « Не знаю.» Труп положили на носилки, покрыли синей материей и прихватив бутылку для экспертизы, собрались уезжать. Опер постарше спросил у мальчика: « Родственники есть у вас?» Он отрицательно покачал головой. Милиционер обратился к Ольге Александровне: « После заключения сумедэксперта, хотя и без него ясно, что это типичное алкогольное отравление, похоронит её город, как бомжа.» Эти слова, словно ударили Толика, он отскочил от стены и со слезами горькой обиды, крикнул: « Моя мама не бомж, сами вы бомжи!» Даже выдавшие виды мужики растерялись, сын и сейчас продолжал защищать свою мать, скончавшуюся от безудержного пьянства. Ольга Александровна, не переставая изумляться Толиком, твёрдо сказала: « Я заберу её из морга и похороню, как положено.» «Нет проблем – согласились опера – это ваше личное дело.»

Женщина привела несчастного мальчика к себе домой, напоили его валерьянкой, горячим чаем, сама напилась. Когда Толик немного успокоился, Ольга Александровна усадила его на диван и села тихо говорить: « Послушай меня, по закону, тебя сейчас нужно оформить в интернат, но я не добушу этого, ты теперь моё дитя и я стану твоим опекуном, а после смерти и квартиру тебе оставляю, конечно, если ты с этим согласен.» Совсем, как взрослый, мальчик уверенно произнёс: « Согласен, ведь я теперь совсем один и кроме вас у меня нет никого, только вот – он замялся, не зная, как продолжить свою мысль. « Что только?» - мягко поинтересовалась она. Толик снова безутешно заплакал и сквозь слёзы проговорил: « Тётя Оля, вы очень добрая и хорошая, только пообещайте мне, что никогда не будете не заставлять, не просить называть вас мамой, моя мама умерла!» Она сама разрыдалась, крепко прижала его к себе и целуя влажный лобик, выдохнула: « Обещаю.»

Галина Пономарёва.

Воронка.

Далёкий 1945 год. Бывшая гитлеровская Германия медленно отходила от страшных и для неё последствий войны. Стремясь не допустить возрождения фашизма на немецкой земле, Советское командование оставило на её территории некоторые свои части. Эти подразделения должны были выполнить план так называемых «Трёх - Д»: демилитаризацию, денацификацию и демократизацию немецкого общества.

Небольшой городок близ Берлина. Советская комендатура разместилась здесь на первом этаже ратуши. В двухэтажном кирпичном здании напротив - общежитие, где жили русские солдаты и офицеры, и столовая, которую обслуживал немецкий персонал. Приближалось время обеда. Массивные шторы на окнах столовой широко раздвинуты и весь просторный зал буквально залит горячим ещё сентябрьским солнцем. В двери вошел высокий светловолосый лейтенант Андрей Соколов. В умных голубых глазах его играют весёлые жизнерадостные искорки. Одет лейтенант аккуратно, даже по-щегольски: начищенные хромовые сапоги, ослепительно-белый подворот-ничек, узкий ремень стягивает наглаженную гимнастёрку на тонкой талии, на груди орден «Боевого Красного знамени» и несколько медалей. Офицер подходит к своему столику, за которым уже сидит его командир и старший товарищ, майор Дмитриев. Увидев лейтенанта, молоденькая немецкая официантка метнулась на кухню и через мгновение вынесла оттуда поднос. Она подошла к столику и стала расставлять первое блюдо. Желая помочь официантке, Андрей сам взял тарелку с дымящейся ароматным паром, ухой. Руки молодых людей случайно соприкоснулись, и веснушчатые щеки девушки при этом залились ярким румянцем. Лейтенант взял ломтик немецкого пшеничного хлеба и с жаром сказал: «Как же мне хочется съесть уже хоть

кусочек нашей родной ржанухи!» Майор усмехнулся: «Да где ж ты возьмешь её здесь?»

На следующий день офицеры снова собрались к обеду. Садясь на свое место, Андрей несказанно удивился, увидев на блюде рядом с пшеничным аккуратно нарезанные ломтики желанного чёрного хлеба. Лейтенант удивленно спросил: «Откуда взялся он здесь?» Многозначительно улыбаясь, майор проговорил: «Видать эта рыженькая немочка старается тебе угодить, хоть и русского не знает, а поняла, чего ты хочешь. Разве не замечаешь, какими глазками она на тебя смотрит?» Майор Дмитриев был старше и мудрее лейтенанта Соколова, относился к нему по-отечески заботливо, стараясь уберечь его от всех бед и неприятностей. Тяжело вздохнув, он сказал серьёзно: «Смотри, Андрюша, может она и очень хорошая, да нельзя нам.» Оба прекрасно понимали, что имеет в виду Дмитриев. Русским строго запрещалось вступать даже в самые безобидные отношения с немецкими женщинами. Каждый, кто был уличен в такой связи, попадал под статью «За аморальное поведение», отправлялся в Союз, где вставал перед трибуналом. Лейтенант, соглашаясь, кивнул, но все же не удержался и поблагодарил официантку за вкусный хлеб. Стараясь скрыть смущенную счастливую улыбку, девушка быстро отошла от стола, она ведь тоже хорошо знала о положении, существующем в русских войсках.

Шли дни, и Андрей стал понимать, что в столовую ходит теперь совсем не для того, чтобы поесть, а для того, чтобы снова увидеть эту хрупкую немецкую девушку. Он старался гнать от себя эти мысли, но желание встречать её теплый нежный взгляд из-под длинных светлых ресниц, становилось всё сильнее и непреодолимее. Однажды, придя к завтраку, лейтенант обнаружил, что знакомой девушки в зале нет. Их обслуживала другая официантка. Молодой человек затосковал: «Неужели она уволилась, и он никогда больше не увидит её?» На другой день он мрачный и угрюмый

сел за стол, но знакомые легкие шаги за спиной заставили его встрепенуться и обрадоваться: «Она!» Майор был в командировке. Андрей впервые решился заговорить с девушкой, немецким он владел очень хорошо. Офицер тихо спросил: «Как зовут Вас, фрейлен?» - тихо спросил Андрей. Девушка никак не ожидала, что этот русский лейтенант заговорит с нею, сильно смутилась и еле слышно прошептала: «Мари». Голос её был мягкий, нежный, и молодому человеку показалось, что он никогда ещё не слышал такого красивого голоса. «Мари, завтра выходной, может, встретимся где-нибудь за городом, когда вам удобно». Она чуть заметно кивнула и ушла на кухню. Ставя на стол тарелку с капустой и сосисками, девушка положила под неё салфетку, в которой лежал небольшой клочок бумаги. Лейтенант осторожно сложил салфетку и спрятал в карман. Поднявшись в свою комнату, он развернул записку; там мелкими аккуратными буквами было написано: «Я буду ждать Вас на четвертой от города остановке электрички в полдень».

Воскресенье. Одевшись в гражданский костюм и прихватив большую плитку американского шоколада, Андрей Соколов впервые в своей жизни отправился на свидание. Станция, по-русски скорее полустанок, на которой сошел лейтенант, была маленькой и почти безлюдной, лишь несколько небольших домиков прилепились к железнодорожной колее. Вокруг стоял лес. У высокого пожелтевшего клена офицер увидел Мари. Она была в поношенном, скорее всего довоенном пальто и в серой шляпке с кокетливой вуалью. Уже нисколько не таясь, сияя открытой счастливой улыбкой, девушка подошла к нему и протянула руку. Андрей неуклюже сжал маленькую теплую ладошку. «Идемте, я покажу вам свой лес, » - сказала Мари. Молодой человек пошутил: «А вы должно быть дочь лесного царя, коль у Вас есть такие владения». Девушка звонко расхохоталась: «Нет, просто раньше братья часто приводили меня сюда гулять, и я знаю здесь много красивых мест. Я покажу Вам чудесный родник, вода в котором, говорят, волшебная.» Они

направились в лес. Мари шла первая, Андрей за ней. Вокруг было тихо, только опавшие листья мягко шелестели под ногами. Офицеру вдруг стало стыдно, что беззащитная девушка впереди, а он, бравый вояка, как телок плетется сзади. Он обогнал девушку, она остановила его: «Вы же дороги не знаете». «Значит, пойдем рядом, » - проговорил Андрей и осторожно взял девушку под руку. Шли медленно, осторожно пробираясь сквозь густые заросли кустарников. У Андрея кружилась голова, то ли от пьянящего сладковатого запаха листьев, который бывает только осенью, то ли от близости ставшей дорогой ему девушки. Мари, наверное, чувствовала то же самое, поскольку сильнее и сильнее прижимала к себе его руку. «Скоро придем, » - проговорила она и мечтательно, шепотом стала рассказывать: «Там будет большая лесная поляна, посреди которой растет старая сосна, из-под её корней и бьет родник, разливаясь в маленькое прозрачное озерцо. » Вскоре между деревьями показался просвет. Молодые люди вышли из леса и окаменели, словно перед ними неожиданно разверзлась пропасть. Пропасть, действительно, разверзлась - вместо живописной лужайки перед ними зияла черная, дышащая сыростью и холодом, огромная воронка от авиабомбы. От волшебного родника не было и следа, только на краю ямы лежала вывороченная и искореженная взрывом старая сосна, безжизненные порыжевшие иголки которой стали уже осыпаться. Война не пощадила и это красивое место. Широко раскрытыми глазами Мари с ужасом смотрела вниз, на маленьком лице её застыла какая-то безысходность. Андрей понял, что увиденная картина сильно и больно поразила её. Желая хоть как-то утешить, он крепко обнял девушку и поцеловал её дрожащие губы. Мари горько заплакала, ведь именно это место было связано с её безоблачным счастливым детством, поэтому она и хотела показать его своей первой любви, этому русскому лейтенанту. Андрей, глядя её мягкие каштановые волосы, ободряюще сказал: «А ты не переживай, милая, мы найдём с тобой ещё родник, разве их

мало в таком лесу». Девушка, всхлипывая, с каким-то детским упрямством, произнесла: «Таких больше нет, ведь он не простой, а волшебный». Она потянула офицера за рукав: «Пойдём, я не могу здесь находиться»; и они быстро стали удаляться от злосчастной поляны.

От быстрой ходьбы Мари устала и немного успокоилась. Лейтенант подумал, что вот сейчас они придут на станцию и снова должны будут расстаться, а он так ничего и не узнал о ней. Увидев поваленный взрывом тополь, он предложил отдохнуть. Они присели. Взяв в свои горячие ладони ледяные подрагивающие руки девушки, лейтенант тихо попросил: «Мари, расскажи мне о себе: с кем живешь ты, и где твои братья сейчас?» И она поведала о своей короткой, но уже нелегкой жизни. Отца Мари не помнила, он погиб на шахте, когда она была ещё совсем маленькой. Матери одной пришлось поднимать троих детей. Старшие братья очень любили свою младшую сестру, баловали её, рядом с ними девочка чувствовала себя уверенно и спокойно. Началась война и оба брата ушли на фронт, ушли и не вернулись. Старший Карл погиб под Сталинградом, младший Курт был казнён партизанами, он служил в войсках СС. Потеря двоих сыновей надломило здоровье матери, она заболела и слегла; слегла и стала люто ненавидеть русских. Мари оказалась единственной кормилицей в их маленькой семье, и тётка помогла устроиться ей в столовой. «И я очень рада этому, » - проговорила девушка. «Да, конечно, - согласился Андрей - ведь ты сможешь хотя бы поесть досыта». «Нет, совсем не поэтому, а потому что там я встретила тебя!» Неожиданное признание взволновало офицера, он привлёк к себе девушку и хрипло произнёс: «И я очень рад, что мы встретились». Они просидели так, не шелохнувшись несколько минут. Мари поняла сейчас, что горячее её чувство к этому русскому лейтенанту сильнее всех условностей и преград. Постоянно мучавшая её мысль, что она полюбила фактически врага, народ которого убил её братьев, перестала терзать её девичью душу.

После этого первого свидания молодые люди продолжали тайно встречаться. Андрей каждый раз приносил что-нибудь съестное для матери Мари - американскую тушенку, шоколад, сливочное масло. Девушка была благодарна ему за это, но откуда в доме берутся дефицитные для них продукты, матери не признавалась, боялась разгневать её. Любовь советского солдата к немецкой девушке становилась всё крепче. О том, что их отношения могут прийти к трагической развязке, Андрей старался не думать. Молодые люди изо всех сил старались скрыть от окружающих свою запретную любовь. Да вот только пронцательный майор Дмитриев всё понял и, стараясь спасти Андрея Соколова от возможной беды, отправил его в месячную командировку, надеясь, что чувства парня поостынут и он трезво сможет оценить ситуацию, в которой оказался.

Надежды майора не оправдались. Находясь и в другом конце Германии, Андрей не переставал думать о своей Машеньке, так он стал называть Мари. Приближался её день рождения. Молодой человек знал, что у девушки никогда не было никаких украшений, поэтому для покупки подарка зашел в ювелирный магазин. На чёрном бархате витрин холодным блеском светились драгоценные камни. Все изделия из золота и серебра - тонкой немецкой работы. Лейтенант долго рассматривал их, но ни на одном не мог остановить свой выбор. Русскому офицеру хотелось купить именно такой подарок для Мари, который бы хоть как-то был связан с его родиной. Разочарованный, Андрей собрался уже уходить, как вдруг увидел невзрачное, на первый взгляд, колечко и попросил его показать. На кольце была маленькая ромашка, высокая срединка её, сделанная из теплого солнечного янтаря, крохотные лепестки из белоснежного жемчуга. Цветок был словно живой, и походил именно на те ромашки, которые росли когда-то во дворе его родного " дома на Урале. Лейтенанту даже на миг показалось, что и пахнет он так же сладко, как те цветы из далекого детства. Стоило кольцо не дёшево, но он всё

равно купил его, отдав все имеющиеся у него деньги. Выйдя из магазина, Андрей Соколов улыбался, представляя как наденет подарок на тонкий пальчик Мари, и как радостно заблестят при этом её серые глаза.

Успешно выполнив порученное ему задание, лейтенант Соколов вернулся из командировки. Легко спрыгнув на платформу, он оглядел заснеженный вокзал знакомого немецкого городка. Внезапно тяжелая давящая тоска охватила душу Андрея. Стараясь найти причину этой неизъяснимой тревоги, лейтенант решил, что кто-то из высокого начальства узнал-таки о его связи с Мари и ему грозит беда. Офицер поднялся по ступенькам комендатуры и вошел в кабинет майора Дмитриева. Старший товарищ крепко обнял Андрея, на его улыбающемся лице не было и тени какого-либо беспокойства. Командир выслушал доклад и отправил лейтенанта отдыхать.

Не раздеваясь, Андрей присел на угол своей широкой кровати и стал думать, как найти возможность встретиться с Мари; был уже поздний вечер, столовая давно закрыта, а увидеть любимую девушку ему очень хотелось. Вдруг он услышал быстрые шаги по лестнице, дверь без стука распахнулась, и на пороге появилась Мари. Несмотря на холод, она была в легких туфлях и в старом жакете, наспех наброшенном на плечи. Андрей понял, что забыть об осторожности и прийти к нему девушку могли заставить только какие-то крайние обстоятельства. Он взволнованно спросил: «Что случилось, Машенька?» Девушка упала ему на грудь и затряслась в рыдании. Он усадил её на кровать. Мари, глотая слёзы, стала рассказывать: «Вчера вернулся из плена мой нареченный; я думала, что он погиб, ведь о нём не было известий целых пять лет, и вот завтра он придет просить моей руки. Я не хочу быть его женой, я люблю только одного тебя». Мгновенье помолчав, она выдохнула: «Что мне теперь делать?» и с надеждой и мольбой посмотрела на него. Эти слова громом среди ясного неба поразили Андрея. Он понял, что

настал-таки то страшный момент, когда он сам своими руками должен оторвать от сердца горячо любимую, девушку. Они не смогут быть вместе, их

родные никогда не согласятся с таким браком. Русский солдат и немецкая девушка - дети двух враждующих наций, принёсших друг другу много горя и страданий. Собрав всё своё мужество, лейтенант глухо произнёс: «Мари, ты должна согласиться, я не смогу на тебе жениться, а он может и сделает тебя

счастливой». Сказал, словно вынес приговор и ей и себе. Потом достал из кармана бархатную коробочку и, раскрыв её, надел на дрожащий палец Мари свой первый и, как оказалось, последний подарок. Девушка тоже понимала, что их любовь обречена, и рано или поздно им всё равно придется расстаться. Она поднялась и каким-то чужим голосом попросила: «Разреши мне тогда проститься с тобой так, как я хочу». Андрей кивнул. Мари бросилась к нему на шею и, как безумная, обливаясь слезами, неистово и исступленно стала целовать его лицо.

Потом поцеловала его горячие ладони и, опустившись на колени, прижала к трясущимся губам полы шинели лейтенанта. Постояв так несколько мгновений, девушка выпрямилась и тихо, запинаясь, проговорила: «Я никогда не забуду русских», и быстро выбежала из комнаты. Андрей упал навзничь на кровать и пролежал так, не шелохнувшись, до самого утра. Слезы Мари, а, может, и не только Мари, долго не сохли на его лице. Лишь на рассвете лейтенант забылся, и снилась ему та страшная чёрная воронка, в которую превратился живой волшебный родник.

Галина Пономарёва

Голубой платок из кашемира

Повесть

От автора.

В наше время, когда о любви к Родине говорят так много и так неискренне и лживо, что само это понятие утратило для нас свой великий смысл, стало затасканным и ни к чему не обязывающим. Мы всё меньше и меньше задумываемся о святой любви к ближнему, к родителям своим, поскольку считаем, что всё это устарело и стало не модным. Мы нравственно низко пали. Большинство из нас добровольно запечатались в личину собственных проблем, главная из которых: где и как добыть деньги, которых всегда мало и мы готовы растоптать каждого, кто помешает добывать их. Мы забыли, что великие, незыблемые ценности любви к родине, к ближнему, к своей семье – это главное, что отличает человека от животного. В этой книге я стремилась показать, что всё-таки существует могучая связь человека с Родиной, ребёнка с матерью, и она укрепляет и обогащает духовно каждого, кто в неё верит, и, если хоть кто-нибудь, прочитав повесть, поймёт это, то буду считать, что труд мой не пропал даром.

История создания повести несколько необычна. С Ильёй Васильевичем Ампиловым мы встретились случайно. Не знаю почему, он нашел во мне приятного собеседника и разговорился. Он поведал мне, что в 1942 году был угнан в Германию и всю войну проработал в Кёльне, но о том, что там участвовал в антифашистском движении, почти никто здесь не знает. Не знала даже ныне покойная жена его. И. В. Ампилов хотел написать книгу воспоминаний, да вот сильно подвело зрение, которое быстро гасло и он стал инвалидом группы. Мой собеседник промолвил задумчиво: «Вот, если бы мне встретить понимающего в литературе человека, я рассказал бы ему всё о себе, а он написал обо мне книгу, - и с горькой тоской добавил – мне ведь уже 79; умру я и умрёт всё вместе со мной, и никто не узнает, что я пережил». Меня до глубины души тронули эти слова и я, не задумываясь, сказала: «Илья Васильевич, считайте, что вы нашли этого человека, им буду я, у меня есть определённый опыт работы и мы с вами обязательно

справимся». Мы стали встречаться и он рассказало своих мытарствах и испытаниях. Я внимательно слушала и переживала вместе с ним. Мой будущий герой был убеждён, что выжить ему помогла судьба. Олицетворением судьбы и божьей милости я решила сделать платок его мамы, поэтому так и назвала повесть. Первые главы повести были готовы, и я сообщила об этом Илье Васильевичу. Он попросил прочитать их ему. Нам помогли в этом работники ДК «Родина» супруги Гуслевы. И. В. Ампилов слушал и вытирал платочком слёзы. «Ну, как? – поинтересовалась я. И получила совсем уже неожиданный для себя ответ: «Вы знаете, мне казалось иногда, что вы тоже там со мной были, настолько точно всё описано». Я продолжила работу. Мы часто перезванивались. И я поняла, что для Ильи Васильевича будущая книга стала теперь смыслом жизни и он хочет, чтобы она получилась. Он жил один, хотя сын постоянно помогал ему. Однажды, как всегда, я позвонила Илье Васильевичу, в процессе работы у меня возник какой-то вопрос. После нескольких длинных гудков в трубке я услышала незнакомый мужской голос, который сообщил мне, что 29 мая Илья Васильевич скончался от сердечного приступа. Страшная весть перевернула всю мою душу. Дорогой мой Илья Васильевич, вы как «в воду смотрели», говоря, что вас скоро не станет, но вы всё же успели рассказать мне о страданиях, выпавших на вашу молодость, и наше поколение всё равно узнает о них. Сын И. В. Ампилова Владимир Ильич, разбирая архивы отца, тоже помог мне. Я очень надеюсь, что книга эта найдёт своего читателя.

Глава I.

В это тихое июньское утро Илья крепко спал. Он лег поздно, на рассвете. Да и как можно было спать в такую ночь, ведь почти вся Одесса не спала: в её школах шумели выпускные вечера. Вчерашние ученики направлялись, распевая веселые песни, прямо к морю, встречать свой первый взрослый рассвет. Хотя Илье до своего выпускного был еще целый год, он тоже ходил на набережную вместе с дружкой, который школу заканчивал в этом году. Илья жил с родителями в Горловке, а в Одессу приехал на каникулы к тете. Озорной солнечный лучик, пробравшись сквозь мерезжку занавески, старался разбудить паренька, но тот лишь сонно улыбнулся и, натянув на голову простыню, снова сладко уснул. Вдруг со стороны двора, на подоконник опустилась огромная черная ворона. Она стала громко и хрипло каркать. Её иссиня-черные маленькие глазки злобно сверкали. Голос был страшным и противным. «И откуда ты взялась в эту пору в городе? - испуганно подумал Илья. - Хоть бы тебя какая добрая кошка съела.» Это был не то сон, не то какое-то наваждение. Ворона разбила окно и влетела в комнату, наполняя ее вонью гнилой помойки. Жуткая птица стала кружиться над парнем, намереваясь клюнуть его грязным клювом прямо в голову. Илья закричал от ужаса, как дверь распахнулась и ворона исчезла. В комнату вошла тетя Зина, и плача, стала тормошить племянника за плечо: "Илюша, Илюшенька, вставай - война!" Парень соскочил с кровати и, ничего не понимая, снова сел, по его телу пробежал холодный озноб то ли от кошмарного виденья, то ли от страшного и непонятного еще слова «война».

Илье было всего 16, природа щедро наградила его острым умом и тонкой богатой интуицией. Несмотря на свой юный возраст, паренек подсознательно чувствовал, что приближается какая-то великая беда. Это ощущалось в напряженных лицах взрослых, в их суровых взглядах, в

тревожных тихих разговорах. Предчувствие роковых потрясений витало, казалось, даже в самом воздухе. Все догадывались, что будет война, но о том, что она грянет так скоро, не думал никто. И вот проникновенный, будоражащий душу, голос Левитана сообщил, что вероломно, без объявления войны... Эта страшная новость разом перевернула все, похоронив под собой все надежды и мечты. Матери плакали, а сыновья утешали их, говоря, что красная Армия непобедима и война скоро закончится. Безусые юнцы, воспитанные на оторванных от реальной жизни патриотических фильмах, свято велили, что фашистские танки можно разбить и с помощью острых сабель доблестной конницы Буденного. Откуда им, молодым и наивным, было знать тогда, что многие из них даже никогда и не услышат великого и долгожданного слова «Победа».

Бомбардировки Одессы начались в тот же день. Не встречая, практически, никакого сопротивления, самолеты с золотисто-черными крестами на крыльях чувствовали себя хозяевами советского неба, летели, открыто и нагло. Главной целью немецких бомбардировщиков были: порт, крупные заводы, важные административные здания. Удары наносились также и по жилищным массивам. Наводящие ледяной ужас, сирены воздушной тревоги почти не смолкали. Под руинами разрушенных домов умирали люди. В городе начались пожары.

Прошло несколько дней. Глядя на происходящее, Илья понял, что чтобы то ни стало должен вернуться домой к родителям в Горловку. Паренек пошел в порт. Уцелевшие причалы были буквально забиты беженцами, надеющимися покинуть Одессу морем. В коротких перерывах между бомбежками от берега отходили перегруженные корабли, на которых эвакуировалось оборудование предприятий и люди.

Даже те, кому посчастливилось попасть на эти корабли, никак не могли быть уверенными, что благополучно доберутся до места, ведь в море на них тоже охотились фашистские самолеты. Илья не раз пытался проникнуть хоть

на какой-нибудь из таких кораблей, но все усилия его были напрасны. Он попробовал, тогда выбраться из города по железной дороге, подался на вокзал, но и здесь та же картина: переполненные поезда, плачущие люди и немецкие бомбы. Отчаявшись, бедный подросток влез на крышу вагона, надеясь уехать хоть так. Строгий красноармеец тут же снял его оттуда, сердито отчитав: "Что, жить надоело, лезешь под самые пулеметы истребителя, ступай домой к мамке". Не знал, конечно же, часовой, что именно к мамке и рвался Илья.

И вот, спустя несколько недель, сломив героическую оборону Одессы, в город вошли немецкие и румынские войска. Путь домой, казалось, был отрезан, неизвестность о судьбе родителей и младшего брата терзала Илью, ему хотелось быть рядом с ними. Тогда хрупкий на вид паренек принял непостижимое решение - идти на Донбасс пешком.

Узнав о принятом Ильёй решении, тетя Зина заохала, запричитала: "Да ты в своем уме, ведь кругом уже немцы, и в Горловке, наверное, тоже"- хотела еще что-то сказать, но осеклась на полуслове, увидев глаза племянника. Взгляд Ильи был совсем уже не детским, и настолько твердым и решительным, что она поняла - никакая сила в мире не сможет его остановить, что ни запреты, ни уговоры не помогут, он всё равно уйдет. Поплакала, заплакала тетя Зина и стала собирать Илью в дорогу. Насушила, сколько могла, сухарей, достала из довоенных запасов кусок пожелтевшего уже сала, собрала теплую одежду. Она знала, что дорога перед её Илюшей лежит не просто тяжелая, а, вообще, невыносимая, и, что он, скорее всего не дойдет до родного дома, но сделать ничего не могла. Ранним утром вышли они на окраину города и у проселочной дороги, ведущей на север, остановились. Тетя Зина расцеловала племянника, перекрестила его, и Илья, улыбаясь, бодро зашагал по дороге. Смотрела пожилая женщина на чуть согнувшуюся под тяжелым мешком, спину дорогого ей. мальчика и сердце ее больно сжалось. Она подняла глаза к небу и, обливаясь слезами, стала

неистово молиться: "Пресвятая Богородица, дева Мария, защити раба божьего Илью в дороге, помоги ему благополучно добраться до отчего дома". Стояла она, скрестив руки, долго, пока щупленькая фигурка совсем не растаяла у горизонта.

Глава 2

Дальний неизведанный путь Илью совсем не страшил, слишком велико было желание попасть домой. Паренек, конечно, не мог знать, какие трудности и испытания ждут его впереди. Идти решил строго на северо-восток; карты он не имел, единственным прибором, по которому можно ориентироваться на местности, был старинный компас, который подарила тетя Зина, муж которой служил когда-то на флоте. Илья утешал сам себя: "Буду спрашивать дорогу у местных жителей, ведь говорят же, что язык до Киева доведет, а почему ему не довести меня до Горловки". Вокруг постирались бескрайние украинские степи с пожелтевшей, но не убранной пшеницей, с золотистыми, бодро стоящими еще подсолнухами, с сухой душистой травой. Путник наш старался держаться проселочных дорог. Услышав гул мотора, он прятался на обочине, понимая, что на технике могут передвигаться только враги. Услышав колесный скрип телег, Илья не сходил с проселка, зная, что это едут свои, они и дорогу подскажут, а то и подвезти немного могут. Однажды, приглашая Илью на свою подводку, невысокий старичок спросил: "Ты, мабуть, из Одессы за харчами к нам?" «Нет, дедушка, я на Донбасс иду к родителям". Старик изумленно вскинул густые брови и, сокрушенно качая седой головой, сказал: «Ох, и важка твоя дорога, сынку; ты тогда хоть в большие села не заходи, бо там немцы, а в хутора можна, там кроме старосты никого нет, тебя может и накормят". Доехав до своего поворота, старый человек высадил паренька и отдал ему весь свой тормозок:

полбуханки свежего хлеба, две луковицы и пару ароматных яблок. Илья очень обрадовался этому, ведь съестные запасы его постепенно таяли.

Заканчивался уже сентябрь, чтобы не потерять счет дням, Илья строго записывал каждое число в свою маленькую тетрадку. Ночи становились холоднее, мешок с провиантом пустел. Стараясь сэкономить остатки продуктов, паренек стал есть пшеницу. Сорвет тугий колосок, потрет его между ладонями, сдует шелуху и тяжелые налитые зерна высыпет в рот. Срывал он и большие головки подсолнуха, а если повезет, лакомясь спелыми яблоками и грушами в заброшенных садах.

Однажды, идя вдоль небольшой речушки, поросшей камышом, наш путник услышал лай собак. Места вокруг безлюдные, поэтому откуда взялись здесь собаки было неясно, Илья отошел от дороги и залег в бурьяне. Хриплый лай становился всё отчётливее, к нему добавилась и гортанная немецкая речь. Из-за поворота показалась колонна наших военнопленных, её сопровождали эсесовцы с овчарками. Обессиленные голодом и долгим переходом, красноармейцы шли очень медленно. Это сильно раздражало конвоиров, они били пленных прикладами автоматов и страшно ругались, один из пленных совсем уже не мог передвигаться, двое других изо всех сил старались поддерживать его под руки, зная, что падение равносильно смерти. Немцы заметили что, вытащили несчастного из колонны, отвели в сторону, и короткая автоматная очередь оборвала еще одну жизнь. Вдруг, воспользовавшись замешательством, один из красноармейцев прыгнул в камыши и побежал. Гитлеровцы открыли бешеный огонь. Фашисты стреляли до тех пор, пока не решили, что от такого шквала пуль никто не сможет уцелеть. Колонна тронулась дальше. Дождавшись, когда шум стихнет, Илья поднялся из своего укрытия и подошел к расстрелянному у обочины дороги. Паренек никогда еще не видел убитых так близко. Молодой боец лежал, раскинувшись навзничь. На выгоревшей гимнастерке его проступало багровое пятно, босые ноги разбиты до крови. Худое лицо страшно

измождено, серые, гаснувшие глаза почему-то открыты. Илья когда-то слышал поразившее его выражение, что «умер человек, и глаза закрыть было некому». Преодолевая ужас от увиденного, паренек протянул руку и осторожно прикрыл теплые еще веки убитого.

Потрясенный произошедшим, он стоял не шелохнувшись. Тяжелая, давящая тоска сковала его душу. Илье и очень было страшно видеть мертвого и в тоже время сильно жалко его, ведь растрелянный тоже был чей-то сын, и его тоже ждёт где-то мать, ждет, но уже никогда не дождется. Он останется навсегда лежать здесь в дорожной пыли и черное воронье постепенно склюет его тело. Из этого оцепенения юношу вывел неожиданный шелест камыша и живой человеческий голос. Илья вздрогнул и резко обернулся. В нескольких метрах от него стоял высокий мужчина в форме советского летчика, страшно испачканный грязью. На широком скуластом лице его, тоже очень грязном светилась лукавая улыбка. Глядя на перекошенное от ужаса лицо паренька, человек все понял и мягко почти ласково сказал: "Да не бойся, я живой. Фрицы думали, что убили меня, да я зарылся в болото с головой, так пули меня и не достали". Он сорвал пучок сухой травы, кое-как обтер ним руку и протянул её Илье: "Меня Ашот зовут, а тебя как?" В голосе его слышался легкий восточный акцент. Немного оправившись от страха, Илья тоже подал руку и назвал свое имя. Крепкое рукопожатие соединило их и соединило надолго. Глядя на исхудавшую фигуру летчика, паренек понял, что тот давно уже ничего не ел. Он раскрыл мешок и отдал Ашоту свои последние запасы: пару отсыревших сухарей, маленький кусочек сала и несколько груш-лимонок. При виде еды в уголках черных глаз лётчика блеснули крохотные слезинки. Ашот был очень голоден, но, поняв, что продукты эти последние, разделил их пополам, решительно сказав: "Нет, Илюха, доедим мы всё вдвоем". Ел летчик медленно, с наслаждением пережёвывая каждый кусочек, и, подкрепившись, проговорил: "Вот теперь бы помыться где-нибудь, а то не человек, а шайтан

какой-то". Они выстирали в речке форму лётчика и, разведя костер, стали её сушить. Выкупавшись в ледяной воде, Ашот сильно замёрз. Илья дал ему старенькое байковое одеяло, положенное в мешок заботливой тетей Зиной. Лётчик согрелся и задумчиво глядя на огонь, спросил: "А куда идешь ты, парень?" "На Донбасс, домой". "Значит нам с тобой по дороге". Илья удивился: "А вам что, тоже туда надо?" «Да, нет, - Ашот рассмеялся, - мне куда угодно, лишь бы не в немецкий плен; доведу тебя до дома, а там, глядишь, и в нашу армию доберусь".

Дальше пошли они уже вдвоем. Рядом с этим взрослым, выдавшим виды человеком, Илья почувствовал себя намного увереннее и спокойнее.

Неумолимо приближались холода. Илья с Ашотом не имели ни теплой зимней одежды, ни хорошей обуви, поэтому стали сильно мерзнуть. Костер был единственным источником тепла, но его разводили редко, экономили спички. Ночевать решили в стогах, зароятся с головой в душистое сено, прижмутся друг к другу, согреются и крепко уснут. Для того чтобы найти такой ночлег, часто приходилось уходить от дороги, а утром возвращаться назад. Это занимало много драгоценного времени, ведь Илья очень надеялся добраться домой до наступления зимы. Кроме холода у путников был еще один страшный враг, постоянно преследовавший их. Этим врагом был мучительный голод, выносить который становилось просто невозможно. Поля с неубранной пшеницей и кукурузой не попадались, фрукты в садах осыпались и сгнили. Илья ума не мог приложить, как спастись от явной голодной смерти, а практичный Ашот легко нашел выход из положения. Он решительно сказал: "Значит будем заходить в села и просить еду там. Народ ваш добрый и щедрый и умереть с голода не даст". Подросток смущенно произнес: "Нет, Ашот, я не смогу так". Ребяческая, может и не нужная в этой ситуации гордость, не позволяла ему попрошайничать. Старший товарищ, наверное, все понял, и настаивать не стал: "Я тогда пойду сам, а ты будешь ждать меня где-нибудь за околицей". Он зашел в первое же попавшееся село

и скоро вернулся оттуда, широко улыбаясь и весело подмигивая Илье. В руках Ашот держал узелок с настоящим богатством - несколькими теплыми еще картошками, свеклой и целой буханкой хлеба из серой, несеянной муки. Сытым идти намного легче. Поели и бодро зашагали вперед. Ашот болтал безумолку, рассказывая и о своих трех маленьких сыновьях, и о красавице жене, которая снится ему каждую ночь, и о бескрайних, куда шире украинских, родных казахских степях.

Так и повелось: закончатся продукты, значит снова надо идти в село. Лётчик всегда шутливо говорил: "Товарищ командир, разрешите идти на бомбёжка". Илья наигранной с серьезностью отвечал: «Разрешаю». Народ, хотя и сам не был особо сытым, а помогал путникам, чем мог. Однажды Ашот вместе с едой принёс целый шикарный гардероб: две старых стеганных телогрейки и пару сильно поношенных, но добротных еще валенок. Телогрейки надели оба, а обувь паренек решил отдать старшему другу, ведь ему, в поисках пищи, приходилось ходить больше. Ашот проявил вдруг неожиданную, прямо-таки отцовскую строгость, сказав резко: "Валенки оденешь ты, ты - молодой, значит, ноги беречь надо, а я и в своих ботинках дотопаю». Обескураженный таким поворотом, Илья не смог не подчиниться властному приказу. Он сердито засопел и, сокрушенно глядя на рабитую обувь Ашота, обулся. Как же тепло стало постоянно мерзнувшему ногам подростка.

Настала суровая зима 41 года. Наши путники медленно продвигались на север. Еда в очередной раз закончилась, и нужно снова её искать. Маленьких хуторков вокруг не было, впереди виднелось большое село. Илья и помнил совет старичка, подвозившего его в начале пути, не заходить в крупные поселки, но деваться было некуда - есть совсем нечего. Ашот оставил пареньку последнюю вареную картошку и отправился "на бомбёжка". Илья залез в стог сена и стал ждать. Утро было ясное и морозное. Первый снег лег на поля.

Прошло полдня - лётчика не было. Временами Илья высовывался из своего относительно теплого убежища и оглядывал степь. Она ровная и гладкая, только непрерывная цепочка следов Ашота тянется к поселку. Подросток снова зарывался в сено и напряженно ждал, когда весело заскрипит снег под ногами друга, но в звонкой тишине лишь слышалось попискивание полевых мышей, устроивших зимовку в стогу. Близился вечер, но Ашот не возвращался, хотя до села было рукой подать. Илья выглянул очередной раз. Смеркалось. Пошел густой снег и стал быстро засыпать тонкую нить человеческих следов, идущих от стога. Жгучая тоска стала сверлить сердце паренька. Он старался гнать мрачные мысли, но они на мгновение уходили и возвращались снова. Летчик стал для Ильи не просто случайным попутчиком, а надежным другом и старшим братом, который в любой момент мог поддержать и защитить. За время совместного пути их души как бы срослись и стали единым целым, ведь все испытания они выносили вместе. Только сейчас юноша начал понимать, что без Ашота, он никогда бы не смог пройти такое большое расстояние. Не пришел летчик и на рассвете. Илья уже не мог просто сидеть и ждать. Невыносимая тревога за судьбу друга погнала его в поселок.

У самого поселка паренек встретил худенькую девчонку. Увидев его, она испуганным шепотом сказала: "Хлопче, не ходи туда, там немцы вешают всех, кого поймают, бо вчера партизаны убили офицера. Её слова не остановили юношу, а только больше встревожили. Он постучался в крайнюю хату. Дверь чуть приоткрылась. Разглядев подорожного, хозяйка поняла, что бледный паренек, с посиневшими, трясущимися от холода губами, не может быть опасен для нее, и впустила. Пожилая, но крепкая еще женщина усадила замерзшего гостя у горячей печи. Волнуясь, Илья сбивчиво рассказал хозяйке, о том, какая беда привела его в эту хату. Заканчивая свой рассказ, паренек умоляюще попросил: «Помогите мне, тетя, сходите в село и узнайте что-нибудь о нем». Хозяйка, внимательно выслушав, предложила: "Давай я

сначала накормлю тебя". Илья с жаром возразил: "Нет, я не хочу есть, пожалуйста, узнайте". Слабая искорка надежды, что немецкая расправа, может все-таки миновала Ашота, еще теплилась в его душе. Женщина оделась и вышла, через некоторое время вернувшись, принесла страшную весть. Она рассказала, что на площади возле сельсовета немцы соорудили виселицу, на которой казнили троих мужчин, подробно описала каждого. Илья с ужасом понял, что одним из повешенных был его Ашот. Последняя искорка навсегда угасла. Паренек закрыл лицо руками и горько заплакал. Это были совсем уже не детские слезы. Хозяйка сказала также, что виселицу охраняет полицай. Он неохотно сообщил ей, что для устрашения местных жителей, казненные провисят так 3 дня, после чего их можно будет похоронить.

Три дня Илья прожил в теплой хате. Тетя Одарка, так звали добрую хозяйку, изо всех сил старалась откормить и успокоить его, но ни еда, ни забота не утешали. Ранимая душа паренька, не очерстневшая ещё от горя и испытаний, остро переживала потерю друга. Гибель Ашота стала для Ильи первым сильным потрясением, которое принесла война. На четвертый день женщина вытащила из сарая большие санки и сказала: "Пойдем, может, хоть похороним его". Когда дошли до площади, паренек старался, как можно дольше не смотреть на виселицу, но, подняв глаза, сразу же увидел до боли знакомую фигуру в синей форме, слегка покачивающуюся на верёвке. Голова Ашота густо запорошенная снегом, неестественно опущенные руки, привыкшие сжимать штурвал самолёта, безжизненно обвисли. Тётя Одарка разрешила петлю, и тело упало, глухо ударившись о землю. Они положили Ашота на санки и повезли его за село. Был сильный мороз, и снег под полозьями жалобно скрипел, словно плакал тихонько. Они похоронили лётчика на берегу говорливого ручейка. Тетя Одарка перекрестилась и сказала: «Навесну я обязательно поставлю здесь крест.» Паренек смотрел на этот маленький холмик из комков мерзлой земли и вдруг почувствовал себя

страшно одиноким и никому ненужным, ему захотелось бежать прочь от этого места. Не осознавая толком, что делает, он резко повернулся и быстро зашагал вперед, пошел, что называется, куда глаза глядят. Женщина испуганно закричала: "Куда ты, Илюшка, вернись! Замерзнешь в степи, ночью метель будет, круки вон, как на бурю летают». Илья был словно в бреду и не слышал её слов, весь рассудок его был в плену отчаяния.

Паренек шёл так долго, не разбирая дороги, и только сильный холод заставил его прийти в себя. Очнувшись, он огляделся. Ночь уже опустилась на землю. Вокруг лишь непроглядная тьма и никакого намека на человеческое жильё. Илья понял, что заблудился. Неизвестно теперь, где искать спасение. Немного постояв, он снова побрел вперед. Метель и вправду началась. Обжигающий ветер пронизывал до костей. Колючие снежинки больно секли лицо и руки. Буря хохотала над беззащитным человеком, попавшим в её ледяные лапы. Илья натянул телогрейку на непокрытую голову, но это нисколько не помогло. Паренька всего трясло от холода и усталости. Он пытался бороться за жизнь, иступленно шёл ещё какое-то время, но силы окончательно покинули его. Несчастный подросток в изнеможении упал на снег. Гибель неминуемо ждёт каждого, кто окажется в безлюдной степи в эту пору. Илья чувствовал, как смертельный сон замерзающего липкой паутиной обволакивал его, подросток уже не мог ему сопротивляться. Вдруг застывающий от холода юноша увидел, что над ним склонилась чудная женщина в белоснежном, светящимся удивительным блеском, покрывале. Теплые, немного печальные карие глаза её ласково смотрели на него. Дивная женщина просунула свою руку под правую щеку Ильи, лежавшую на снегу. От прикосновения её ладони по всему телу паренька распространилось благодатное тепло, которое он никогда раньше не ощущал. Она нежным звенящим голосом сказала твёрдо: "Вставай, тебе нельзя лежать. Иди и ищи столбы". Паренёк встрепенулся и сел. Видение растаяло, как дымка. А может это было и не видение вовсе? Правая щека

подростка горела. Снег, налипший на нее, растаял и мокрыми каплями стекал за воротник. Илье стало действительно тепло, он ясно чувствовал прилив каких-то новых сил. Паренек поднялся и снова пошёл, пытаясь сообразить, какие столбы имелись в виду. Пройдя совсем немного, он неожиданно наткнулся на электрический столб и мгновенно понял, о чем ему было сказано. Любая линия электропередач неизбежно должна привести к населенному пункту, а значит к спасению.

Буря понемногу улеглась. Ветер еще свистел где-то высоко, но внизу уже было тихо. Даже полная луна несколько раз выглянула из-за облаков, освещая заснеженую землю. Проваливаясь в сугробы и выбираясь из них, Илья медленно продвигался от столба к столбу. Неожиданно впереди себя наш путник заметил человеческую фигуру. Он изумился: «Кто же ещё может бродить по степи сейчас?» Человек вроде и передвигался и в тоже время стоял на месте. Подойдя поближе, Илья понял, что маячившей впереди фигурой, был человек, повешенный на одной из опор ЛЭП. Качающийся на ветру мертвец несколько не испугал паренька; после смерти Ашота, ему уже ничего не было страшно. Единственное, чего боялся сейчас подросток так это того, чтобы не потерять из виду свои спасительные ориентиры - столбы. Он падал, поднимался и снова упрямо шёл вперёд. Горизонт на востоке стал понемногу розоветь. Юноша вдруг ясно услышал пение петухов, встречающих рассвет. Это означало, что человеческое жильё где-то совсем рядом. Илья остановился, слезы потекли из едва раскрывающихся от усталости и холода глаз. Никогда раньше незатейливые петушиные голоса не казались ему такими прекрасными и величественными. Они стали для него настоящим гимном жизни. Собрав последние силы, паренек ускорил шаг.

Внизу за холмом лежала небольшая деревушка. Паренек уже не шёл, а полз к ней. Добрался до первой хаты и, поцарапавшись в низенькое окошко, потерял сознание. Услышав непонятные звуки, хозяин, сильно прихрамывающий на покалеченную ногу, вышел во двор. Прямо у порога, он

увидел лежащего без сознания полураздетого паренька, невесть откуда прибившегося к ним. Мужчина позвал жену, и они занесли едва дышавшего юношу в теплое жилище. Хозяйка расстирала обмороженные руки и ноги Илья водкой и изумленно приговаривала: «Да это просто чудо какое-то, что ты, бедолашный, не замерз в степи. Ну, а я уж постараюсь тебя выходить». У паренька начался сильный жар. Жена хозяина, как каждая украинская женщина, знала много хороших трав и отпаивала ими его. Для того чтобы вылечить хлопчика, она применяла и много других, известных только ей, целебных средств.

Илья пробыл в беспмятстве почти две недели. В бреду всё вспоминал незнакомое хозяевам имя Ашота и постоянно говорил о каких-то столбах. Очнувшись, паренек не сразу и понял, где находится. Лежит он на теплой печи, в ногах мурлычет серая кошка, уютная комната пуста, в святом углу иконы. Илья пристально посмотрел на образ Богородицы с младенцем, ему показалось, что он уже где-то видел эти необыкновенные карие глаза. Юноша напряженно стал вспоминать и понял, что такие же чудные глаза были у той женщины, которая спасла его от смерти в ту страшную выюжную ночь в степи. Илья улыбнулся: "Так вот значит, кто это был". Скрипнула дверь и в хату вошла хозяйка с подойником в руках. Увидев, что её больной раскрыл глаза и загадочно улыбается, громко закричала: "Степане, Степане, я ж казала, що вин одужае".

Илья стал постепенно выздоравливать. Дядя Степан и тетка Мария заботливо относились к нему. Паренёк узнал, что их два сына мобилизованы в Красную армию и с самого начала волны от них нет ни одной весточки. Дядя Степан сапожничал, и Илья стал помогать ему. Когда паренек совсем окреп, он снова засобирался в дорогу. Хозяева уговаривали его дождаться тепла, но Илья, как всегда был тверд в своем решении, тем более, что Донбасс уже совсем рядом. Тетка Мария испекла 3 буханки хлеба - две серых и одну белую и сказала: "Вот тебе серый хлеб на дорогу, а белый

передашь от меня своим, там в ваших краях, говорят, большой голод». Старики одели подростка потеплее и он снова отправился в путь.

Всё чаще и чаще стали попадаться измученные люди, тянувшие тяжелые груженные тачки. Это голод гнал их из шахтерского края, заставляя менять свое скудное имущество на продукты. Хлеб, приготовленный тёткой Марией, паренек давно уже съел, но белую буханку не трогал. Помня уроки Ашота, он уже не стыдился попросить поесть. Еду давали и на ночлег пускали. Так наш путник добрался до Красноармейска и, узнав в какой город попал, сильно обрадовался, ведь до родной Горловки было рукой подать. Теперь он старался придерживаться железной дороги, хотя это было очень опасно. Полотно усиленно охранялось, немцы и полицаи, опасаясь диверсий партизан, расстреливали на месте каждого подозрительного. Судьба хранила Илью. Вот уже показались знакомые колхозные поля, на которых он вместе с классом собирал до войны колоски. Скоро, совсем скоро он обнимет маму, отца, маленького брата. Сердце паренька сильно билось, Илье хотелось не идти, а бежать, лететь домой. восемь месяцев невероятного, изнурительного пути были позади. Несмотря ни на что, он дошел. То был февраль 1942 года.

Глава 3

Илья вошел в родной город и не узнал его. Небольшой промышленный городок, жизнь в котором кипела и бурлила до войны, сильно изменился. Одни дома разрушены, у других заколочены окна, над парадным входом его школы развевается флаг со свастикой. Даже прохожих было мало; угрюмые и исхудавшие они старались бисто перейти улицу, как-будто боялись чего-то, лишь двое мужчин с повязками полицейских шагали уверенно и браво. Дойдя до городского парка, паренёк стал отыскивать глазами голубые ёлочки, которые со школой они посадили во время субботника несколько лет назад. Нежные деревца тогда хорошо принялись и стали быстро расти. В

такое мрачное время года их яркая зелень всегда оживляла парк. Сейчас от этих пышных елей остались одни низкие пеньки, на которых янтарными слезинками проступала смола. Горько Илье было видеть всё это.

Подросток свернул на родную улицу. Она состояла из так называемых бараков – домов, разделённых на двух хозяев, в одном из которых и жил Илья до войны. Паренёк представлял, как несказанно, увидев его, обрадуется сейчас мама. Она, наверное, думает, что её старшего сына и в живых-то нет. Паренёк подошел к своему дому и остановился в недоумении. Первое, что бросилось ему в глаза – голые окна, на которых не было белоснежных маминых занавесок, снег во дворе – ровный и никем не утопанный, дверь почему-то полураскрыта. Подросток отшатнулся, словно его ударили в грудь. Страшная догадка пронзила его: „Неужели там никого нет?“ Илья толкнул калитку, она тоскливо запищала на ржавых петлях, а ведь отец всегда смазывал её. Паренёк открыл незапертую дверь и родной дом дохнул на него нежилой пустотой. В уютных когда-то комнатах – холодно и сыро. Пол покрыт слоем пыли, значит хозяева давно покинули свое жильё. Деревянной мебели почти не было, она, наверное, сгорела в чьих-то печках. На подоконнике недокуренная отцовская самокрутка, под кроватью порванный маленький сандалик брата. Илья подошёл к уцелевшему комоду – может хоть записку оставили для него? Пусто. В одном из ящичков лежал мамин голубой кашемировый платок, он всегда так шёл ей. Подросток схватил платок, прижал его к лицу и горько заплакал: „Дорогие мои, где вы сейчас? Я так долго шёл к вам.“ Никто не видел этих слёз и некому было утереть их. Юная душа выдержала ещё один удар судьбы. Бережно сложив платок мамы, Илья спрятал его на груди и направился к соседям, ведь они-то должны знать, куда делись его родные.

Испуганная хозяйка долго не открывала, она никак не могла поверить, что за дверью стоит действительно соседский Илюшка, о котором больше чем полгода не было никаких вестей. „Теть Клава, это вправду я, из Одессы

пешком пришёл. Вы не знаете, где мои?” Услышав знакомый голос, женщина впустила Илью в дом и сказала, сокрушенно качая головой: „А твои ещё в июле 41 эвакуировались с заводом куда-то за Волгу.” Она напоила паренька чаем из вишнёвых веток и угостила матерjenиками, лепёшками из отрубей и тёртого буряка. Илья достал свою заветную белую буханку, которую так старательно нёс своим. Теперь этот хлеб есть некому, а тётя Клава вон тоже какая голодная. Хозяйка съела кусочек хлеба, бережно подбирая каждую крошечку. Тётя Клава тихо проговорила: „Поживи у меня, у тебя-то и топить нечем, а я из посадки дровишек немного навозила, но только не попадайся на глаза к Луке Степанычу, он сейчас у нас начальником от немецкой власти.” Луку Степаныча Илья знал с детства. Этого человека не любили и боялись во всей округе, поэтому и называли с презрительной учтивостью по имени и отчеству. Ходили слухи, что он был секретным агентом НКВД, и по его доносам ночами из домов исчезали люди, чтобы никогда уже не возвратиться назад. Родители запрещали своим детям при нём даже есть крашеные яйца: узнает, что в доме празднуется Пасха, значит семья попадёт в разряд „врагов народа” со всеми вытекающими отсюда последствиями. Лука Степаныч был почему-то совершенно лысым и, хотя всегда старался спрятать свою плешь то под шапкой, то под соломенным брилем, его голый, обтянутый жёлтой с синими жилками кожей череп наводил ужас на детей. Человеческая сущность остается одинаковой при любом строе, он умел сотрудничать и с Советской властью, и с гитлеровцами. Сейчас Лука Степаныч служил у немцев „квартильным”. В его обязанности входило сообщать новым властям о каждом человеке, прибывшем в его квартал и уклонившемся от регистрации в комендатуре

Некоторое время Илья пожил у соседки, но с наступлением тепла, ушёл в родительский дом. Парню было стыдно объедать и без того несытую женщину. Пришла весна, и трава зазеленела вроде, как всегда, и деревья распустились, как раньше, только вот радости не было на душе. Подростку

всегда казалось, что в эту пору у него выросли крылья, но сейчас крылья почему-то не росли. Долгожданная весна была для него серой, мрачной и голодной. Илья совсем уж было решил податься в село к дяде Степану и тётке Марии. Он у них тогда хорошо освоил сапожное ремесло, стал бы помогать им, а, значит, и хлеб свой не ел бы даром. Планам паренька не суждено было сбыться и на этот раз, судьба уже приготовила ему свой новый крутой поворот.

Однажды, ранним утром, когда Илья ещё крепко спал, раздался настойчивый стук в дверь. Перепуганный подросток резко подскочил – ему спросонок показалось, что это стучится та страшная ворона, которая пригрезилась в начале войны. Второй раз постучали сильнее. Илья отворил. На пороге стоял Лука Степаныч в неизменном головном уборе из соломы. На тонких сухих губах старика играла откровенно ехидная улыбка. Коллючий взгляд маленьких бесцветных глаз буквально насквозь сверлил паренька. Лука Степаныч насмешливо проговорил: „Я же знал, что ты дома, поэтому и пришёл в такую рань. Вот, держи повесточку.” Он вложил в руку опешившего Ильи серый листок бумаги и добавил: „Наша комендатура находится в бывшем дворце культуры в новой Горловке.” Повернулся и засеменил к калитке; дойдя до половины дорожки, оглянулся и, нажимая на каждое слово, злобно процедил: „Любому, кто не явится по повестке – расстрел.” Паренёк посмотрел на принесённую бумагу. На ней чётко значились его фамилия, имя, отчество и время, к которому нужно явиться – 8 часов утра. Не зная, что делать, он побежал к тётке Клаве. Увидев повестку, женщина досадно сказала: „Выследил-таки Иуда. - и, тяжело вздохнув, с горечью произнесла – Я не знаю, сынок, что ждёт тебя впереди, но, если не пойдёшь, то расстреляют точно.” Она положила в мешок паренька две варёных свёклы и лепёшку – всё, что у неё было. И пошёл наш Илья навстречу неизвестности.

Паренёк хорошо знал роскошный городской дворец культуры, построенный незадолго до войны, он часто бывал здесь на концертах и пионерских слётах. Понятие „бывший дворец культуры” никак не укладывалось в голове у подростка. Илья предъявил повестку, и часовой отвёл его в какой-то кабинет. За столом сидел тучный пожилой немец. Он внимательно оглядел паренька так, что тот поёжился от холодного оценивающего взгляда, так на Илью ещё никто не смотрел. Немец что-то буркнул невнятно, конвоир понимающе кивнул и повёл подростка по коридору. Они дошли до танцевального зала, и часовой втолкнул Илью туда. Дверь захлопнулась, снаружи послышался скрежет засова. В ранее просторном и светлом зале было темно и сыро. Здесь уже сидело много молодых парней и девушек, и никто не знал, долго ли они пробудут тут, а, главное, что ждёт их впереди. Выбраться из зала не было никакой возможности: окна наглухо забиты с улицы, у двери стоит часовой. Прошло несколько дней, в течение которых в зал вталкивались всё новые и новые молодые люди. В помещении собралось уже очень много народа. И вот на рассвете молодёжь построили в колонну и под усиленной охраной повели на вокзал. Там их посадили в товарный вагон, дверь которого тщательно опломбировали и погнали на станцию Ясиноватая. Здесь из таких же вагонов, в которых томились подавленные, не имеющие возможность бежать молодые люди, сформировали целый эшелон, который двинулся на запад. Только теперь все ясно поняли, что их в качестве рабов, везут в ненавистную Германию. Товарный вагон был забит людьми до отказа. Лечь можно было только тогда, если положишь ноги на одного из товарищей, а он при этом должен положить ноги на тебя. Пол устлан тонким слоем соломы, вот тебе и вся постель. Лишь на третьи сутки пути молодым людям дали немного хлеба и воды. Однажды, когда поезд стоял на одной из остановок, станцию начали бомбить. Это были наши советские бомбардировщики. Вокруг оглушительно грохотали взрывы, а в вагоне радовались: «А они, гады, брешут, что Москва

сдалась и Красная Армия разбита. Вот она показывает фрицам зубки». Илья, забившись в уголок, думал: «Вот, если бы бомба попала в их эшелон, тогда может удалось бы бежать, а если нет, то пусть его лучше убьют, только бы не стать немецким рабом». Самолёты с красными звёздами на борту улетели, оставив после себя развороченную колею и разбитый товарняк с вражеской боевой техникой. А эшелон с рабами XX века снова тронулся на запад.

Поезд с бесплатной рабочей силой шёл в Германию очень быстро, словно бежал от кого-то. Бежать действительно было от кого – немцы сильно боялись постоянных диверсий партизан, и такие эшелоны пропускали в первую очередь. Гитлеровцы прекрасно понимали, что, если поезд подорвут, мало того, что они лишатся очередной крупной партии рабов, да и все молодые здоровые люди, находящиеся в вагонах, несомненно пополнят ряды народных мстителей. Выходит, что фашисты могли оказать сами себе «медвежью услугу», а партизанам – неоценимую помощь. Так стремительно мчались по Украине, территория которой была охвачена активным партизанским движением. Как только пересекли польскую границу, ситуация резко изменилась. Поезд стал двигаться очень медленно с частыми и длительными остановками, ведь здесь немцам уже нечего было бояться. По сравнительно небольшой Польше ехали почти две недели. И вот впереди она, фашистская Германия – непостижимая, зловещая и ненавистная. Что ждёт её безропотных восточных рабов? Поглотит ли она их всех в своей жестокой роковой пучине или кого-то пощадит, оказавшись не совсем такой, какой её представляли? Никому не дано было тогда знать ответы на эти вопросы.

Глава 4.

В пограничном городке Брест-Литовске прибывших выгрузили из эшелона. Стоял хмурый, мрачный день. Моросил мелкий неприятный дождь.

Несмотря на лето, было холодно. Ласковое солнышко всё же дерзнуло несколько раз выглянуть из-за серых туч и обогреть молодых людей. Парни и девчата, щурясь, улыбались ему, ведь они почти месяц провели в полутьме душных и вонючих вагонов.

Педантичные немцы страшно боялись занести в свою страну заразу, привезённую от рабов из немойтой, грязной, по их мнению, России. Здесь Илья впервые увидел, как нацисты разделяют народы по сортам. На одежду рабов прикреплялись специальные знаки: на робы славян вешался знак «ОСТ», а к одежде не казнённых же евреев крепилась красноречивая звезда. Ярлыки эти снимать строго запрещалось, поскольку они подчеркивали, что люди, носящие их, принадлежат к низшей ветви человечества и близки к животным. Прибывших разбили на небольшие группы и погнали в баню, где они должны были вымыться и побриться наголо. Вся одежда их подлежала сожжению. Илье нисколько не жалко было своих, выношенных донельзя, штанов и рубашки. Его сильно угнетало то, что придется расстаться с дорогим для него маминым платком, который он постоянно носил на груди. Пареньку казалось, что эта вещь хранит чуточку её тепла. Илья стал лихорадочно думать, как спасти платок. Седой санитар, следивший за порядком, показался подростку не особо суровым. Паренёк дождался пока вся их группа пройдёт в баню, и обратился к надсмотрщику.

Ко всем достоинствам нашего героя нужно добавить ещё одно – Илья не плохо, а скорее даже хорошо говорил по-немецки. Этому послужило несколько причин. Дело в том, что отец Ильи из-за неблагонадёжности получил так называемый «волчий билет», по которому он не имел права жить на одном месте больше шести месяцев. Семье приходилось часто переезжать. Они попадали и в сёла, где жили бывшие немецкие колонисты. Общительный Илья дружил с немецкими детьми, научился понимать их речь и стал понемногу говорить на ней. Спустя некоторое время семья переехала уже на постоянное место жительства в Горловку. Илья пошёл в школу, где

работал очень хороший учитель немецкого языка. Он заметил способного ученика и много сделал для того, чтобы тот ещё лучше изучил язык. Вот эти знания и пригодились сейчас Илье. Паренёк пустился даже на лесть, назвав санитаря «господин офицером»: «Разрешите мне оставить у себя эту вещь, это память моей матери». Услышав немецкую речь и приятное обращение, тот удивленно вскинул брови и двумя пальцами взял лоскут голубого кашемира. Сердце у паренька замерло. Санитар брезгливо стряхнул платок и великодушно протянул его подростку. Несказанно обрадованный паренёк сунул платок далеко под лавку и побежал мыться. После бани Ильи, как и все, одел выданные ему полосатые брюки и куртку и, оглядевшись, извлёк из-под лавки своё сокровище, снова спрятал его на груди. Платок был для паренька прочной, ни для кого не видимой ниточкой, связывавшей его с матерью. Ему, по сути дела, ещё совсем ребёнку, брошенному в сумасшедший водоворот войны, казалось, что мама незримо находится где-то рядом и постоянно бережёт своего сына. Молодых людей, вымытых, переодетых в красноречивую полосатую форму, ярко выделявшую их от окружающих, посадили в продезинфицированные вагоны и погнали в западную Германию.

Так наш герой попал в знаменитый большой немецкий город Кёльн. Здесь находился крупный распределительный пункт, несколько напоминавший древний чудовищный рынок рабов. На нём были и покупатели - сытые, уверенные в себе немцы, нуждающиеся в дешёвой рабочей силе, и живой товар – голодные, несчастные рабы, привезённые из оккупированных стран. На Илью обратила внимание высокая рыжеволосая немка, жена одного среднего бауэра. Она решила, что, если этого светлого голубоглазого паренька немного откормить, то из него может получиться неплохой работник. Покупательница приобрела его и ещё двух поляков постарше. Их привезли в поместье, где они теперь должны будут жить и работать. Здесь уже находились несколько поляков и голландцев. Всех

работников разместили на чердаке, под которым располагалась кухня. От вкусных запахов готовящейся пищи у Ильи кружилась голова, рот наполнялся слюной. Больше всего пареньку хотелось сейчас есть. Расчётливые хозяева хорошо усвоили старинную истину, что голодный слабый раб не может быть полноценным тружеником, потому его нужно хоть как-то кормить. Кухарка принесла каждому по солидному ломтю типичного немецкого, серого хлеба и тушёную капусту. Такого хлеба паренёк никогда прежде не видел, он был испечён из целых, предварительно сваренных зёрен пшеницы. Дали даже по кусочку белого хлеба из муки и кружку кофе. Бауэр был владельцем довольно крупного участка земли, на котором выращивались овощи, кроме того, он держал небольшую свиноферму. Илью, как новенького, приставили ухаживать за свиньями. Он должен был натирать на тёрке огромное количество кормовой свёклы, смешивать её с комбикормом и раздавать животным. Он обязан был также вычищать навоз из свинарников. Непривычный для слабого паренька тяжёлый сельскохозяйственный труд сильно изматывал его. Кроме того, подросток панически боялся свиней огромных, ненасытных и вечно орущих, а бояться было чего. Один поляк предупредил его: «Опасайся этих тварей, они запросто могут отхватить человеку руку. Любое увечье работника - это прямая дорога в концлагерь, калеки здесь не нужны. До тебя уже был один белорус, свинья откусила ему кисть правой руки и хозяин, не задумываясь, избавился от него.» Бауэр ревностно следил, чтобы все его животные были сытые и чистые, в случае малейшего, по его мнению, нарушения порядка, Илью неминуемо ждала плетка. Так Илья проработал с месяц, а с наступлением засухи его отправили ещё и на полив капусты. Он вытаскивал воду из глубокого колодца и ведрами таскал её на грядки. Работу заканчивал за полночь, поскольку хозяин считал, что белые капустные головки хорошо видны, а значит поливать их можно и в темноте.

Однажды подросток, уже будучи сильно уставшим, набирал, наверное, сотое за день ведро, не удержал его и окатил сам себя ледяной обжигающей водой. Переодеться ему не разрешили, поскольку не было во что. Пришлось работать в мокрой одежде. Дул прохладный ветерок, Илья очень замерз. Под утро у паренька начался сильный жар, и выйти на свинарник он уже не смог. Утром кухарка принесла ему завтрак. Надеясь, что еда придаст сил, Илья съел кусок хлеба и выпил чай. Жар не спадал, паренька трясло, как в лихорадке. Под конец дня на чердак поднялся хозяин. Увидев, что посуда пуста, он достал плетку, которую постоянно носил с собой и страшно стал хлестать ею больного. Бил с остервенением и, казалось, испытывал при этом несказанное удовольствие. Хозяйка за чем-то позвала его и он, грубо ругаясь, ушёл. Все тело паренька, нывшее от высокой температуры, горело и ломило теперь еще и от ударов плетки. Уткнувшись в мамин платок, Илья горько и безутешно плакал. Он никак не мог понять, за что его избили, ведь ему и без того так плохо. Вечером подросток пожаловался поляку, они хорошо научились понимать друг друга. Тот объяснил не искушенному в тонкостях здешних нравов Илье, что ему нельзя было есть, ведь тот, кто не работает - не имеет права на еду. На следующее утро снова принесли пищу, но наученный горьким опытом паренек, не притронулся к ней. Ему становилось все хуже. От неспадающего жара он временами стал терять сознание.

В бреду снова чудилась проклятая черная ворона, кружившая над ним. Очнувшись, Илья услышал, как совсем рядом на крыше ласково и мирно воркуют голуби. Снизу доносился разговор хозяев, знание немецкого снова пригодилось пареньку. Бауэр решил сдать больного в концлагерь, хозяйка возражала. Она была человечнее своего мужа и настаивала на том, чтобы Илью отвезли в больницу, а там пускай делают с ним что хотят. Муж послушал слишком, по его мнению, свою гуманную супругу. Так наш герой оказался в лазарете. Здесь сестрами милосердия работали голландские монахини. Не имея практически никаких хороших лекарств, они делали

чудеса, потому что, наверное, были действительно милосердны. Молчаливые, строгие, скромные девушки вылечили Илью от воспаления легких и поставили его на ноги.

Паренек стал поправляться, на его бледных щеках появился даже легкий румянец. Однажды в лазарет пришел высокий плотный мужчина средних лет. В нем не было привычных высокомерия и надменности. Внимательно оглядев Илью, он просто и даже дружелюбно сказал через переводчицу: «Меня зовут Отто Вебэр, ты будешь работать в моей строительной бригаде». Такое человеческое отношение к нему со стороны немца очень удивило Илью, и он сразу же согласился, хотя был ли у него выбор. Бригада, в которую попал Илья, занималась строительством хозяйственных складов. Она полностью состояла из выходцев из оккупированных Германией стран. Руководителем и воспитателем в ней был немец Отто Вебер. Он не имел семьи и жил вместе со всеми в бараке, только в отдельной благоустроенной комнате. Бригадир строго следил, чтобы все работы четко и в срок выполнялись и лениться никому не позволял. За последнее время у паренька, как и у всех обездоленных войной людей, сложилось свое, присущее тогда всем представление о немцах. Они все казались ему безжалостными, жестокими, приносящими только зло и унижение. Господин Вебер как-то не укладывался в это представление, он был уважительным к своим работникам и в каждом из них видел, прежде всего, человека. За несколько месяцев простой украинский паренек и немецкий бригадир сблизились и даже подружились. Знание немецкого языка, которое Илье волей или неволей приходилось совершенствовать, во многом способствовало этому.

Неподалеку от участка, где работал Илья, находился завод, производящий огнеупорный кирпич. Здесь были особые, необычные рабочие. На заводе трудились дети. Хотя понятие «рабочие дети» кажется чудовищным и не укладывается в голове, это было действительно так.

Детям, тоже привезенным в качестве рабов было всего по 10 - 12 лет. Они медленно погибали от истощения и тяжелого изнурительного труда. Однажды, посетив завод по каким-то служебным делам, бригадир открылся Илье еще с одной неожиданной стороны. Отто Вебер возмущенно сказал: «Вот сволочи, что они делают, ведь это же дети, а их морят голодом, заставляют работать по 16 часов в сутки, а тех, кто не выдерживает истощения, как подопытных кроликов отправляют в спецлагерь для испытания на них новых лекарств». Говоря так, он внимательно, испытующе смотрел на Илью, словно ждал, какая у того будет реакция. У паренька от услышанного слезы навернулись на глаза, он негодуя сжал кулаки и с горькой досадой выдохнул: «И помочь же им, наверное, ничем нельзя». Бригадир тихо спросил: «А ты хотел бы им помочь?», и Илья без колебаний твердо ответил: «Да». Далеко не каждый человек, будучи на его месте, мог сейчас дать утвердительный ответ. Не ровен час - и попадешь в гестапо за то, что не сумел сдержать свои чувства. Наш герой не мог поступить иначе, слишком жалко ему было несчастных детей, ведь ему-то жилось куда легче. В серых умных глазах Вебера, в которых глубоко таилась какая-то постоянная тоска, блеснул радостный огонек. Удовлетворенно улыбаясь, мужчина сказал: «Я научу тебя, как сделать это и мы добьемся, чтобы их хотя бы кормили лучше». «Я сделаю все, что вы скажете,» - с жаром прошептал Илья.

За дело взялись с большой осторожностью. Для того чтобы полосатая роба не бросалась в глаза, Отто дал Илье другую одежду. В поношенных, но чисто выстиранных рубашке и брюках он стал похож на простого немецкого паренька, не вызывающий никаких подозрений. Спрятавшись в кустарнике, Илья некоторое время наблюдал за территорией завода. У паренька сердце обливалось кровью при виде этих, так называемых рабочих, росточком не многим более метра. Дети уже не были похожи на детей. Это были скорее маленькие изможденные старички с синеватыми, сморщенными от голода

личиками. Они волокли тяжелые, груженные сырым кирпичом тачки для обжига в печах, а потом тащили их обратно. Илья обратил внимание на невысокого паренька, который был, видимо, покрепче и постоянно старался помочь малышам. Говорил он по-русски. Охраны особой не было. Куда мог уйти отсюда обессиленный ребенок, зная, что он никому не нужен в чужой стране. Илья тихонько подкрался к колючей проволоке и пальцем поманил к себе паренька. Тот, глядя недоверчиво и подозрительно, все же подошел, услышав русскую речь, широко улыбнулся: «Я свой». Илья проговорил: «Я слышал, что вас здесь почти не кормят». Паренек кивнул: «Да, сил уже нет никаких. Каждое утро пачками отправляют куда-то, наверное, в газовую камеру». «Нет не в камеру, - уточнил Илья, - вас увозят в лабораторию, где, словно на мышах, будут испытывать новые таблетки». «Какая разница, - горько усмехнулся паренек, - выхода все равно нет». «Есть, - убежденно проговорил Илья. - Вы забастовку устроите, она точно поможет». «А как?» - оживился собеседник. «А вот так: вы утром не приступайте к работе, а станьте возле конторы и орите во всю головушку: «Кушать, кушать!» «Как по-немецки будет «кушать»?» - спросил паренек заинтересованно. «Знаю, - с достоинством ответил Илья - Эссен». И настойчиво добавил: «Сделайте так, обязательно поможет, немцам, ведь все равно работа нужна, никуда не денутся, будут лучше кормить». Паренек согласился: «Попробуем, хуже не будет». Увидев, что малыши обратили на них внимание, собеседники разошлись.

Через несколько дней Отто Вебер вызвал Илью к себе в кабинет. Паренек вошел, плотно прикрывая двери. Сурового, всегда сдержанного бригадира было не узнать: глаза его сияли, довольно потирая ладони, он радостно сказал: «Получилось. Детвора на заводе устроила-таки забастовку, почти весь день они не работали и просили кушать, администрация вынуждена была дать им по куску хлеба и по миске свежей горячей баланды. Теперь их так кормят постоянно». Господин Вебер положил на плечо

паренька свою большую горячую ладонь и, тепло глядя в глаза, тихо проговорил: «Молодец, Вилли, давай я тебя так буду называть, ведь русское имя Илья и немецкое Вилли очень похожи». Илья согласно кивнул. «И еще, – добавил - у меня хорошие новости для тебя: ваша Красная армия гонит фашистов от Москвы». От этой их маленькой победы, и от новости, сказанной бригадиром, на душе у Ильи стало светло. Из кабинета он вышел, опустив глаза, чтобы никто не мог увидеть появившейся в них радости. Он снова взялся мешать раствор, а в наблюдательном уме его появилась одна интересная мысль. Сообщая ему новость, Вебер произнес одно особенно неожиданное слово. Он сказал, что ваша армия гонит фашистов, не назвав их нашими, значит, выходит, что он сам не фашист.

Вездесущая тайная полиция все же пронюхала что-то. Двое гестаповцев пришли на участок и стали выяснять, кто из рабочих мог общаться с взбунтовавшимися детьми. Бригадир заверил их, что все подчиненные находятся под строгим его надзором и покинуть участок не могут. По опыту Отто Вебер знал, что полиция не успокоится, пока не найдет зачинщика забастовки. Он отвел Илью в какое-то недостроенное здание и велел спрятаться там, в узкой нише под полом, скрючившись в три погибели. Паренек просидел там несколько дней. Когда все утихло, бригадир перевел его на другой, более безопасный участок. Не знал наш герой, да и не мог знать тогда, что, давая ему задание организовать забастовку, Отто Вебер проверял его. Эту проверку Илья выдержал с честью, показав себя настоящим человеком, способным вступить в борьбу со злом.

Удачное проведение забастовки еще более сблизило Илью и Отто Вебера. По вечерам бригадир стал приглашать паренька на прогулки. Сбросив с себя опостылевшую полосатую робу, Илья переодевался в нормальную человеческую одежду, и они шли гулять. Со стороны немолодой мужчина и юноша с голубыми глазами казались отцом и сыном, мирно беседовавшими между собой. Они прохаживались по старинным

улицам Кельна, подолгу останавливаясь за чем-то, то у арки большого дома, то у магазина или аптеки. За время этих прогулок Илья хорошо изучил город и не знал того, что город, вернее честные его горожане тоже хорошо изучили его. Однажды господин Вебер и его постоянный спутник прохаживались по мосту через Рейн. Отто Вебер, задумчиво глядя в воду, неожиданно сказал: «А вот здесь на дне реки лежит много денег, - и, чуть помолчав, насмешливо добавил - и мои зубы тоже». Паренек давно уже заметил, что у бригадира вставные челюсти, но что произошло с его зубами, он конечно же, не знал. Илья понял, что Отто Вебер не зря сказал это и, что сейчас он откроет какую-то великую тайну. «А что случилось здесь?» - почти шепотом спросил юноша. Господин Вебер закурил, нервно барабанил пальцами по перилам. «На этом мосту, названному в честь знаменитой династии Гогенсолернов, почти 10 лет назад меня взяло гестапо,» - проговорил Вебер. «За что?» - спросил Илья. «А ты как думаешь?» - молвил Отто, пытливо глядя на собеседника. Юноша чувствовал, что этот вопрос был задан неспроста - бригадир проверял, достаточно ли они узнали друг друга. «Думаю за то, что вы - коммунист» - с жаром выдохнул паренек. Бригадир довольно улыбаясь, сказал: «Молодец, Вилли, я давно был уверен, что ты понимаешь больше, чем кажется. Да я - коммунист и антифашист, был партийным казначеем, когда Гитлер пришел к власти, мне нужно было срочно спрятать кассу. И вот, когда я нес чемодан с ней по этому мосту, гестаповцы напали на меня, чтобы деньги не достались врагам, я выбросил все 3 тысячи марок прямо в реку, за что получил дикие удары в челюсть и мои зубы посыпались вслед за деньгами». Отто Вебер старался казаться спокойным, но воспоминания, видимо, сильно взволновали его, он тяжело дышал, мускулы на крупном лице часто дергались. «Потом был концлагерь и развод с женой. Освободили меня перед самой войной, нацисты, наверное, решили, что голод и пытки сломили меня, но, увы...» - он закончил рассказ нарочно намеком, как бы предоставляя юноше самому делать дальнейший вывод. Илья был потрясен:

теперь, когда Вебер раскрылся перед ним, он стал для подростка еще ближе. Пареньку захотелось прижаться щекой к широкому плечу бригадира, но он сдержался, боясь показаться маленьким и несерьезным, ведь ему доверили сейчас совсем взрослую тайну. После долгого молчания, когда собеседники окончательно справились с охватившими их чувствами, Отто Вебер просто сказал «Вилли, я попрошу тебя выполнить одно мое поручение, для этого ты станешь работать в Кельн-Весте, в западном пригороде Кельна.»

Кельн-Вест находился почти на самой границе с оккупированной гитлеровцами Франции. Он был крупной узловой железнодорожной станцией. Все воинские эшелоны, сформированные во Франции и направляемые на восточный фронт проходили именно через нее. Шли поезда и в обратную сторону, они везли на отдых немецкие части, истрепанные и обескровленные в боях с русскими. Отто Вебер просил Илью, прогуливаясь неподалеку от станции, запоминать: какие эшелоны проходят через нее и какие на них находятся грузы. Платформы военных поездов были тщательно замаскированы, но, несмотря на это, совсем не трудно догадаться, что все они перевозят тяжелую технику. Спустя несколько дней бригадир спросил: «Я думаю, что ты уже разобрался, какие грузы находятся на поездах?» «Конечно, это пушки и танки». Таинственно глядя на паренька, Вебер мягко проговорил: «Вилли, я бы очень хотел, чтобы ты замерял точную ширину гусеницы танка "Тигр", который совсем недавно поступил на вооружение». Илья удивился такому пустяковому и несерьезному заданию, которое, как ему казалось, не имеет никакого смысла, но задача поставлена, значит нужно ее выполнять. Паренек стал обдумывать, как это сделать. Он долго бродил вокруг станции, близко к вагонам подойти нельзя, его сразу заметят. Илья обратил внимание на худенького мальчика, который смазывал колеса вагонов мазутом во время остановок. Мальчуган, несомненно, был русским, поскольку все время тихонько напевал родную «Степь да степь кругом.»

Улучив момент, Илья познакомился с ним. К большой радости обоих оказалось, что они земляки: наш Илья – горловчанин, а Вася, так звали мальчика, до войны жил в Мариуполе. Родные места всегда очень сближают людей на чужбине. «Васёк, сможешь мне в одном деле», - попросил Илья. «В каком?» «Мне нужно знать ширину гусениц вон тех танков». Мариуполец даже не стал спрашивать, зачем это ему, а с достоинством ответил: «Да для земляка, что хочешь сделаю, только сантиметра у меня нет». «А тебе он и не нужен, ты используй ручку своей кисти: приложи её к гусенице и отметинку поставь, только замерь точно, это очень важно». «Товарняк этот я как раз сейчас буду смазывать, приходи завтра, может что и получится», - Васёк заговорщически подмигнул и, схватив ведро с мазутом, побежал к поезду. На следующий день Илья пришёл на станцию. Земляки снова встретились. Большие синие глаза Васька были наполнены досадой, он сокрушенно развёл руками и огорчённо сказал: «Илюха, ничего не получилось, ручка слишком коротка, чтобы замерять эту проклятую гусеницу». Мальчик чуть не плакал, уж очень ему хотелось помочь новому другу. Немного поразмыслив, Илья спросил: «А ты сможешь попросить поменять свою кисть на более длинную?» «Конечно, смогу, - обрадовался Вася, - ты только приходи сюда позже, дня через три». Вечером мариуполец постарался объяснить мастеру, что кисть очень коротка, из-за чего он недостаточно хорошо смазывает колёса, а значит работу свою выполняет плохо. Немецкого Вася не знал, поэтому использовал язык движений и жестов. Он, как заправский актёр, приседал, крутил руками, изо всех сил пытаясь показать, что смазка не достигает нужной глубины колеса. Не подозревая ни о каком подвохе, немец выдал усердному рабочему новую кисть с длинной ручкой.

Илья явился в условленное время. Смеркалось, но станция хорошо освещалась. По платформам в ожидании поезда важно прогуливались немцы в военном и штатском, от вагона к вагону перебегали суетливые смазчики, но Васька нигде не было. У Ильи жгучей тоской заныло сердце: неужели

провал, неужели гестаповцы выследили дружка и пытаются его теперь у себя в участке? Прошло ещё с полчаса, надежда встретиться с Васьком таяла с каждой минутой. Вдруг возле поезда, стоящего совсем рядом, появился чумазый мальчуган. Он вылез прямо из-под вагона. Мальчик до неузнаваемости был испачкан пылью и мазутом, и только по синим глазищам Илья узнал в нём дорогого друга. Никакая, даже самая ужасная грязь не смогла бы скрыть той радости, которой светился Васёк. Он с гордостью протянул кисть с длинной ручкой, на которой стеклом была выцарапана нужная отметина. Илья вытащил линейку и с точностью до миллиметра измерял расстояние от начала ручки до царапаны. Паренёк вернул смазчику кисть и шёпотом проговорил: «Ох, земляк, если бы ты знал, как я тебе благодарен». Васёк с достоинством ответил: «Ничего, чем можем, тем поможем». Он поднял ведро и, весело размахивая кистью, с которой в разные стороны летели капли черного мазуту, помчался к подходящему эшелону. Илья доложил Отто Веберу, что поручение его выполнено. Паренёк догадывался, что бригадир будет доволен, но о том, что эта новость вызовет у него такую бурную реакцию, и подозревать не мог. Всегда сдержанное лицо Вебера просияло каким-то детским восторгом. «Вилли, дорогой мой, если бы ты знал, какой ты молодец», - выдохнул он, потом схватил Илью, прижал к своей широкой груди, совсем уже неожиданно, как пушинку подкинул его вверх и также легко поймал. От этого полёта у паренька на мгновение даже дух перехватило. Илья недоумевал: надо же, такой солидный мужчина, а радуется, как ребёнок какой-то чепухе. Нашему юному герою и в голову не могло прийти сейчас, что он оказал неоценимую услугу странам антигитлеровской коалиции. Отто знал, что сделанный пареньком замер, был отнюдь не чепухой. «Тигры» были тогда новейшим видом вооружения германской армии, информация о которых была строго засекречена, и получить её никому не удавалось. Ширина же гусеницы позволяла вычислить практически все основные технические данные танка: и толщину

брони, и калибры пушки и пулеметов, установленных на нём, и даже количество экипажа. Илья узнает об этом намного позже.

Отто Вебер всё больше и больше убеждался, что этот смысленный русский мальчик, не по годам проницательный и исполнительный, станет для него незаменимым помощником, и он решил сделать его связным между группами антифашистов, действовавших в Кёльне. Для этого было несколько предпосылок:

Илья был внешне похож на немца, поэтому особых подозрений у гестапо вызывать не мог, он хорошо уже ориентировался в городе и неплохо знал немецкий язык. Была и ещё одна немаловажная, может и жестокая причина: Вилли для всех здесь чужой, и родственными узами ни с кем не связан, значит в случае провала, никто не станет разыскивать и оплакивать его. Вот и первое задание. Илье предстояло передать информацию от Вебера к другому участнику движения сопротивления. Отто инструктировал: «Путь твой пройдёт через лес, там встретишься с лесничим, и только после того, как он назовёт пароль, возьмёшь у него записку. Дальше выйдешь на трамвайную остановку «Нойль Кёльн», на которой к тебе подойдёт человек и скажет пароль, потом следуй за ним». Паренёк недоуменно спросил: «А как он будет знать, что именно ко мне нужно подойти?» Вебер мягко улыбнулся: «Все, кому надо, Вилли, тебя давно уже знают, ведь я водил тебя по городу не просто».

Старинный лес скорее походил на городской парк, настолько был ухоженным и аккуратным, как, впрочем, и всё у немцев. Из куста акации, навстречу Илье выбежал толстый рыженький щенок с длинными висячими ушками, он дружелюбно замахал хвостиком и побежал впереди. Тропинка свернула налево, щенок оглянулся назад, его умные чёрные глазки словно говорили: «Нам сюда». Илья невольно последовал за ним, изумляясь про себя: «Неужели и он меня знает?» Действительно, вскоре они вышли на поляну, на которой стоял домик лесника. Из двери вышел сухонький

крепкий старичок, лопоухий проводник стал ластиться к нему. Лесник приветливо улыбнулся пареньку и, назвав пароль, вложил в руку связного записку, скрученную в виде сигареты. Илья направился дальше, и шенок снова увязался за ним. Так шли долго. Лес стал редеть, впереди ясно слышался звон трамваев. Пёсик лизнул руку паренька и повернул назад, решив, видимо, что миссию свою он выполнил. На остановке Илья присел на лавочку и стал ждать. Из подъехавшего трамвая вышли несколько человек; один из них, проходя мимо, тихо произнёс пароль, и зашагал дальше. Помня инструкцию, паренёк пошел за ним. Они пересекли несколько кварталов и спустились в городской туалет. Мужчина вошёл в одну кабину, Илья в другую. Перегородки между кабинами неплотно подходили к задней стене, из-за этого там был небольшой промежуток. В этом промежутке появились два плотно сложенных пальца, нетерпеливо потирающих друг друга. Связной всё понял и вложил в них обе записки. Пальцы исчезли. Он поступил так же и, просунув в щель свои пальцы, получил бумагу, которую нужно передать Веберу. Из соседней кабины слышался шум воды из сливного бачка, и Илья тоже открыл у себя воду, ничего не поделаешь – конспирация есть конспирация. Оба связные обменялись информацией, не сказав ни слова друг другу, и покинули туалет.

Бригаду, руководимую Отто Вебером, городские власти направили на расчистку завалов, которые появились после бомбёжек. Первую бомбардировку старинный Кёльн испытал на себе в 1942 году в ночь с 30 на 31 мая. 1200 самолётов союзников пролетели тогда над городом, обильно посыпая его бомбами. Бомбардировщики шли в 3 захода, по 400 машин в каждом. Небо, от летящих в нём самолётов, казалось покрытым страшным ревушим ковром, от чего такие бомбардировщики получили название ковровых. С тех пор воздушные атаки продолжались почти каждый день. Завалы от разрушенных домов перекрывали улицы и дороги, их необходимо было срочно расчищать. Кроме того, нужно было разбирать стены

полуразрушенных многоэтажек. Стены их едва стояли, от любого, даже самого малейшего толчка могли рухнуть, похоронив под собой всё живое. Кого немцы могли послать на такую опасную работу, конечно же, своих восточных рабов.

После очередной бомбёжки Вебер вместе со своими подчинёнными отправился на работу. Его Вилли шёл рядом. Жуткая картина вокруг. Вот бомба попала в жилой дом и разрушила его не до конца. Словно гигантский чудовищный нож разрезал здание пополам. Одна половина дома лежала в виде дымящихся руин, другая ещё стояла. Внешняя стена квартир отвалилась и оголила человеческое жильё. На покорёженной арматурине беспомощно висела детская коляска. Кто знает, где сейчас её крохотный хозяин? Может лежит внизу раздавленный кирпичами, а может мать, услышав сирену воздушной тревоги, успела всё же вынести его из квартиры. Из коляски выпало белоснежное детское одеяльце, отороченное розовыми кружевами. Оно опустилось на груды кирпича, штукатурки, обломанной мебели, на которой уже появлялись языки пламени. Огонь безжалостно лизнул кружево, мгновенно превратив нежную кисею в облачко дыма и горстку серого пепла. На стене одной из квартир висело радио. Провода, подходящие к нему, чудом уцелели и оттуда доносилась весёлая музыка, звучала беззаботная, знакомая всем «Мой любимый Августин». Сладкая песня была кощунственной, дикой насмешкой над развалинами и пожаром. Казалось, что этим приторным голосом певицы сам дьявол хохочет сейчас, упиваясь человеческим горем. У Ильи мороз побежал по коже. Музыка переворачивала душу и, видимо, не только ему. Один немецкий солдат выхватил пистолет и несколько точных выстрелов в куски разнесли чёрную тарелку. Пряча оружие в кобуру, он злобно выругался: «Заткнись, и без тебя тошно».

Илья взглянул на Вебера, тот шёл молча, угрюмо смотря на происходящее, а в серых глазах не кричала, а выла тоска.

Вот уже несколько месяцев наш герой был связным в немецком движении Сопротивления. Он постоянно ездил по городу, передавая информацию от одной группы антифашистов к другой. Подпольное движение строго законспирировано, его члены не знали более двух своих соратников, да нельзя было иначе, ведь в гестапо работали классные специалисты, добросовестно выполняющие свои обязанности. Илья понимал, что ходит по краю пропасти и в любую минуту может сорваться в бездну, возврата из которой нет. Боялся ли он? Трудно однозначно ответить на этот вопрос: как и каждый молодой человек в свои 17 лет, он очень любил жизнь, но жить, безропотно смирившись с положением раба, не мог. Пареньку больше всего на свете хотелось вернуться домой, в свою родную страну, обнять дорогих маму, отца и брата, но сделать этого нельзя, пока фашисты хотят поработить его Родину, значит с ними нужно бороться, где бы то ни было, и судьба предоставляет ему такую возможность даже здесь в Германии.

Как-то бригада Ильи занималась своим обычным теперь, повседневным делом, разбирала завалы полуразрушенного высотного дома. Стены его, составляющие коробку, рухнули, а вот перегородка, стоящая посередине, почему-то уцелела. Стена эта упрямо возвышалась над руинами, грозя рассыпаться в любую минуту. Бить снизу нельзя: она упадёт и раздавит копошащихся под ней людей. Единственный благоразумный выход из этой ситуации – попробовать добраться по соседним разваленным стенам как можно выше и накинуть на злосчастную перегородку толстую длинную верёвку. Потом можно отойти в безопасное место, дёрнуть за верёвку и стена безусловно рассыплется, а жертв удастся избежать. Илья был самый молодой, а значит – самый ловкий, его и отправили на это рискованное задание. Словно настоящий скалолаз, паренёк полез вверх, то руками, то ногами цепляясь за шатающиеся выступы кирпича и арматуры, и набросил всё-таки петлю на страшную стену. Подросток благополучно спустился вниз,

как вдруг раздался вой воздушной тревоги. Граждане Германии ринулись в бомбоубежище, а вот рабам там быть не полагалось. Побежали в следующий квартал и спрятались в подвале разрушенной больницы. Налёт закончился, все вернулись на работу и с облегчением увидели, что взрывная волна разрушила упрямую стену. Только сейчас Илья ощутил непривычную пустоту на груди в том месте, где всегда хранил мамин платок. Он сунул руку под куртку и обмер. Платка не было. Платок был приколот булавкой к нижней рубашке у самого сердца. Булавка, видимо, растянулась, и он выпал, может тогда, когда Илья поднимался по обломкам стены, или когда бежал в подвал. Да какая разница когда, самое страшное, что дорогой голубой лоскуток потерялся и потерялся навсегда, найти его в этом хаосе невозможно. Паренёк стоял, онемев, словно пригвождённый к земле, одному только ему несчастьем. Пока платок был с ним, он всегда чувствовал незримую великую силу, постоянно оберегающую его. Теперь бедному пареньку казалось, что в него вот-вот попадёт осколок американской бомбы, или фашистская пуля, или даже простой кирпич свалится на голову и убьёт его. Рабочий день закончился, и все давно ушли в барак, а Илья всё стоял, не зная, как ему теперь жить дальше. Сзади послышался знакомый дружелюбный голос Вебера: «Вилли, ты почему не идёшь домой?» Отто увидел белое, как мел, лицо юного друга, его погасшие тоскующие глаза и понял, что с мальчиком что-то произошло. «У тебя какая-то беда?» - участливо спросил бригадир. «Да, я потерял мамин платок», - с трудом сдерживая рыдание, прошептал Илья. Вебер знал, что Вилли хранил материнскую вещь, но о том, что она так дорога ему ранее не подозревал. Отто был практичным человеком, разным, по его мнению, сентиментальностям значения не придавал. Он прекрасно понимал, что никто не сможет найти маленький кусочек ткани в этих тысячетонных завалах, но и в тоже время чувствовал, что потеря может вызвать у мальчика большой душевный надлом, поэтому нужно хотя бы попытаться искать. Они

осторожно обошли вокруг развалин дома, приглядываясь к каждому куску кирпича и штукатурки. Нигде и малейшего намёка, да и разве он мог быть. Затем пошли по дороге, ведущей к подвалу. Илья брёл впереди ссутулившись, словно от тяжкого бремени. Он заглядывал под каждый куст, поднимал все камни и доски, лежавшие на дороге – пусто. Путь к подвалу всё сокращался. Отто жалел мальчика от всего сердца, зная, что все поиски не увенчаются успехом. Вдруг паренёк упал на тротуар и стал разгребать руками свежую кучу щебня, через мгновение он извлёк оттуда ослепительно голубой кусок кашемира. Паренёк прижал платок к лицу, уже не стыдясь слёз, с облегчением заплакал. То, что платок был найден, казалось невероятным, но это было так. Бригадир подошёл к Илье и, улыбаясь, сказал: «Ты хоть сор с него стряхни, ведь он пылью пахнет». Паренёк покачал головой: «Нет, Отто, он пахнет моей мамой». Глядя на сияющее лицо мальчика, Вебер подумал: «Всё-таки правду говорят, что великая и загадочная душа у этих русских, и никакому фашизму их не сломить» - и, как каждый порядочный немец, практически посоветовал: «А ты, Вилли, пришей его к рубашке и никогда больше не потеряешь».

Отто Вебер постоянно, как мог оберегал своего помощника от возможного, вполне реального провала, обучал неукоснительным правилам конспирации, но, как бы ни был осторожен Илья, гестапо всё же напало на его след. Наш герой отправился выполнять очередное задание, для этого ему нужно было пересечь город почти от начала до конца. Связной не спеша шёл по улице, и вдруг, не увидел, а скорее почувствовал за собой слежку. Боковым зрением он заметил, как двое дюжих молодцов в гражданском по пятам следуют за ним. Паренёк свернул в переулок - они за ним. Стремясь отвязаться от них, Илья неожиданно запрыгнул в отходящий от остановки трамвай. Проехав несколько остановок, он вышел и увидел, что молодцы приехали в следующем вагоне и вышли. Сомнений нет – это был настоящий «хвост». Преследователи, видимо решили, что связной слишком молод и

неопытен, ничего не заметит и доведёт их до самой явки, а там они уже возьмут его и того, с кем он встретится. Улица вывела на широкую городскую площадь, которая считалась нелегальным рынком в Кёльне. Здесь можно было купить и продать всё, что помещалось в кармане. Илья надеялся затеряться в толпе, но не тут-то было – гестаповцы, казалось, дышали ему в спину. Где сейчас найти спасенье, паренёк не знал. Посреди площади возвышался старинный католический кафедральный собор. Это величественное сооружение достигало высоты в 750 м, его своды увенчивали девятиметровые библейские скульптуры. Всё здание украшено мозаичными картинами, выложенными из желтого камня. Этому камню не страшны были ни дожди, ни ветра, ни даже само время, ведь собор построили немцы тысячу лет назад. Храм представлял собой бесценный исторический памятник готической архитектуры. Недаром англо-американцы, бомбя город, сбрасывали листовки, в которых говорилось: «Мы разрушим Кёльн до основания и оставим только ваш собор». Природная интуиция Ильи в минуту смертельной опасности сильно обострилась, и он принял единственно правильное, в данной ситуации, решение. Увидев, что «хвост» на мгновение потерял его из поля зрения, паренёк нырнул в северный вход собора.

В соборе служилась месса. Здесь, как и в каждом католическом храме, стояли специальные столы, за которыми сидели молящиеся. Илья понимал, что ему сейчас просто необходимо прикинуться верующим католиком. Он оглядел огромный зал: все места заняты, лишь за одним столом было небольшое местечко, словно специально предназначенное для него. Паренёк тихонько подошёл туда. Первой от края сидела красивая молодая женщина. Илья на чисто немецком, едва слышным шепетом спросил: «Можно присесть?» Женщина доброжелательно кивнула: «Пожалуйста». Он опустился на скамью и молитвенно сложил руки так, как делают все католики. Видимо был какой-то праздник, поскольку священник облачился в дорогую нарядную сутану. Слова проповеди, звучащие торжественно и

строго, взлетали вверх и заполняли собой всю величественную тишину храма. На фоне чудовищного ужаса войны, собор казался фантастическим оазисом, хранящим умиротворение и душевный покой. Немного успокоившись, наш герой заметил, что соседка, довольно улыбаясь, украдкой поглядывает на него. Не поворачивая головы, он тоже стал рассматривать её. Происхождения она была явно не простого, скорее всего представительница какого-нибудь старинного аристократического рода. Пышные светло-русые волосы женщины завиты крупными локонами. Открытое платье из тёмно-синего бархата мягкими фалдами спускается с колен. На белой нежной шее лежит ожерелье из каких-то, наверное, очень дорогих блестящих камней. Илья не знал тогда, что это были настоящие бриллианты. Кто знает, какие чувства охватили душу этой аристократки, когда она смотрела на паренька. Скорее всего, она подумала: «Надо же, такой совсем молоденький и простой юноша, а так искренно молится, значит и у него есть свои беды, и он тоже просит защиты у Господа». Вдруг тяжёлые шаги раздались в трепетной тишине собора. Мозг Ильи прожгла мысль: «Они». Да, это были, действительно, гестаповцы. Они было потеряли преследуемого из виду и решили, что он побежал на соседнюю улицу, чтобы укрыться в находящихся там борделях. Порыскали-порыскали, но связного не нашли и поняли, что спрятаться он мог только в соборе и, не остановившись ни перед чем, стали искать его там. Один из них остался у входа, другой медленно пошёл между рядами, внимательно вглядываясь в верующих сзади. Хотя он и старался ступать тихо, шаги его кованых ботинок гулким зловещим эхом отражались от святых намоленных стен. Илья спиной чувствовал его приближение, ясно ощущая, как холодный изучающий взгляд пронизывает его насквозь. Пареньку показалось, что это смерть подходит к нему, нарочно чётко чеканя шаги. Сыщик прошёл мимо и, дойдя до первого стола, вернулся назад, чтобы теперь уже рассмотреть лица молящихся. Илья сидел, не шелохнувшись, не мигая глядя на священника. Душа, сердце, всё

естество паренька застыло в оцепенении, казалось, даже кровь перестала циркулировать по жилам. В голове стучала одна мысль: «Вот и всё, конец тебе, Илюха, мама, отец никогда даже и не узнают, что их сын не стал безгласным рабом, а боролся с фашистами, стремясь приблизить победу и, наконец, встретиться с ними.» У сыщика не было сомнений, что этот белобрысый мальчуган, вжавшийся в сидение, и был тот, за которым они так долго охотились. Гестаповец совсем уж было собрался гаркнуть: «Хальт!», как вдруг неожиданный взгляд аристократки, сидевшей рядом с его жертвой, заставил его прикрыть рот. Прекрасные глаза, наполненные негодованием и гневом, словно кричали: «В чём вы можете подозревать этого набожного ребёнка, неужели не видите, как он иступлённо молится». От блеска бриллиантового кольца на холеной шее, гестаповец даже на мгновение зажмурился. Он был в полном недоумении: понимал, что эта высокопоставленная особа уж никак не может покровительствовать врагу рейха. Вероятно, он ошибся, и подросток был родственником или знакомым этой графини или баронессы. Вот возьми, арестуй его, и влипнешь в неприятную историю, а то и погон лишишься. Да, ну его, от беды подальше, и фашист на цыпочках тихонько засеменил к выходу, убеждая себя в том, что настоящего связного проворонили где-то раньше.

Месса закончилась. Ещё не понимая до конца, что он жив и свободен, Илья вышел из собора. У двери он дождался свою спасительницу и низко поклонился ей. Обдав паренька ароматом тонких духов, она ласково улыбнулась ему и села в поджидавший её автомобиль. По дороге домой женщина размышляла: «И почему в глазах этого незнакомого мальчика было столько благодарности, неужели за то, что она позволила сесть рядом с нею?» Да откуда же ей было знать, что в соборе, она совершила, сама не зная того, величайший поступок – спасла человеческую жизнь.

До Ильи донёсся разговор служителей собора. Один возмущённо проговорил: «С самого начала войны не припомню, чтобы гестапо посмело

мешать молиться». «Наверное, искали кого-то», - предположил другой. «Ну, дождались бы конца службы и у входа осматривали бы каждого, - не унимался первый, - до чего мы дожили, никакого благочестия». «Курт, о каком благочестии ты говоришь, ведь это же гестапо», - усмехнулся второй собеседник, и в усмешке этой слышалась горькая, какая-то безысходная ирония. А тот, кого искали, да не нашли, медленно брёл по мосту с особым, не испытываемым никогда раньше наслаждением, вдыхая свежий речной воздух. В глазах его стоял небесно-синий цвет платья, в которое была одета та набожная католичка, и только сейчас Илья понял, что этот дорогой бархат был точно такого же цвета, как и платок, хранящийся у него на сердце. Поражённый этим совпадением, паренёк даже остановился, глядя на бегущие воды Рейна, подумал: «Мама, дорогая моя, и здесь ты бережёшь меня». Неожиданно дохнул лёгкий ветерок и чуть-чуть взъерошил светлые волосы паренька. Илье почудилось, что это мамина рука ласково погладила его по голове. От этого нежного прикосновения всё напряжение и оцепенение от пережитого в соборе растаяло, как дымка. На душе у подростка стало легко и светло, ему захотелось побежать вприпрыжку и рассказать кому-нибудь о случившемся, а кому он мог довериться, конечно же, единственному другу Отто Веберу. Перенесённое Ильёй потрясение всё же оставило в его подсознании глубокую и неизгладимую царапину – в течении всей своей дальнейшей жизни он не мог выносить, когда пристально смотрели ему в спину.

Внимательно выслушав взволнованный рассказ своего юного друга, Вебер решил спрятать его у своей бывшей супруги. Фрау Буш держала ферму и жила далеко за городом. Опасаясь слежки, электричкой ехать не стали, пошли пешком. По дороге бригадир задумчиво спросил: «Вилли, а платок твоей мамы с тобой был тогда?» Илья горячо и серьёзно, с какой-то даже досадой выпалил: «Отто, да неужели ты не понимаешь, если бы не мамин платок, то меня давно бы уже пытали в гестапо». Вебер, как и каждый

коммунист, был атеистом, но чрезвычайный, ничем необъяснимый случай с Вилли заставил его задуматься, что есть всё-таки какая-то высшая сила, которая помогает только тем, кто искренне в неё верит и разумом постичь эту великую силу невозможно.

Был поздний вечер. Окна небольшого двухэтажного дома фрау Буш не светились. Ворота заперты на засов. Отто Вебер открыл потайную калитку в высоком заборе, о которой знали немногие. Навстречу им вылетел огромный чёрный пёс, готовый разорвать каждого, кто нарушит покой его хозяйки. «Вальд, ты забыл меня», - шепотом спросил Вебер. Узнав старого хозяина, пёс виновато опустил голову и вспрыгнул ему на грудь. От толчка могучих лап Вебер пошатнулся. Илья тихонько рассмеялся. Мужчина осторожно постучал в окно и на вопрос: «Кто там?» дрогнувшим голосом ответил: «Эмма, открой, это я». Дверь резко распахнулась и бригадир утонул в объятиях немолодой, полной и сидящей уже женщины. Илья понял, что бывшими супруги оставались лишь по документам, а на самом деле были дороги друг другу и сейчас. Пареньку стало очень неловко оттого, что перед ним неожиданно приоткрылась завеса, скрывающая глубоко личную жизнь Вебера. Увидев незнакомого гостя, хозяйка тоже смутилась. Отто всё понял и, взяв под руку жену, с шутилой торжественностью сказал: «Знакомься, Вилли, это моя дорогая и единственная женщина на земле, а что фашисты заставили нас развестись, то, как видишь, мы на них плевать хотели». И звонко чмокнул хозяйку в пухлую щёку. В тишине дома поцелуй оказался таким громким, что все весело рассмеялись и успокоились. Фрау Буш обильно накормила гостей, и Илья отправился наверх, в отведённую для него комнату. Типичную немецкую спальню паренёк видел впервые. Она традиционно не отапливалась, было в ней холодно и свежо. Постель тоже несколько необычна. На широкой кровати лежала пуховая подуша и две перины – одна толстая и высокая, другая потоньше. Подросток догадался, что вторая служила одеялом, под которым нельзя было замерзнуть в

холодной комнате. На такой нормальной человеческой постели наш герой спал в последний раз ещё у тёти Зины в Одессе. Илья юркнул под перьевое одеяло и сразу же крепко уснул. Сон ему приснился сладкий и совсем домашний, скорее это был не сон, а картинка из прошлого, из далёкого детства, когда они ещё жили на Кубани. Приснилось, как он, будучи шестилетним пацанёнком, стащил с колхозного поля огромный арбуз, даже поднять его детских силёнок не хватило, пришлось катить арбуз домой прямо по дороге, хорошо, что никто этого не видел. Сияющий от счастья мальчик вкатил свою полосатую добычу во двор и побежал хвастаться маме. Та, вопреки ожиданию, не похвалила, а пообещала всю лозину изломать об его мягкое место, если он ещё вздумает красть. Интересно, что мозг Ильи восстановил маму точно такой же, какой она была двенадцать лет назад, в ситцевой, выгоревшей от солнца косынке, стягивающей густые непослушные волосы, загорелой, молодой и красивой. Она отчитала своего воришку, но делать нечего – арбуз в доме, а, значит, нужно его съесть. В хозяйстве даже ножа не нашлось, который бы разрезал этот бахчевой шедевр, пришлось взять отцовскую ножовку. Мама распилила арбуз и протянула сыну малиново-красную, с мелкими чёрными косточками спелую скибку. Илья уже собрался вонзить зубы в сочную сахарную мякоть, как вдруг мама снова заговорила, но голос у неё был почему-то мужским и говорила она по-немецки. Паренёк открыл глаза и ошалелым взглядом обвёл комнату. У кровати стоял Вебер: «Что, наверное, мать снилась?» «Да, - сонно ответил Илья, - а ты откуда знаешь?» «Да ты улыбался счастливо и звал её». Он положил руку на плечо юного друга и с тяжёлым вздохом проговорил: «Вилли, я ухожу и вернусь за тобой только тогда, когда всё утихнет, если, конечно, утихнет. Ситуация очень опасна для всех, коль уже ишейки вышли на твой след. Тебе нужно затаиться и даже имя сменить, обо всём позаботится фрау Буш». Мрачная реальность, с которой никто не в силах совладать, вырвала Илью из сладкого сна и опустила с неба на землю.

Немного полежав, Илья сошёл вниз. Вебера уже не было. Хозяйка казалась спокойной и сдержанной, и только покрасневшие глаза да опухшие от слёз веки говорили о том, что нелегко ей далось очередное расставание с мужем. Она хорошо понимала, что и эта короткая встреча могла стать последней для них. Фрау Буш взяла сумку, в которой лежал большущий копчёный окорок, и они отправились в полицейский участок. Женщина оставила паренька в приёмной, а сама прошла в кабинет к начальнику. Через несколько минут она вышла уже без сумки и, велев Илье ждать ответа здесь, ушла домой. Подросток слышал, что начальник стал звонить куда-то и с ужасом подумал: «А вдруг он звонит в гестапо.» Илья огляделся по сторонам: окна зарешечены, у двери часовой с увесистым парабеллумом на боку, значит, бежать отсюда нельзя. У паренька появилось ощущение жертвы, сидящей в капкане. Он сидел и напряжённо ждал, что вот-вот противно завизжат тормоза и у порога остановится машина тайной полиции. Время шло, роковая машина не появлялась, и начальник не выходил. Наш герой вспомнил о том, что приснилось ему этой ночью. Сон сильно взбудоражил его. Все чувства и желания, которые паренёк старался зажать и спрятать в своей душе, разом ожили и с невероятной силой нахлынули на него. Подростку до слёз, до крика хотелось попасть в то солнечное лето, услышать мамин голос, увидеть её улыбку, но за окном стояла суровая немецкая зима. Заканчивался декабрь 1943, и маму свою он не видел уже два с половиной года и не только не видел, а даже ничего не знал о ней. Из кабинета раздался хриплый старческий голос, позвавший дежурного. Тот вошёл и через минуту вынес пареньку новую регистрационную справку. Из этого документа Илья понял, что зовут его теперь Андреем Филипчуком, и в Германию он прибыл из западной Украины из города Коломыи. Фрау Буш прочитала справку и, улыбнувшись, сказала: «Наверное, понравился ему окорок».

Здесь паренёк прожил до конца весны. Фрау Буш рассказывала всем знакомым, что взяла себе работника Андрея, что он и усерден и трудолюбив,

только вот одна беда: с ним слишком тяжело общаться, он ни слова не знает по-немецки. Каждый день над их домом пролетали американские самолёты. Они шли бомбить Кёльн. Грохот взрывов оттуда доносился слабо, он скорее напоминал раскаты грома, так что казалось, над городом постоянно гремят грозы, гремят даже зимой. Начался уже апрель, а Вебер не подавал о себе никаких известий и это очень огорчало Илью. А что же переживала его жена? Она всё чаще и чаще закрывалась в своей комнате и выходила оттуда с заплаканными глазами. Они оба мучались в догадках, может он попал в лапы нацистов, может погиб при бомбёжке. Однажды хозяйка попросила Илью принести вечернюю почту. Он вытащил из ящика газету и из неё выпал маленький голубой конверт. Фрау Буш, побледнев, схватила письмо дрожащей рукой и побежала к себе. Илья чувствовал, что если услышит рыдания за дверью, то расплачется сам, и вышел на улицу. Вальд весело подскочил к нему и запрыгал, как молодой щенок, всем своим видом говоря: «Не печалься, дружище, всё будет хорошо». Наконец появилась хозяйка. Она казалась помолодевшей и даже глубокая морщинка, залегшая между её бровей разгладилась. Она взволнованно выдохнула: «Вилли, господин Вебер жив и здоров, – и, немного успокоившись, добавила, – ему нельзя сюда показываться. Он будет ждать тебя завтра вечером в лесу Ливер Кузен у старого клёна. Отто пишет, что ты знаешь это место». Ранним утром подросток вышел из дома. Дорога предстояла долгая. Фрау Буш крепко обняла его и сунув в карман письмо, попросила: «Вилли, передай это ему».

Вот и Ливер Кузен. Война не пощадила и этот старый лес. То здесь, то там виднелись чёрные провалы воронок от авиабомб, валялись вывороченные с корнем вековые деревья, но жизнь брала своё и природа просыпалась. Молодая травка пробивалась сквозь толщу прошлогодних листьев. Илья без труда нашёл условленное место: маленькую полянку, на которой рос высокий, раскидистый клён. Дерево по-прежнему было крепким, но выглядело как-то мрачно и безжизненно. Почки его не

распустились, как у всех, а оставались маленькими и сухими, словно весна для них прошла стороной. Паренёк оглядел дерево от вершины до корня и понял в чём дело. Крупный осколок безжалостно впился в могучий ствол и, перерезав дерево пополам, перекрыл дорогу живительным сокам, идущим от земли. Клён стал сохнуть и в первую же бурю мог сломаться. Вебер не заставил себя долго ждать. Он вышел из чащи улыбаясь, но усмешка была какой-то горькой. На бригадире была военная форма. Они пожали друг другу руки, и Вебер тихо заговорил: «Вот и мой черёд пришёл, Вилли, завтра я уйду на фронт. Видно, совсем плохи дела у Гитлера, если мобилизуют таких неблаго-надёжных, как я. Воевать я, конечно, не стану и в первом же бою сдамся в плен русским, а там будь, что будет». Эти слова настолько ошарашили Илью, что он, совсем как ребёнок, воскликнул: «Отто, а как же я?» «Ты останешься нашим связным, каждый день ходи на мост Гогенсолернов, там тебя найдёт человек и назовёт пароль «Привет от Гюнтера», он и станет твоим новым руководителем. Работать будешь совсем в другом месте, снова на расчистке завалов. Очень прошу, если сможешь, проведывай мою Эмму, ведь у неё теперь никого не останется». «Ой, у меня же письмо», - вспомнил Илья.

В глазах Вебера, до края заполненных безысходной тоской, сверкнул радостный огонёк. Мужчина сел на корягу и начал читать. Он задумчиво улыбался, снова и снова пробегая глазами дорогие строчки, потом аккуратно сложил письмо и спрятал его в карман нижней рубашки у самого сердца. Затем Вебер вырвал листок из блокнота и принялся писать ответ. Илья с болью смотрел на своего старшего друга, который не казался уже ему таким бравым и бодрым. За короткое время Отто сильно постарел и согнулся, словно на спину его давила тяжёлая каменная плита. «Передай это фрау Буш, - молвил бригадир, - быть может, это последнее послание от меня, ведь мы даже лишены возможности переписываться с ней». Вебер привлёк паренёка к себе и совсем по-отцовски стал гладить его голову, говоря: «Мальчик мой,

война уже скоро закончится, и ты обязательно вернёшься на родину, ведь там ждёт тебя мама». Илья уткнулся лицом в сукно солдатской шинели, и оно стало тёплым и мокрым от его слёз, а в груди Вебера что-то тихонько хлопотало и всхлипывало, может, это плакала его душа, которая всегда хотела иметь сына, но жестокая доля не дала ему такого счастья.

Расставание с Отто Вебером потрясло Илью не меньше, чем потрясла его гибель Ашота зимой сорок первого года, только тогда вокруг была родная украинская земля, а сейчас паренька окружала чужая и враждебная Германия. За время совместной работы в движении сопротивления, русский мальчик и немецкий рабочий стали не только соратниками по борьбе, но и близкими, необходимыми друг другу людьми. Без старшего товарища Илье стало совсем одиноко в далёкой от родины земле Северный Рейн Вестфалия. Единственным утешением оставался для него платок, в который подросток прятал все свои слёзы, свято веря, что вещь, хранящая мамино тепло, всё равно сбережёт его от всех бед. Ещё наш герой в трудную минуту постоянно читал наизусть молитву: «Живы в помощи Всевышнего», которой его научила мама. Снова Илья выдержал и не сломался. Он остался верен слову, данному Веберу и каждый день ходил на мост в ожидании встречи с новым руководителем. Он пришёл и назвал заветные слова пароля, паренёк сказал отзыв, молодой человек – высокий, светловолосый – по-деловому про-говорил: «Вилли, меня зовут Вальтер и мы с тобой продолжим нашу работу». Снова привычное задание связного и очередная поездка по городу. Илья заметил, что в последнее время немцы стали как-то мягче относиться к славянам, наверное всё же чувствовали своё поражение в войне. Говорят, что трезво мыслящие представители нации ещё с 1943 года начали ясно осозна-вать, что фашизм на немецкой земле обречён. По Кёльну поползли слухи, что в снарядах и бомбах, выпускаемых на заводах, вместо смертоносной начинки оказывался обыкновенный песок, да ещё и с запиской на ломаном русском языке «Чем можем – тем поможем». Паренёк сам был

свидетелем того, как иногда железнодорожники, оглянувшись по сторонам, старались изо всех сил садануть по товарным вагонам чем-нибудь тяжёлым, пытаясь этим хоть как-то повредить военный груз. Не забыл наш Вилли и о фрау Буш, выкроив время, отнёс ей письмо от мужа.

Паренёк по-прежнему расчищал завалы. Целых домов становилось всё меньше, а продолжающиеся бомбардировки грозили превратить некогда прекрасный город во всеобщий гигантский завал. Новым бригадиром стал сухонький старичок Курт Фитлер. В его погасших глазах таилась невероятная тоска, он никогда не смеялся и даже не улыбался. Бригадир свободно отпускал Илью в город и вечерами разрешал уходить из барака. Паренёк решил, что старичок тоже антифашист, поскольку хорошо к нему относится, но причина была не в этом. Однажды во время обеда бригадир протянул Илье большой кусок белого хлеба, намазанного повидлом и сказал: «Угощайся, Андрей, ты мне слишком напоминаешь моего младшего сына Ганса». «А где он сейчас?» – поинтересовался юноша. «Погиб под Сталинградом, а двое старших сложили свои головы: один под Москвой, другой в Беларуси», - хрипло произнёс он и вздохнул так тяжело, что у Ильи мурашки пробежали от этого вздоха.

Как-то паренёк забрёл в маленькое грязное кафе, где собирались восточные работники. Здесь они искали общения и возможности поговорить хоть с кем-то на родном языке. В кафе продавали мутное вонючее пиво и напиток, носящий громкое название «кофе». Тот кофе готовили из кипятка, заваренного пережжённым ячменем, добавляли в него крошку сахарина. Илья купил кружку напитка и расположился за столиком, покрытым облезлой клеёнкой. Звучала разноголосая речь, но в том обилии языков юноша, к своему сожалению, не слышал ни одного русского слова. За столик присел мужчина средних лет. Он поставил кружку пива и проговорил: «Моё имя Воёцех, я из Польши, из Познани». Илья назвал себя Андреем из Украины, ведь так значилось в его теперешних документах. Поляк немного знал

немецкий, наш герой владел украинским, который немного похож на польский, так и разговорились. Они встретились ещё несколько раз и немного сдружились. Однажды Войцех спросил: «А где работаешь ты сейчас?» Паренёк назвал место. «Знаешь, там дом на углу, такой жёлтый, красивый?» «Знаю, - ответил Илья, - в нём, говорят, живёт сам гауляйтер Кёльна». «Вот-вот, - заинтересовался поляк, - гауляйтер меня не интересует, да у него собака есть очень хорошая. Хозяин гуляет с ней редко, только тогда, когда бывает без охраны. Андрийку, ну сослужи другу службу, заметь, в какое время гауляйтер выгуливает свою овчарочку, мне хоть бы одним глазком взглянуть на неё, ну уж очень я люблю собак». Эта просьба несколько удивила Илью, ну а впрочем, почему бы и не помочь человеку в такой мелочи. С полмесяца наш герой наблюдал за роскошным особняком и выяснил, что хозяин его гуляет с собакой раз в неделю в выходной день и, действительно, тогда при нём нет охраны. Овчарка, и вправду, была хороша. Холеная, рыжая с подпалинами, она грациозно вышагивала рядом с гауляйтером, никого не подпуская к нему. Собака, видимо, благородных кровей, с богатой родословной, на её дорогом ошейнике блестел какой-то золотой значок. Илья рассказал об этом Войцеху, тот даже глаза прижмурил от удовольствия: «Ой, як я тебе дякую, Андрию, теперь погляжу на ту красавицу». Выходных бригаде Фитлера не полагалось, люди работали каждый день. В воскресенье, когда почти все немцы отдыхали, Илья с товарищами расчищали дорогу от руин обвалившегося ночью дома. Сгружая на тачку большую кучу щебня, паренёк видел, как из подъезда вышел важный гауляйтер в сопровождении своей мохнатой охранницы. Они спокойно стали прохаживаться по тротуару. Вдруг тишину разорвали несколько сухих автоматных очередей и дикий собачий вой. Ничего не понимая, Илья поднял голову и увидел, что на асфальте дёргается в предсмертных судорогах гауляйтер, и рядом с ним умирает его дорогая собака. Не успел подросток опомниться от одного, как был поражён другим.

Навстречу ему мчался Войцех и, пробегая мимо, бросил на чисто русском языке: «Родина тебя не забудет». Илья так и сел на обломки кирпича. Выходит, что это был вовсе не поляк, а советский разведчик, и он, Илья, не подозревая того, помог ему уничтожить высокопоставленного фашиста.

Близился 1945 год. Фронты Советского Союза и стран анти-гитлеровской коалиции постепенно сближались, зажимая фашистскую Германию в неразъёмные клещи. Немцы стали ещё добрее. Однажды, во время налёта бомбардировщиков, Илья бежал по улице, стараясь найти хоть какую-нибудь нору, чтобы спрятаться в ней. Вдруг он увидел полевого офицера с перевязанной рукой. Военный позвал паренька к себе и совсем неожиданно предложил ему пройти в бомбоубежище, сказав: «Война скоро кончится, ты выжил и, я думаю, тебе совсем не интересно погибнуть от какой-то шальной американской бомбы». Подросток вместе с немцем спустился в укрытие. Оно было буквально забито горожанами. Земля содрогалась от взрывов, но прочные стены бункера надёжно защищали спрятавшихся в нём людей. Налёт закончился и все вышли наверх. Наш герой содрогнувшись, увидев, что в том месте, где он разговаривал с офицером, зияла свежая воронка, над которой клубился высокий столб пыли. Да, действительно, непредсказуемы повороты судьбы; получилось так, что гитлеровец вполне сознательно спас жизнь своего врага, хотя, кто знает, может быть сейчас русский паренёк уже не был врагом для этого немца.

В феврале сорок пятого Вальтер сообщил своему связному, что в связи с приближением линии второго фронта, власти распорядились вывезти всех славян в глубь Германии, на расстояние не менее ста восьмидесяти километров. Немцы опасались, что восточные рабы поголовно станут помогать англо-американцам. Вальтер впервые пожал Илье руку, поблагодарил за работу в антифашистском движении и посоветовал: «Езжай в числе первых, все, кто не успеет сделать это, будут расстреляны». Душа

Илья пела от такой новости, ведь она означала, что начинается дорога домой, и пусть она будет невыносимо трудной.

И снова славянских рабов погрузили в товарные вагоны и повезли, только вот путь их сейчас лежал не на запад, а на восток. Эшелон медленно полз по разбитым дорогам, лишь на третьи сутки людей выпустили, дали по кружке воды и по куску хлеба из отрубей. Приказано было не отходить от поезда и ждать чего-то. Прошёл один день, другой, новых распоряжений не поступало. Похоже, немцы сами не знали, что теперь делать с этими работниками. Илья твёрдо решил бежать и во что бы то ни стало добраться до нашей линии фронта. Получив разрешение часового сходить на станцию напиться воды, он легко перемахнул железнодорожное полотно и скрылся в лесу. Паренёк пешком добрался до следующей станции, где стоял военный поезд, который, без сомнения, должен был пойти в сторону боевых действий. Смышленный наш герой забрался на платформу и, протиснувшись в щель между ящиками со снарядами, затаился там. Машинист вроде только этого и ждал, через несколько минут эшелон тронулся.

Было очень холодно, платформу сильно трясло, деревянные ящики больно сжимали бока паренька и страшно хотелось есть, но мысли о том, что он с каждым километром всё ближе и ближе приближается к своим, согревала и ободряла его. Ночью, пройдя довольно большое расстояние, эшелон внезапно остановился. Из разговора дежурного по станции и охранника поезда Илья узнал, что дальше идти нельзя, впереди линия фронта. Как же обрадовался наш герой этой вести. Он тихонько соскользнул с платформы и побежал в лес. Шел в темноте напролом, спотыкался о корни деревьев, падал, поднимался и снова упрямо устремлялся вперёд. Ветки в кровь исцарапали ему лицо и руки, больно хлестали в глаза, но Илья не замечал этого, неудержимо великая сила влекла его. Так пробирался он по лесу до самого утра. На рассвете вышел на широкую поляну. Яркое восходящее солнце на мгновение ослепило Илью, он прикрыл глаза ладонью,

чтобы привыкнуть к свету. Проснувшись уже золотистая пчёлка не-ожиданно запуталась в его волосах и стала возмущённо жужжать. Паренёк, улыбаясь, потряс головой, помогая букашке освободиться из плена. Величественно, тихо и безветренно вокруг. Вдруг на той стороне поляны слегка дрогнула ветка. Что бы это могло быть? Приглядевшись повнимательнее, паренёк увидел, что в кустарнике стоит танк. «Наверное, немцы замаскировались», - досадно подумал подросток. Кусты раздвинулись и, не веря своим глазам, Илья ясно увидел надпись на танке Т-34. Оцепенев от радостного изумления, паренёк не мог проронить ни слова. Люк машины открылся и из него показался молоденький красноармеец. Он, глядя на юношу, крикнул по-немецки: «Ком, ком», видимо решив, что это немец. Вместо того чтобы неистово заорать «Ура, наши», подросток с серьёзным достоинством спросил: «Чего комкаешь, по-русски, что ли разучился говорить?» «Опа, наш; ты откуда здесь взялся?» - с несказанным удивлением пробасил танкист. Двое других тоже вылезли из машины и с любопытством стали разглядывать незнакомца. Илья, не помня себя от радости, стремительно мчался к ним. Паренёк сказал, что в сорок втором его угнали на работы в Германию, что сейчас он добирается до нашего фронта из самого Кёльна. Кудрявый, черноволосый красноармеец поинтересовался: «Родился ты где?» «На Кубани». «Надо же, и я на Кубани, - обрадовался он, - выходит, земляки мы с тобой». Танкисты расспросили паренька о гитлеровцах в близ лежащих сёлах, поскольку они были фронтовыми разведчиками и стали собираться. «Ребята, возьмите меня с собой» - чуть не плача, попросил Илья. «Да возьмём, возьмём, - мягко согласился командир, - куда же тебя деть». Солдаты потеснились и наш герой, улыбаясь широко и счастливо, как ребёнок, опустил на сиденье боевой машины.

Командир роты внимательно выслушал рассказ прибывшего юноши: кто он и откуда, и досадно цмокая языком, тихо проговорил: «Тебе, допустим, парень, я верю охотно, но вот в особый отдел доложить о тебе всё же обязан, таков порядок». На следующий день в роту прибыл сотрудник особого отдела капитан Спицын. Просверливая Илью маленькими, недобрыми глазками, он задавал массу нужных и не совсем вопросов, пытаясь выяснить, кто он на самом деле. За паренька вступился Пётр Рубин, так звали его земляка: «Товарищ капитан, да поверьте вы пацанёнку, он же, как и я с Кубани, и названия всех тамошних станиц знает, а это ли не доказательство, что он наш». Смершевец, поджав сухие губы, резко оборвал Рубина: «Сержант, занимайся своим делом и не суй свой неграмотный нос, куда тебя не просят». Слишком подозрительным казалось особисту, что такой слабый на вид юнец самостоятельно добрался сюда из далёкого Кёльна, уж не немецкий ли это разведчик. «Покажи мне свои вещи», - надменно процедил он. У Ильи не было ничего, кроме заветной его реликвии. Он положил на стол мамин платок. «Что это такое?» - презрительно спросил капитан. «Это платок моей мамы», - с нежностью проговорил паренёк. И ты хочешь сказать, что всю войну проносил его с собой в Германии?» - не унимался особист. «Да, - твёрдо сказал Илья, - я хранил его, а он берёт меня». «Что за чушь ты несёшь, дурак, как это тряпка может беречь, это что, каска тебе, или броня», - заорал смершевец. Паренёк похолодел, понимая, что над его сокровищем снова нависла смертельная угроза. «Даже гитлеровский санитар человечнее был, - подумал Илья и решил – пускай лучше меня расстреляет на месте, а платок вернёт». Капитан взял кашемир и, растянув его в руках, стал пристально разглядывать его на свет, нет ли каких-нибудь условных шпионских знаков. Пётр, знавший уже историю платка, незаметно выскользнул из блиндажа и, через минуту вернувшись, громко и смело рявкнул: «Товарищ капитан, вас срочно вызывают в штаб полка, там проверяющий из дивизии приехал». Смершевец

швырнул платок и, побледнев, стал быстро собирать свои бумаги. Паренёк, воспользовавшись моментом, схватил дорогой ему лоскут и спрятал за пазухой, от беды подальше. Смершевец сел в виллис и укатил восвояси. Рубин театрально сделав «дяде ручкой», насмешливо проговорил: «Пёрышко в зад тебе, капитан, мотай-ка отсюда». Илья удивленно спросил: «Петь, ты что, специально всё подстроил с этим вызовом в штаб?» «Да, - с достоинством протянул земляк, - а что он, кровопиец, нашел врага в куске материи». Оба непринуждённо и с облегчением расхохотались.

Через несколько дней пришёл всё-таки приказ. Он гласил о том, что Илья Ампилов зачислен стрелком отдельного 212 стрелкового полка, 49 стрелковой дивизии 1 Белорусского фронта. Восьмого апреля 1945 года рядовой Ампилов принял присягу. И стал наш многострадальный герой настоящим солдатом Красной Армии, получив долгожданную возможность открыто воевать с врагом. Ему выдали пилотку и гимнастёрку, правда изрядно поношенные, а вот со штанами вышла оказия: в интендантских запасах не нашлось брюк такого маленького размера. Солдатик наш был невысоким и уж очень худеньким. Покрутили, повертели товарищи Илью и решили, что штаны, которые были на нём вполне пройдут, коль других нет. Военная форма шла к лицу новоиспечённого солдата, в ней он казался взрослее и мужественнее, но, главное, что в ясных небесно-голубых глазах паренька навсегда исчезла едва уловимая боязнь чего-то и вместо неё появилась непоколебимая твёрдость и уверенность в себе. «Ну, не земляк у меня, а прямо орёл», - восхищался Пётр Рубин. «Ну, если честно сказать, то орлёнок ещё», - насмешливо уточнил кто-то. «Ну и что, - не унимался Рубин, - всё равно он станет настоящим орлом».

Шестнадцатого апреля началось всеобщее полномасштабное наступление на Берлин. 1 Белорусский фронт должен был атаковать столицу фашистской Германии с северо-запада.

Начались ожесточенные уличные бои. Ожесточенные, это, наверное, не совсем точное слово - обе стороны, как говорим мы, русские, дрались «не на живот, а на смерть». Обречённые гитлеровцы ни за что не сдавались, а нашим солдатам любой ценой нужно было сломать их сопротивление. Илья участвовал уже не в одном бою, и судьба пока хранила его. Отдельный 212 стрелковый полк снова поднят в очередную атаку. Фашисты открыли по наступающим шквальный миномётный огонь. Полк вынужден был залечь, но прозвучал приказ командира: «Вперёд!» и солдаты поднялись в атаку. Наш герой бежал впереди и, как все, закричал: «За Родину, за Сталина!», только вот «за Родину» он успел ещё выкрикнуть, а вот слова «за Сталина» захлебнулись у него в горле. Прямо перед Ильей разорвалась мина. Взрывная волна подняла паренька и со всей силы шлёпнула его головой о бордюр тротуара. Тут к нему подскочил Рубин и прохрипел: «Земляк, неужели убили?» и, перевернув окровавленное тело, сунул руку под гимнастёрку Ильи. Там, под сложенным в несколько раз платком матери, ладонь его ощутила слабое биение сердца солдата. «Жив», - с облегчением выдохнул Пётр. Подоспели санитары, погрузили раненого на носилки и отправили в санбат. Здесь поставили диагноз: осколочное ранение в грудь и тяжёлая контузия. Видавший виды хирург осмотрел Илью и страшно изумился: осколок мины прошёл рядом с сердцем, но нисколько не задел его, неужели этому помешала странная голубая материя, лежавшая на груди раненого? Короткая бахрома кашемирового платка даже слегка обгорела от раскалённого металла, а вот сердце юноши осталось невредимым.

Случилось это двадцать третьего апреля. Раненый очнулся лишь через несколько дней. Доктор, который всю войну прослужил на фронте, тихо сказал ему: «Молодой человек, произошло какое-то чудо. Вышло так, что мягкая нежная ткань, находящаяся у вас на груди, оказалась крепче брони, и я считаю, что именно благодаря ей вы остались живы». Военврач с мягкой улыбкой спросил: «Позвольте поинтересоваться, что это за вещь у вас?»

Илья ещё в полузабытьи, прикрыв глаза, с трогательной улыбкой прошептал: «Это платок мамы моей». «Тогда вопросов нет, - произнёс хирург и задумчиво добавил, - хотя есть, но на них никто не сможет ответить».

Наш Илья поправлялся медленно, последствия контузии и ранения очень неохотно покидали его ослабевшее тело. У паренька кружилась голова, звенело в ушах, и он много спал. А в весеннем воздухе уже витало желанное, выстраданное нечеловеческими муками, великое слово «победа». Интересно, что это дорогое слово было у всех на устах, но вслух его никто не произносил. Ни солдаты, ни офицеры, ни даже генералы. Все словно опасались: вот скажешь «Победа», а она вдруг возьмёт и улетит куда-то и никогда больше не вернётся. По всеобщему единому правилу, которое никто не устанавливал, фронтовики только говорили: «Вот, когда кончится война» и замолкали, каждый думая о своём сокровенном. Своё личное было всё равно единым: все жаждали вернуться домой и встретиться со своими семьями. Наш герой крепко спал и ему снился диковинный сон. Он бредёт по заснеженной степи, а навстречу ему идёт мама Матрёна Петровна, на голове у неё платок, лежащий сейчас у него под рубашкой. В руках она держит большой букет ярко-синих цветов, научного названия их Илья не знал, но в детстве все их называли «сокирками». Нежные соцветия, действительно походили на крошечные топорики и расцветали они в июле в самую жару, когда вся трава уже выгорела. «Мама, где ты взяла эти цветы зимой?» «А под снегом сохранились, - улыбнулась Матрёна Петровна, - выдержали лютые морозы и распустились». «Но ведь это не подснежники, а «сокирки» и расцветают они только летом». Мама загадочно ответила: «В том-то и чудо, что распустились они именно сейчас, пора, наверное, такая настала, и я несу их тебе, сынок». Илья почувствовал, что кто-то стал сильно трясти его за плечо. Паренёк открыл ошалелые глаза и увидел, что рядом с койкой стоит его сосед по палате сибиряк Вася Сомкин. Глазища сибиряка широко растопырены от восторга, по заросшим щекам текут слёзы, толстые губы

расплылись в невероятно счастливой улыбке. Васёк безо всякой уже боязни смело и прямо заорал неистово: «Победа, Илюха, ты слышишь, победа!» Паренёк слетел с койки, они с Сомкиным обнялись и, как сумасшедшие, стали трясти друг друга и хохотать, затем выбежали на улицу. Здесь была настоящая канонада, палили вверх из всего, что могло стрелять.

Ночное берлинское небо горело от световых ракет, а фронтовики до хрипоты, до самозабвения орали: «Ура, победа!» Акт «О капитуляции фашистской Германии» был подписан в ночь с 8 на 9 мая. В Союзе об этом великом известии узнали лишь 9 мая, а в Германии советские войска знали и ликовали уже 8 мая. Неужели скоро домой!

Здоровье нашего героя становилось всё лучше. Он окреп и даже немного поправился. Всем выздоравливающим поручали различного вида работы. Илье досталась не совсем приятное и, откровенно скажем, зловонное задание: ему необходимо было прибираться в госпитальном туалете. Однажды, когда паренёк, помывшись, пришёл в палату в ожидании обеда, по радио прозвучало обращение начальника госпиталя. Главврач просил всех, кто владеет немецким языком, срочно зайти к нему в кабинет. О том, что он говорит по-немецки, Илья никому не признавался, но сейчас решил, что чем чистить нужник, лучше всё-таки открыть свои знания, а может они кому-нибудь и пригодятся. В кабинете главврача сидел незнакомый военный в полковничьих погонах. После короткой беседы на русском, полковник стал задавать вопросы на немецком языке, паренёк без всякого труда отвечал ему тоже по-немецки. Приезжий был видимо очень доволен и, улыбаясь, объявил, что забирает паренька с собой для дальнейшего прохождения службы при ставке советского командования в Берлине. 16 июня 1945 года И. Ампилов был выписан из госпиталя. Неугомонная судьба сделала неожиданный головокружительный виток, подняв на большую для рядового солдата, высоту. После короткой дополнительной подготовки Илья стал переводчиком при высшей советской ставке в Германии. Он принимал

участие в переговорах советского и англо-американского командования с делегациями немецких городов. В перерывах между такими встречами служил при комендатурах берлинских пригородов Белцига и Тройнбрицена, тоже переводчиком. Илью часто вызывали в Берлин для приёма очередных делегаций. Такие приёмы всегда заканчивались пышными банкетами, на которых наш герой также обязан быть. Столы ломились от изысканных блюд, здесь были такие заморские яства, о каких Илья даже никогда не слышал. Казалось бы, живи да радуйся, где ещё увидишь такое, но любое экзотическое кушание из каких-нибудь мидий паренёк с превеликой радостью променял бы на тёплый ломоть душистого маминого хлеба. Нашему солдату невыносимо хотелось домой. Любимая родина манила Илью каждую ночь, лишь только он смыкал веки. Снились и бескрайние поля золотистого подсолнечника, и улыбка милой мамы, учителя немецкого языка и даже собака Кнопка снилась вместе со своими пушистыми щенками, которая жила когда-то у них во дворе. В Союз, на родину отправлялись очередные группы фронтовиков, но в их списках имя рядового Ампилова пока не значилось.

Была у нашего героя и так называемая «простая» работа. Ему периодически приходилось дежурить на посту у дороги, пересекающей демаркационную линию, которая по договору между союзниками разделяла Берлин на западную и восточную часть. В обязанности часового входило: проверять все машины, въезжающие в восточную часть города и выезжающие из неё. Как-то Илья стоял на посту, работы хватало, машины почти непрерывно сновали в одну и другую стороны. Вот по дороге из восточного Берлина тархтит небольшой двухтонный грузовик. Часовой опускает шлагбаум и начинает обычный осмотр машины. Из кабины выскакивает водитель и с подобострастной улыбкой объясняет, что грузовик его вёз гуманитарный груз на восток, и теперь возвращается назад порожняком. Часовой легонько постукивает пальцем по кузову и, вместо

характерного для пустой машины звонкого звука послышался глухой. Дежурный попросил открыть кузов. И вправду, пусто, чисто, даже вымыто, ну порядок не удивителен для аккуратных немцев. Илья обошёл машину вокруг и заметил, что она слегка просела на рессорах, чего опять-таки не должно быть у пустого грузовика. Водитель перехватил взгляд часового и затараторил, что резина на шинах старая и мягкая, поэтому даже лёгкий автомобиль проседает на них. В глазах его появилось явное беспокойство и страх. Дежурный почувствовал, что здесь что-то не так. Работа в анти-фашистском подполье не прошла для нашего героя даром; несмотря на молодость, он прекрасно научился разбираться в людях и сейчас видел, что шофёр явно лжёт и боится чего-то. Часовой велел отогнать машину в сторону и вызвал дополнительный наряд. После более тщательного досмотра оказалось, что под днищем грузовика было ещё одно дно. Этот тайник заполняли какие-то ящички. Их вскрыли и все присутствующие застыли от изумления, кроме водителя, конечно: ящички были до краёв забиты серебром и изделиями из золота и драгоценных камней. Илья смотрел на играющие в лучах солнца бриллианты и понял, что точно же такие самоцветы были на колье у той, которая спасла его от гестаповцев в кафедральном соборе Кёльна. В общем целом, в тайнике грузовика было семьсот килограммов серебряных монет и двенадцать килограммов золота и камней. Выяснилось, что таким образом нацисты пытались вывезти свои сокровища в англо-американскую зону оккупации, а простой советский солдат не дал им сделать этого. За проявленную бдительность рядовой Ампилов был представлен к правительственной награде.

Однажды, проводив на родину группу товарищей, Илья обратился к своему непосредственному начальнику капитану Орлову, человеку большого ума и широкой души: «Товарищ капитан, а когда же меня отпустят? – и чуть не со слезами добавил, - я очень домой хочу». Орлов прекрасно понимал чувства паренька и мягко сказал: «Послужи ещё, Илюша, нет пока тебе

замены, пришлют переводчиков, обязательно похлопочу о твоей демоби-лизации».

Многие сослуживцы нашего героя не понимали, а некоторые осуждали его за то, что он не испытывал ненависти к немцам. Илья несколько лет прожил в Германии и знал о её народе намного больше, чем те, кто воевал с гитлеровцами на фронте. Паренёк ненавидел фашизм и боролся с ним, но он уважал и ценил простых немцев. Добрые светлые чувства к Отто Веберу, ставшему Илье почти отцом, к его супруге фрау Буш, другим честным гражданам Германии навсегда остались в душе нашего солдата. В том, что среди немцев есть люди достойные высочайшего уважения и преклонения, Илью убедила ещё одна необычная история. Однажды подразделение, в котором служил наш герой, шагало по одной из улиц Бельцига. Из небольшого дома выбежал мальчонка лет пяти или шести. Он схватил Илью за полу шинели и стал маршировать рядом, стараясь маленькими ножками чётко чеканить шаг. Ребёнок был в чистой курточке и брючках, явно перешитых из чьей-то взрослой одежды. Их догнала пожилая женщина, наверное, мать мальчика. Она подхватила ребёнка под руки, прижала к груди и со словами: «Макс, непослушный мой, не уходи так далеко», - понесла его домой. Илье бросилось в глаза, что у Макса совсем не немецкое лицо. Раскосые тёмные глазки, смуглая кожа, жёсткие чёрные волосы говорили о том, что мальчик – вовсе не немец, а сын какого-то восточного народа. Как он мог оказаться здесь в центре Германии? На другой день паренёк возвращался из комендатуры, к нему подбежал знакомый уже Макс и, протянув Илье мячик, сказал чисто по-немецки: «Давай поиграем». «Давай», - согласился солдат, и они стали кидать друг другу мяч. Мальчик заразительно и звонко хохотал, паренёк тоже смеялся, а мать с умиленной улыбкой глядела на них в окно. Ребёнок неожиданно попросил: «Приходи к нам в гости завтра, я тебя маме покажу». Вечером следующего дня наш солдат взял банку сгущёнки, плитку американского шоколада и большую

пачку печенья, и отправился в гости. Макс, встретив его, обрадовался, весело запрыгал, а когда увидел дорогие гостинцы, то угольные глазки его ещё ярче разгорелись. Мальчонка выбежал на улицу, чтобы принести показать гостю котёнка, который у них недавно появился. «Фрау, скажите, откуда взялся у вас этот мальчик», - осторожно и тихо попросил Илья. Малыш притащил полосатого котёнка, Илья погладил его. Хозяйка, приготовив напиток из кипятка и сгущёнки, отправила Макса пить его в соседнюю комнату и плотно прикрыла дверь. Из комнаты донеслось громкое и смачное сёрбание, видно мальчику уж очень было вкусно. Женщина пригласила гостя на диван, и сама присела рядом. «Вам я расскажу о мальчике, - промолвила она, - только если вы дадите слово, что об этом никто не узнает». Солдат пообещал сохранить тайну. Откинувшись на спинку дивана, слегка прикрыв глаза, словно глядя в прошлое, женщина неспеша стала рассказывать: «Это было в самом конце сорок первого. Я жила одна, единственный сын Макс воевал на восточном фронте. Однажды глубокой ночью меня разбудил какой-то непонятный шум на улице. По стуку деревянной обуви и по окрикам конвоя поняла: это перегоняют куда-то русских пленных. Колонна прошла и стало очень тихо, так тихо бывает только ночью в сильный мороз. Вдруг в звенящей тишине до меня донёлся слабый, едва уловимый звук, похожий не то на писк, не то на мяуканье котёнка. Я выглянула в окно и увидела на перекрёстке странный маленький свёрток. Забыв о страхе и об осторожности, выбежала на улицу. Тогда я не знала, что овладело мною, теперь знаю точно, это было само провидение. На ледяной брусчатке, в мокром, застывающем уже свёртке лежал ребёнок. Как оказался он на дороге, совсем не трудно догадаться. Колонну, видимо, гнали в крематорий, пленные об этом знали, среди них была женщина с ребёнком. Она ясно осознавала, что идёт на верную гибель и туда же несёт своё дитя. Как спасти от смерти его, только родившегося на свет? Выбора у неё не было, оставалась мизерная, почти нереальная, но единственная надежда. Бедная

мать оставила ребёнка на дороге. Быть может, кто-нибудь всё же найдёт и спасёт её сына. У горячей печки я развернула грязное тряпье, в нём завернут мальчик, которому, наверное, не было и месяца. Малыш мало напоминал человеческое дитя, он скорее походил на маленький скелетик, обтянутый кожей, но в нём всё же теплилась жизнь. Кожица мальчика смуглая, на головке нежный чёрный пушок, разрез глазок чуть заужен, я поняла, что мой найдёныш – сын какого то азиатского народа. А и какая разница, кто его родители, главное, что малыш жив и только одна я могу спасти его от смерти. От сына у меня чудом сохранилась бутылочка с соской, я напоила крошку тёплым молоком, потом искупала и завернула в чистое детское одеяльце, тоже оставшееся от сына. Не спала уж до самого утра, всё прикладывала руку к груди, проверяя – дышит ли. От сильного переохлаждения мальчик застудился и жизнь едва теплилась в нём. Я спасала его всеми доступными мне тогда средствами и постоянно молилась, прося господу не забирать у меня этого ребёночка. Малыш, к великой моей радости, постепенно стал выздоравливать, видно, родители его были сильными и крепкими людьми, а через три месяца я получила извещение, что мой родной сын погиб под Москвой. Потерять единственного сына – это очень страшно, мне хотелось умереть. Единственный, кто теперь держал меня, так это найденный мною малыш. Я осознавала: умру - и вместе со мною погибнет и он. Я назвала его тоже Максом. Держала его взаперти и никому не показывала, ведь если бы гестапо что-то узнало, нас обоих сразу бы расстреляли. Так мой маленький затворник прожил у меня до конца войны. Пришли русские и я, уже ничего не опасаясь, пошла в магистрат и, заявив, что имею ребёнка, записала его на свою фамилию. К чести новых властей, нужно сказать, что никто даже не спросил, как он у меня появился, да и, в конце концов, кому какое дело до этого. Это теперь мой сын, моё единственное сокровище».

Исповедь настолько тронула Илью, что он не мог вымолвить ни слова. Паренёк поднялся, взял руку этой героической женщины и прижался к ней дрожащими от волнения губами. В этот момент дверь широко распахнулась и из неё выскочил Макс, симпатичная его мордашка вся испачкана шоколадом. Увидев, что уважаемый им взрослый друг в красивой военной форме целует руку его мамы, несколько оторопел, а потом, шагнув к ним и схватив другую руку матери, звонко чмокнул её. Почтенная фрау искренне и счастливо рассмеялась, а в серых печальных глазах её появилось несколько прозрачных слезинок. Илья подкинул Макса почти под потолок, мальчонка завизжал от неожиданности и, падая в руки парня, весело крикнул: «Ещё!». Юноша подбрасывал его и снова ловил, пока женщина с напускной строгостью не сказала: «Довольно, сынок, у дяди уже руки болят, ты же ведь тяжёленький у меня». Возвращаясь домой, наш герой размышлял: «Я и раньше не считал всех немцев жестокими и ненавистными, а теперь уж тем более у меня никогда не повернётся язык сказать, что немцы все не люди и звери». Илья стал частым гостем в этой необычной семье и всегда приносил что-нибудь вкусное и сытное для Макса, стараясь хоть как-то помочь мужественной женщине.

Служба продолжалась. Илью в очередной раз вызвали в Берлин. «Наверное, опять какая-нибудь делегация прибыла», - с досадой подумал солдат. Пышные приёмы и банкеты ему изрядно надоели, душа рвалась домой. На этот раз рядовому Ампилову поручили задание особой важности. Необходимо было помочь нашей контрразведке поймать беглого майора, перешедшего на сторону американцев. Этот бывший советский майор временно поселился в Кёльне. В особом отделе известно было, что Илья долгое время жил в этом городе и хорошо его знает. Паренёк должен, не привлекая к себе внимания, выследить, где остановился беглец и сообщить об этом нашей разведке. Наш герой успешно выполнил задание и предателя поймали. За это рядовому Ампилову объявили благодарность командования,

но Илья не радовался, лучшей наградой для него был бы приказ о демобилизации, но его никто пока не давал.

Однажды Илью за чем-то срочно вызвал капитан Орлов. Солдат направился в комендатуру. Навстречу ему выбежал Макс. Чёрные глазёнки его сияли озорным блеском. «Смотри, кто у меня есть», - восторженно выпалил он и протянул вперёд руку. В кулачке мальчика был зажат совсем ещё небольшой белый голубок. Солдат бережно одним пальцем погладил нежную головку птицы и почувствовал, как от страха сильно бьётся голубиное сердечко. Юноше стало очень жаль птицу и он предложил: «Макс, давай его отпустим на волю». «Нет, - недовольно протянул мальчик, - я буду его кормить, привяжу за лапку, и он будет жить у меня в доме». В глазах мальчонки появилась, прямо-таки, степное упрямство и твёрдость. Необычное сочетание безукоризненного немецкого языка и восточного обличия ребёнка всегда казались Илье милыми и очень забавными. Солдат привлёк к себе Макса и зашептал ему на ухо: «Скажи честно, тебе хорошо было жить, не выходя на улицу, когда была война?» «Плохо», - твёрдо и искренне произнёс мальчик. «А кто не давал выходить на улицу, знаешь?» «Знаю, гестапо не давало». Зная натуру мальчика, Илья продолжил: «Так, если ты не даёшь птице летать свободно, выходит, что и ты – гестапо?» Обескураженный таким поворотом дела, мальчишка даже сделал шаг назад и с возмущением крикнул: «Нет, я не фашист, я выпущу его», - и расжал ладошку. Голубь, не веря своему счастью, ещё секунду посидел, а потом, взмахнув крыльями, легко и свободно полетел ввысь. Юноша ласково потрепал мальчика за плечо и одобрительно сказал: «Молодец, Макс, ты настоящий мужчина. Ну а я пошёл, мне пора». Комендатура была совсем рядом. Наш герой радостно удивился, увидев, что на её крыше, прямо над крыльцом сидит тот самый белый голубок. Птица озабоченно чистила пёрышки и умными глазками-бусинками весело поглядывала на Илью.

Солдат зашёл в кабинет начальника. Капитан Орлов, всегда сдержанный и спокойный, резко встал из-за стола и громко рявкнул: «Рядовой Ампилов, смирно». Илья даже пошатнулся от неожиданности, и руки сами собой вытянулись по швам. Орлов торжественно зачитал приказ о демобилизации рядового Ильи Ампилова. Не запрыгал и даже не заплакал, услышав страстно желаемое известие. Просто стены кабинета, зашторенные окна, портрет товарища Сталина да и сам капитан Орлов медленно, словно на волшебной карусели, поплыли вокруг него, а в голове стучала одна-единственная мысль: «Господи, неужели я скоро буду дома?» Орлов распорядился выдать Илье два усиленных пайка, один солдат отнёс Максусу, а другой сложил в вещмешок. Наш герой уже знал, где живёт его семья. Сразу же после победы он отправил письмо в Горловку, надеясь, что родители уже вернулись туда после эвакуации. Через два месяца получил конверт, подписанный своим же почерком. На конверте стоял казённый штамп «Адресат выбыл». Очень расстроившись, пареньёк стал размышлять о том, где они могут находиться сейчас. Решил написать письмо на Кубань, в станицу, в которой вся семья жила задолго до войны. Добросовестный начальник почты сообщил, что семьи Ампиловых в данном населённом пункте нет, а проживает она в соседней станице Дмитриевской. Через три дня наш Илья уже ехал в пассажирском поезде Берлин – Киев. Вот и всё, прощай Германия. Страшный и очень трудный отрезок жизни пареньёка остался позади, но странное дело, сердце при этом почему-то тихонечко ныло. Несмотря на все испытания, эта страна не стала для Ильи ненавистным врагом, хотя и другом не стала. Она просто превратилась в старую знакомую, воспоминания о которой будут тревожить и будоражить его душу всю оставшуюся жизнь, а колёса поезда монотонно и сладко стучали: «домой, домой, домой».

До Краснодара солдат добрался довольно легко, а вот до Дмитриевской пришлось шагать пешком километров 20, да разве это

расстояние теперь. Шёл Илья по пыльному просёлку, а вокруг простирались великолепные кубанские степи. Июльский ветер гонял колючие шары «перекати-поля», нежный серебристый ковыль ласково шекотал руки паренька. Вспомнилась вдруг нашему герою та мерзкая ворона, пригрезившаяся ему в начале войны. Илья даже рассердился: «Тьфу ты, и придёт же на память всякая гадость посреди такой благодати». Неожиданно прямо из под ног парня вылетел молоденький фазан. Перья его были настолько яркими и красивыми, что на фоне солнца он казался настоящей «жар-птицей». Петушок опустился в траву, нежным кукареканьем стал звать свою любезную курочку. Илья бодро шагал и, вдыхая родной воздух полной грудью, улыбался; может это кому-нибудь и покажется смешным, но ему, страдавшему по всему близкому, хотелось целовать и фазана, и листья подорожника, распластавшиеся у просёлка, и даже колючки репяха, которые он так не любил, если они цеплялись за штаны, или ещё за волосы. Наверное, чтобы по-настоящему оценить великую благодать всего этого, нужно сначала потерять её, а потом снова найти.

Вот и она, милая сердцу, Дмитриевская. У древнего старика, сидевшего у крайней хаты, Илья спросил: «Дедушка, а где Ампиловы здесь живут?» «А вот, по правую сторону улицы восьмая хата будет, прямо у ихней калитки ива плакучая растёт». Ноги солдата, не зная усталости, всю дорогу несшие его легко и быстро, сейчас вдруг стали какими-то деревянными и непослушными. Юноша медленно дошёл до восьмого дома. У тына, действительно, росла высокая верба, её длинные ветви низко опустились до самой земли. Илья тихо открыл калитку и остановился, дыхание его замерло. Во дворе – никого. Пареньку вдруг стало страшно от ледяной мысли: «А если и сейчас дом окажется пустым, как тогда в Горловке в сорок первом?» Нет, дорогой герой, сейчас всё было по-другому. Из-за сарая вышла мать, она ступала тяжело, неся в руке полный подойник молока. Увидев у забора юношу, Матрёна Петровна остановилась, разглядывая его.

Широко раскрытыми глазами Илья смотрел на маму. Боже, как же она постарела и осунулась, словно прошло не шесть, а целых шестнадцать лет. Матрёна Петровна вдруг вскрикнула так громко, что её, наверное, услышала вся станица и, выронив подойник, помчалась к сыну: «Илюшенька мой, живой!» Она уткнулась лицом в грудь сына и задрожала от рыданий. Илья крепко обнял её худенькие плечи и, спрятав лицо в седеющие, пахнущие солнцем, волосы матери, тоже облегчённо заплакал. Так они простояли долго, не в силах выпустить друг друга. Затем мама, вытирая обезумевшие от счастья глаза, сказала: «Ну, пойдём же в дом, сынок». Они зашли в хату, а обрадованная несказанной удаче кошка, привела своих хорошеньких полосатых котят и они с удовольствием стали лакать молочную речку, вытекающую из перевёрнутого подойника.

Наконец Илья переступил порог родного дома, вдыхая ни с чем не сравнимый запах детства, который до сих пор сохранился здесь. В комнате и кухне никого не было. Парень с тревогой спросил: «Мам, а где же отец и брат?» «Да в поле пошли, скоро должны прийти», - успокоила его Матрёна Петровна, а сама глаз не сводила с сына. Илья стал выкладывать на стол гостинцы: красивые жестяные банки, яркие шелестящие пакеты, в которых упакованы продукты, о каких женщина даже никогда не слышала. Когда вещмешок опустел, юноша дрогнувшим голосом сказал, расстёгивая гимнастёрку: «А вот и самый главный мой подарок тебе, мама». И достал из-за пазухи заветный голубой платок из кашемира. Глаза матери широко распахнулись от изумления, она всплеснула ладонями и, ничего не понимая, воскликнула: «Мой платок, Илюша, где же ты взял его в Германии?» «Да не в Германии я его взял, а дома, в Горловке, в комодке, может ты его забыла, или специально оставила для меня», - сын добродушно рассмеялся и надел платок матери на голову. Матрёна Петровна подошла к зеркалу, прилепленному к стене и с неожиданным кокетством промолвила: «Ты смотри, вроде и впрямь помолодела». В эту самую минуту в хату влетел

братишка, в сумраке кухне не заметив сразу Илью, выдохнул: «Мама, смотри, что я тебе принёс», - и протянул ей пушистый букет ярко-синих «сокирок». Мать взяла цветы, а Илья, глядя на неё, пошатнулся и опустился на лавку, подумав: «Боже, неужели опять сон, ведь точно такой мама приснилась накануне Победы». Мать охнула: «Вот бестолковая, совсем забыла, у меня же хлеб в печи». Она открыла задвижку. Вынула на деревянной лопате высокий румяный, слегка зажаренный каравай, от которого по всему дому пошёл головокружительный, пьянящий, именно такой, какой бывает у маминого хлеба, аромат. Илья медленно покачал головой: «Нет, это не сон», - и улыбаясь ему одному понятной улыбкой, прошептал: «Мамонька, отрежь мне горбушку».

ИВУШКА ПЛАКУЧАЯ

Февраль в этом году стоял суровый. Постоянно дул пронизывающий ветер. Даже при небольшом морозе было очень холодно. Молоденькая хорошенькая девушка Женя возвращалась из школы домой. Сильный ветер то и дело забрасывал ей в лицо колючие снежинки. Женя подняла воротник модной шубки, надела теплые перчатки, и все равно чувствовала стужу. Небо было серое и мрачное, и может, поэтому на душе у девушки было тоскливо и неуютно. Трамвая долго не было. На остановке собрались люди, одни ругали погоду, другие городское начальство. На обочине дороги лежал мертвый голубь. Ветер безжалостно трепал его нежные белые перышки. Безжизненные лапки посинели от холода. Это была не взрослая птица, а скорее голубок подросток, может, поэтому он и не выдержал стужи. Молодой парень носком дорогого ботинка брезгливо отшвырнул тельце замерзшей птицы в снег.

Наконец-то подошел трамвай, и Женя протиснулась в вагон. На следующей остановке в вагон вошел попрошайка. Это был худой высокий парень в поношенной, но не грязной одежде, и в стоптанных, не по холоду легких туфлях. Женя жила в зажиточной семье и не знала нужды и лишений. К нищим она относилась, если и не с презрением, то безразлично. Девушка рассчитывала услышать привычное слабое пение с фальшивой мелодией и перекрученными стихами. Но то, что услышала она, сейчас, глубоко поразило и изумило ее. Парень пел взволнованно и проникновенно. Высокий сильный заполнил весь вагон и проник в самую глубину девичьей души. Казалось, что нежная мелодия мягким теплым шелком окутала ее, согрела и успокоила. Женя не могла отвести от поющего глаз. Щеки его еще больше побледнели, длинные ресницы полу прикрытых глаз чуть подрагивали. Вдохновенное пение стихло, и паренек

пошел по вагону. В вагоне было много народу, но все пассажиры притихли, замороженные вдохновенным пением. Мелодия смолкла, и певец пошел по трамваю. В банку щедро полетели монеты и бумажные деньги, слышались слова:

— Да такому таланту место на большой сцене, а он, бедолага, по трамваям на хлеб зарабатывает.

Парень собрался выходить. Женя опомнилась, что это ее остановка. У двери они стояли вместе. Вагон качнулся на повороте, и девушка сильно пошатнулась, она бы упала, но крепкая юношеская рука поддержала ее под локоть. Женя украдкой взглянула на парня. Большие синие глаза весело улыбались ей. Идя, домой девушка размышляла. С одной стороны она немного досадовала, что позволила себе разулыбаться какому-то бомжу, но с другой чувствовала, что необыкновенно красивый голос ей сильно понравился, и неожиданная учтивость певца была ей просто приятна.

На следующий день они снова встретились, и так продолжалось много дней подряд. Бедный певец всегда садился в трамвай, в котором ехала Женя, и выходил вместе с ней. Войдя в вагон, он взглядом отыскивал девушку и, найдя, радостно улыбался. Женя стала ловить себя на мысли, что тоже ждет его. Одно она не могла понять, как он умудряется угадывать время ее возвращения домой.

Однажды школьница задержалась на занятиях у репетитора по английскому и возвращалась домой поздно. Встретить знакомого паренька сейчас уж никак не рассчитывала, но каково же было ее изумление, когда он появился в двери вагона. Они вместе вышли на жениной остановке, и певец исчез в толпе. Было уже совсем темно. В такое позднее время отец всегда встречал Женю. Родители старались уберечь свою младшую дочь от всевозможных неприятностей, но сегодня папы почему-то не было. Девушка, хотя и считала себя совсем взрослой, ведь она заканчивала школу, готовилась

стать студенткой института, но идти по темной пустынной улице одной было ей страшно. Деваться было некуда и Женя, свернув в знакомый переулок, быстро зашагала домой. Торопливый стук ее каблучков гулко разнесся в тишине. Вдруг от стены заброшенного дома отделились две мужские фигуры и чуть пошатываясь, направились прямо к ней. Женя обмерла, беспомощно огляделась по сторонам - ни души. Толстый верзила, дыша в лицо свежей водкой и пивом, поинтересовался:

— Это, что же ты такая хорошенькая и одна гуляешь?

Тяжелые руки, словно клещи, крепко сдавили руки Жени. Глаза девушки наполнились слезами, она умоляюще прошептала:

— Пустите.

Другой пониже согласился:

— Пустим, побалуемся и пустим.- И, ухмыляясь, добавил. — Если только молчать будешь.

Нагло улыбаясь, он потрепал золотую сережку в девичьем ухе. Женя, конечно же, знала, чем обычно заканчиваются такие встречи. Цепенея от страха, подумала: «Вот и конец мне пришел и помощи ждать неоткуда». И вдруг, как гром среди ясного неба, из темноты раздался властный юношеский голос: — Отойдите от нее, эта девушка моя.

Высокий молодой человек внезапно появился из тьмы. Используя болевой прием, он сильно ударил одного обидчика в ухо, другому резко заломил руку назад, так, что тому показалось, что рука вот-вот хрустнет. Он взвыл от боли и зло прошипел:

Твоя так твоя, забирай ее.

Неожиданное появление незнакомца ошеломило хулиганов, и они быстро ретировались. Женя глазам своим не верила, спасителем ее был знакомый нищий певец. Дрожащими, холодными еще от страха руками она крепко сжала горячую юношескую руку. Девушка уронила голову на плечо

парня и с облегчением по-детски заплакала. Он осторожно коснулся ее мягких волос и хрипло проговорил:

— Не бойся, они больше тебя не тронут.

— Как тебя зовут? — Спросила Женя.

— Андрей. А как же ты оказалась здесь? Я тебя уже давно провожаю, только иду на расстоянии, чтобы не заметила, ведь ты же знаешь кто я.

— А мне теперь это все равно. — Всклинула Женя. — Главное, что защитил меня именно ты.

У подъезда они расстались. Потрясенная девушка была глубоко благодарна Андрею за спасение. Она поняла, что под оболочкой бомжа, скрывается не только прекрасный певец, но и сильный надежный мужчина.

Молодые люди продолжали встречаться, но теперь Андрей не прятался, а шел рядом и Женя такого провожатого не сколько не стыдилась. Однажды он предложил:

— Я покажу тебе очень красивое место в старом парке.

Женя согласилась. Парень повел девушку в глубину заброшенного парка. Была уже середина мая. Все вокруг цвело и радовалось весне. Ласково урчали дикие голуби, звенели ласточки, высоко на тополе заливался трелями соловей. На берегу пруда росла плакучая ива. Ее тонкие длинные ветви доставали до самой земли. Андрей осторожно отвел рукой ветки, и Женя увидела под деревом лавочку, скрытую от глаз. Они присели на нее и стали глядеть на мир сквозь нежно-зеленую пелену ивовых листьев. От солнечного света длинные узкие листочки казались золотистыми и полупрозрачными.

— Красиво? — шепотом спросил Андрей.

— Очень, — восторженно и тоже шепотом ответила Женя.

Здесь под сенью нежного дерева юноша и рассказал своей подруге,

как стал бомжем. Отца своего Андрей не помнил, говорят, что он сгинул где-то в тюрьме. Из маленького захудалого поселка переехали с матерью в город. Жили на квартире, до пятого класса, мальчик даже в школу ходил, пел в хоре, побеждал в музыкальных конкурсах. Мать сильно пила, не работала и за квартиру не платила, хозяйка выставила их на улицу. Поселились в подвале. Каждую копейку, выпрошенную у прохожих, мать пропивала. Ели лишь то, что находили в мусорниках. Однажды она ушла в поисках съестного на свалку и не вернулась. Мальчик чуть не пропал от истощения и холода, его приютили местные бомжи. Они знали о хорошем голосе Андрея, и отправили его зарабатывать на жизнь пением. Вот уже несколько лет он живет в подвале с бомжами. Такая жизнь страшно опостылела юноше, он страстно хочет вырваться из нее, но как найти выход из тупика просто не представляет. Растроганная Женья с жаром воскликнула:

— Вместе мы что-нибудь придумаем.

Назад возвращались медленно, не спеша. По дороге к ним привязался маленький щенок. Пушистый белый с рыжими пятнами, он доверчиво глядел на молодых людей. Худой и голодный он с жадностью проглотил, протянутое печенье и облизнулся, не дадут ли еще чего-нибудь. Девушка сказала:

— Какой хорошенький, я бы его к себе забрала, да наша колли ни за что не согласится с таким соседом, она большая эгоистка.

— Значит, он со мной пойдет. — Твердо сказал Андрей и посадил пушистый комочек к себе за пазуху.

Лавочка под раскидистой ивой стала излюбленным местом встреч для молодых людей. На свидания Андрей всегда приходил со своим щенком, которого смешно называл Чижиком. Девушка уже с нетерпением ждала этих встреч. Однажды Андрей принес с собой гитару и много пел, пел только для нее одной. Женья слушала необыкновенно красивый голос юноши, и чувствовала, что только с ним ей тепло и уютно, а то, что он нищий и

бездомный, не имеет для нее никакого значения. Чижик носился по поляне, сплошь поросшей одуванчиками. Он то и дело смешно неуклюже подпрыгивал, пытаясь поймать бабочек. Андрей подозвал щенка, тот примчался к хозяину. Беленькая шерстка щенка стала золотистой от желтой цветочной пыльцы, да и сам он весь пропахся их сладковатым запахом. Глядя на него, Женя звонко расхохоталась. Андрей отложил гитару, и вдруг осторожно, словно боясь чего-то, обнял девушку. Она спрятала лицо на его груди, и замерла, прислушиваясь, как часто бьется сердце юноши. А он и дыхание затаил, не веря своему счастью. Недостигаемая, казалось, горячо любимая девушка, не оттолкнула его, бомжа, а крепко прижалась к нему. Он даже поцеловать ее не посмел, лишь прижался своей горячей щекой к нежной девичьей щечке. Женя, вздохнув, тихо сказала:

— Пора идти домой.— И, улыбнувшись, добавила. — А так не хочется.

Родители Жени стали догадываться, что у дочери появился таинственный молодой человек. Отец как-то сказал:

– Ты хоть бы в гости его пригласила.

– А можно? — Удивилась дочка.

– Конечно, сколько можно прятаться?!

Андрей любил Женю. Частые встречи сближали их. Если раньше взаимность девушки была для него лишь далекой несбыточной мечтой, то теперь симпатия Жени к нему становилась трепетной пьянящей реальностью. Юноша все же понимал: как бы не любили они друг друга, между ними лежит непреодолимая социальная пропасть. На одной стороне этой пропасти стоит Женя - красивая перспективная дочь крупного бизнесмена, на другой он нищий бездомный бомж, не имеющий даже простой крыши над головой. Поэтому Андрей долго не решался прийти домой, но, наконец, он согласился, девушка очень обрадовалась и стала готовиться к этому визиту. Она навела и без того безукоризненный порядок в квартире, сама испекла пирог, приготовила желе. Раздался долгожданный звонок. Женя стремглав кинулась

открывать дверь. На пороге стоял смущенно улыбающийся Андрей. Он был чистый, аккуратно выбритый, с огромным букетом красных и белых роз, клумба в парке, наверное, сильно поредела в эту ночь. Хозяйка показала гостю квартиру. Парня, жившего в трущобах, сильно поразило роскошное убранство и дорогая мебель Жениного дома. Они прошли на кухню пить чай. Женя старалась изо всех сил, ей хотелось, хоть на самую капельку согреть Андрея теплом домашнего уюта и достатка. Стол изобилдовал сладостями, сыром и фруктами. У большинства фруктов парень знал лишь только название и видел их в витринах магазинов. Андрей взял мохнатый плод киви и хотел откусить его, как яблоко. С кого бы другого Женя посмеялась, но здесь она понимающе улыбнулась и показала, как нужно счищать кожицу с этого заморского фрукта. Разливая чай, девушка проговорила:

— Андрюша, у тебя, кажется, появился шанс выбраться из ненавистного подвала.

— Какой?— Быстро спросил он.

— Консерватория объявляет конкурс для особо одаренных детей. Победители его будут учиться в музыкальном колледже, получая общее среднее и музыкальное образование.

Юноша горько усмехнулся. — Это же денег больших стоит.

— В том то и дело, что бесплатно! — С жаром сказала Женя. — Обучение детей будет финансироваться за счет городского бюджета. — А вот попробую, вдруг получится. — Сказал он решительно. Женя радостно захлопала в ладоши.

— Получится, получится, они просто не смогут не оценить твой голос!

Отец неожиданно пришел домой раньше обычного. Андрей немного растерялся, Женя ободряюще подмигнула ему и представила:

— Папа, мой друг Андрей.

Отец окинул гостя оценивающим взглядом, и широко улыбнувшись, протянул руку.

— Значит, будем знакомы, молодой человек.

По мягкому тону и широкой открытой улыбке отца, девушка поняла, ее парень ему понравился. После ухода гостя, отец спросил за ужином:

— А где же живет твой кавалер и чем занимается?

Женя ждала этого вопроса и знала, что ответит прямо и честно. Собравшись с духом, выпалила:

— Он нигде не живет, он бомж.

Не донеся котлету до рта, отец отложил вилку, и удивленно посмотрел на Женю. Сперва он решил, что это нелепая детская шутка, но, глядя на взволнованное побледневшее лицо дочери, на ее тонкие пальцы, нервно комкающие салфетку, понял, что девочка говорит правду.

— И он что же нравится тебе?

— Он не просто нравится, я люблю его.— Твердо сказала Женя.

Она была готова к возмущению, негодованию, даже к скандалу, но отец не ругал, не упрекал ее ни за что, а лишь долго курил на балконе. Когда мама вернулась с работы, они с отцом долго тихо говорили о чем-то в кабинете. Родители любили свою дочь и во всем потакали ей. Здесь они решили, что скандалы и запреты не нужны, Женя умная девочка, сама поймет нелепость своего увлечения и со временем остынет к нему.

Закончилось лето. Женя успешно сдала рейтинг и стала студенткой юридической академии. Папа заплатил за все пять лет учебы сразу. И Андрей лелеял мечту поступить в колледж. Подруга достала для него специальную литературу. Уединившись где-нибудь, юноша часами учился распеваться и правильно ставить свой голос.

К центральному входу консерватории то и дело подъезжали машины. Из них выпархивали разодетые одаренные чада со своими родителями. Всем хотелось победить. Лишь один Андрей пришел сам без папы и мамы. Женя хотела сопровождать его, но он наотрез отказался.

— Я тогда дома буду переживать за тебя, а вечером встретимся под

нашей ивушкой.

В фойе было уже много конкурсантов. Андрей вошел в дверь с табличкой «Приемная». В комнате сидели несколько секретарш. Он подошел к одному из столиков.

– Фамилия, имя, отчество, дата рождения.

Андрей назвал.

– Домашний адрес.

Андрей молчал.

– Домашний адрес! — Нетерпеливо повторила секретарша.

– У меня нет адреса.

— Как нету? — Удивилась девушка. — Но где-то же вы живете, где-то прописаны?

— У меня нет постоянного места жительства, но учиться я очень хочу.— Глухо, но твердо произнес юноша.

Другие сотрудники отложили дела и с любопытством посмотрели на говорящих. Секретарша хотела было отправить этого наглого бомжа восвояси, но взглянула в его глаза, наполненные отчаяньем, решила отправить его к председателю приемной комиссии. Пожилой профессор внимательно выслушал их. Андрей умолял:

— Вы меня хоть прослушайте!

Председатель комиссии сокрушительно покачал головой.

— Ничем не могу помочь молодой человек. — И сочувствующе добавил. — Вы найдете себе место, где б вас прописали, и на следующий год мы вас обязательно примем.

И молодой человек, сразу как-то сгорбившись, тяжелыми шагами вышел из кабинета.

Женя буквально летела на свидание. Под тонкими ветвями уже желтеющей ивы увидела ссутулившуюся фигуру своего дорогого певца. Он не выглядывал ее, а тупо смотрел перед собой, покусывая кончик спички. У нее

пронеслась тревожная мысль: «Неужели провалился?» Она подбежала к нему и выдохнула:

— Андрюшенька, ну как?

Парень криво усмехнулся, горько выдавил из себя:

— Им прописка нужна, бомжей они не принимают.

Девушка очень хорошо его понимала, поэтому любые слова сочувствия считала пустыми и банальными. Она только сказала:

— Значит, будем искать прописку, и ты все равно поступишь.

На следующий день Женя пришла прямо в офис к отцу. Он удивленно взглянул на дочь и ласково спросил:

— Что-то случилось, дочурочка?

Женя тихонько опустила в кресло и умоляюще проговорила:

— Папа, помоги Андрею.

— Это твоему бомжу, что ли. Он, что в милицию попал?

Вытерпев колкости отца, девушка рассказала ему о случившемся. Он внимательно выслушал, тяжело вздохнув, сказал:

— Пойми, я всего лишь бизнесмен, и не в моих силах влиять на действующий закон, ведь у каждого нормального человека должна быть прописка.

Расстроенная еще больше Женя ушла, она не видела выхода из создавшейся ситуации. Глядя на распухшие от слез глаза дочери, на дрожащие уголки ее рта, бизнесмен понял, что чувства ее девочки к бомжу не остыли и нужно принимать какие-то меры. Вечером он позвал дочку в кабинет, ласково погладил ее по голове. От тяжелой теплой отцовской руки Женя расслабилась и горько заплакала.

— Папа, ведь он же талант, неужели ему так и пропасть в бомжах?!

Отец тихо сказал:

— Я найду людей, которые смогут прописать его, и на следующий год он сможет учиться. Я сделаю это с одним условием, ты больше не будешь с

ним встречаться.

Девушка вздрогнула как от неожиданного удара, и не сказала ничего. Отец продолжал:

— Хочешь не отвечать мне сейчас, подумай хорошенько. Ну, а теперь, думаю, приятная новость для тебя - послезавтра ты, я и мама улетаем отдыхать в Грецию. Тебе нужно отвлечься, впереди учебный год.

Эта первая поездка Жени за границу очень понравилась ей. Путешествие по морю, памятники Древней Греции действительно отвлекли ее от домашних проблем. Яркие богатые впечатления от поездки несколько притупили боль за судьбу Андрея. Вернувшись домой, отдохнувшая и посвежевшая девушка приступила к занятиям в академии и снова стала ждать встречи со своим певцом. Сначала она надеялась, что Андрей найдет ее сам, но он не приходил. Тогда Женя стала искать его по трамваям, на улицах, где играют бродячие музыканты, но и там юноши не было. Девушка решила пойти в парк, под заветную ивушку, быть может, там он оставил какой-нибудь знак для нее.

Осень стояла очень холодная. Ранние морозы сковали, непокрытую еще, снегом землю. Даже в квартирах было сильно холодно, отопительный сезон еще не начался. Злой ветер трепал тонкие голые ветки ивы. Женя присела на лавочку. Пусто и одиноко вокруг. Вдруг она услышала жалобный писк. Из кучи пожухлых листьев вылез Чижик. Песик весь дрожал, был худой и какой-то несчастный. Узнав Женю, он дружелюбно завилял хвостиком. Девушка схватила его и жалобно спросила:

— Чиженька, где Андрей?

Щенок, конечно же, ничего не ответил, а лишь лизнул ее теплым влажным язычком прямо в нос. Она поняла, что с парнем что-то произошло, иначе песик не был бы один. Девушка долго сидела, размышляя, как еще можно попробовать разыскать Андрея. Она даже не знала, где находится подвал, в котором обитал ее певец.

Неподалеку послышался треск сухих сучьев, какой-то бродяга готовил себе костер, чтобы хоть чуть-чуть обогреться. Увидев Женю, он подошел и, заискивающе улыбаясь, проговорил:

— Даш на бутылку скажу, что произошло с твоим Андрюхой. Женя быстро протянула ему пятерку. Грязная рука с потрескавшимися пальцами жадно схватила деньги и сунула их в засаленный разодранный карман. Девушка умоляюще протянула:

— Ну, говори же.

Он не спеша закурил и, пуская клубы едкого дыма сказал:

— А, нет уже твоего ухажера, помер.

— Как помер? — заикаясь, выдохнула Женя.

— А вот так помер, спал на холодном цементе, видать застудился, три дня пролежал в горячке и отдал Богу душу.

Ошеломленная страшной вестью, у Жени все поплыло перед глазами, она впервые почувствовала, как это говорят, «земля под ногами закачалась». Девушка бессильно опустилась на скамейку, сначала не могла даже плакать, лишь хрипло спросила:

— Где же могила его?

Бродяга ухмыльнулся.

— Чудная, разве у бомжей бывает могила. Приехали менты. Составили протокол и забрали его. Наверное, схоронили его где-то за городом. — Сочувствующе добавил. — Да не убивайся ты так, на что он был тебе, ты вон краля какая.

И махнув рукой, побрел к ближайшему водочному магазину.

Девушка долго и безутешно плакала. Смеркалось. Она сильно замерзла. Женя встала, взяла на руки Чижика и, глотая слезы, сказала:

— Теперь я тебя никому не отдам, ты будешь жить у меня. Она медленно пошла из парка. По дороге спугнула стайку молодых голубей. Они

старались найти на клумбе какой-нибудь корм. Женя купила стакан семечек и высыпала их на асфальт. Обрадованные птицы мягко опустились на землю и стали деловито клевать неожиданное щедрое угощение.

Галина Пономарева

ПОРТРЕТ

— Я расскажу об удивительном случае, который произошел с моей хорошей подругой Молодая, энергичная девушка Катя Звонарева закончила университет и получила диплом учителя химии и биологии. В городе, где жила и училась, работы не нашла, ведь было тяжелое смутное время начала девяностых годов XX века. В ОБЛОНО ей предложили место учителя в одной из далеких сельских школ. Катя ни за что не хотела сидеть на шее у пожилых родителей, поэтому сразу согласилась. В поселке, куда приехала девушка было много заброшенных домов, и она облюбовала маленький скромный домик на самой околице села. Он состоял всего из двух комнат и веранды, на кухне сохранилась добротная печка и хотя хозяева давно уехали, в сарае чудом уцелели уголь и дрова. Катя побелила свое новое жилье, вымыла маленькие его окошки и повесила на них белоснежные занавески. Домик стал вполне пригодным для жизни. Молодая хозяйка перевезла в него нехитрое имущество. Главным богатством девушки были старинные иконы, которые оставила ей родная бабушка Анна Николаевна. Мать отца была глубоко верующей женщиной и очень любила Катю, ведь она единственная из всех многочисленных ее детей и внуков искренно и твердо верила в Бога. Ей то она и завещала свое бесценное богатство. Девушка разместила иконы в красном углу, украсила их вышитыми бабушкиными рушниками и зажгла под ними лампаду. На стене справа повесила несколько дорогих ей семейных фотографий, среди которых был и портрет бабушки. В тихом домике стала уютно и светло. В школе городскую учительницу встретили холодно и настороженно. Перед Катей стояла трудная задача, ведь преподавание химии и биологии не велось здесь уже несколько лет и многие считали, что эти науки не нужны им вообще. Горячий интерес к работе, искренняя любовь к детям, доброжелательность к сотрудникам сделали свое дело. Спустя год молодая учительница стала в деревне своим человеком.

Наступил май. Катя с нетерпением ждала отпуска, чтобы поехать в город к родителям.

Стояла глубокая ночь. Девушка крепко спала, устав от принятого в 10 классе экзамена. Ее разбудила гроза. Дикие раскаты грома сотрясали стены маленького домика так, что казалось он вот-вот рассыплется. Июньское небо полыхало от огненных зигзагов молнии. Ливень громко стучал по крыше. Кате было страшно, но больше она боялась за высокие красивые тополя, растущие возле школы, как бы их не срезала молния. Немного полежав, девушка встала и подошла к окну. Гроза стихала, гром сердито рокотал уже где-то в степи. Непогода пощадила деревню: ни одно дерево, ни один дом не пострадали. Дождь стал спокойнее. Вдруг к тихому его шуму примешался еще какой-то странный звук, как будто кто-то пытался осторожно открыть дверь. Испуганная девушка вышла на веранду и прислушалась, с той стороны действительно пробовали открыть замок. Дрожащим голосом Катя спросила: «Кто там?» грубый мужской бас нагло приказал: «Открывай, а то дверь выломаем!» Хозяйка попробовала сопротивляться: «Не открою, уходите отсюда!» Послышался ехидный смех. Несколько натисков сильного плеча и старая прогнившая дверь, скрипя ржавыми петлями, повалилась прямо на Катю. Девушка понимала, что на помощь звать бесполезно. В такую ночь ее никто не услышит. Трое дюжих парней в масках ворвались в дом, связали, оцепеневшую от ужаса хозяйку, и для подстраховки заклеили ей рот скотчем. Не молодой коренастый бандит с холодными серыми глазами медленно прошелся по дому и тихо с нажимом Процедил: «Где иконы?» Худой сутулый налетчик угодливо проговорил: «Да вот же они, шеф!» — и указал рукой на красный угол. Похолодев, Катя поняла, что грабители пришли за ее бесценным сокровищем, хранящим тепло рук бабушки. Она слышала, что по соседним деревням орудует банда, которую возглавляет матерый уголовник, орудует практически безнаказанно, поскольку на десяток поселков всего один участковый. Видимо кто-то из односельчан и навел бандитов на ее дом. Главарь оценивающе стал рассматривать иконы. На самом верху в дорогой дубовой раме висел образ Христа-спасителя, украшенный старинным сусальным золотом, его слегка прикрывало полотенце с кружевом тонкой работы. Ниже располагались две разных иконы Божьей матери с младенцем,

и образ Николая-чудотворца. Все иконы были писаны руками древних мастеров, цвета и краски не поблекли от времени. Глаза святых испытующе смотрели на бандита. Он понял, что эти памятники старины стоят огромных денег, и решил что полотенца нужно прихватить, их тоже можно хорошо загнать скупщикам. Он хотел было уже скомандовать: «Снимайте!», как вдруг его внезапно охватило какое-то непонятное беспокойство и даже страх. Налетчик огляделся по сторонам, стараясь найти причину своего неожиданного ощущения. О сообщниках он не думал вообще, они были обычными «шестерками» и сами боялись его. Слабая хозяйка была беззащитной жертвой, и уж никак не могла напугать отъявленного бандита. Что же тогда его так беспокоило? Он взглянул на стену справа от икон и обомлел от неожиданности. С большого портрета прямо на него смотрела его родная бабушка, мать отца. Ее большие серые глаза казались живыми, полные гнева и презрения, они прожигали его насквозь. В это мгновение ему даже показалось, что она покачала головой: «Что же, ты, делаешь!» Этот человек, выдавший виды, принесший много зла и боли другим людям, впервые в жизни почувствовал, как волосы поднимаются на голове от ужаса.

О матери своего отца налетчик помнил очень смутно. Родители его развелись и разъехались по разным городам, когда он был еще маленьким. Мать часто рассказывала сыну о его доброй и справедливой бабушке, и их доме хранился точно такой же портрет. Каким образом бабушкина фотография оказалась в этом доме бандит и ума приложить не мог. Подручные не понимали причину замешательства шефа, но и без его команды не смели приступать к действиям. Один из них посмотрел на связанную, лежащую на полу Катю. Она дрожала от страха и холода. По белому, как мел лицу, не переставая текли слезы. Рукав ночной сорочки сполз с ее плеча, оголив часть нежной девичьей груди. Молодому бандиту жертва показалась очень привлекательной и сексуальной. «Вот бы, шеф разрешил позабавиться с ней» — подумал он. Другой спросил, указывая на горящую лампадку: «А этот стопарик тоже брать?» И оба опешили от неожиданности. Главарь слегка пошатываясь, шагнул к девушке и опустившись перед ней на колени,

стал осторожно снимать скотч с ее рта. С трудом переводя дыхание, запинаясь спросил: «Кем доводится тебе эта женщина на портрете?». «Это моя бабушка, папина мать, ее то хоть не троньте!» -хрипло попросила Катя. Мудрая судьба приготовила бандиту еще один урок. Он понял, что перед ним лежит его родная сестра, что у него и у этой, доведенной им же до отчаяния, девушки один родной отец. Пораженный невероятным совпадением, главарь достал из кармана нож и разрезал веревки, туго стягивавшие замлевшие девичьи руки. Он поднял Катю и бережно усадил ее на кровать и, повернувшись к сообщникам, строго сказа: «Выйдите на улицу!» Те, в полном недоумении, удалились. А бедная Катя испугалась еще больше, она решила, что бандитам мало икон, они еще и над ней поглумиться хотят. Когда подчиненные вышли, главарь ласково положил вздрагивающую большую ладонь на хрупкое плечо девушки и с трудом, преодолевая сильное волнение, запинаясь, проговорил: «Прости меня, сестренка, ведь это и моя бабушка, Анна Николаевна, у тебя на портрете, выходит, что и батя у нас с тобой один, мы родные брат и сестра». Он снова посмотрел на фотографию, ему казалось, что бабушка глядит на него тепло и ласково. Бандит круто повернулся и, тяжело ступая, пошел прочь из маленького домика. Когда покинули село, он повернулся к подельнику, который жил в соседней деревне, и сказал: «Завтра же поставишь ей новую дверь и отремонтируешь крышу, видел, на веранде вода хлещет в подставленное корыто». «Бабки где мне взять?» - спросил тот. «Я дам тебе сколько нужно».

После этого случая банда перестала терзать жителей окрестных деревень своими налетами и грабежами, исчез и ее грозный главарь, может уехал в другие края, а может вовсе бросил свое страшное ремесло.

Галина Пономарева.

Судите сами.

История эта произошла в захудалом шахтёском городишке в первые годы «незалежности». Хотя и не было тогда ни войны, ни природных катастроф, ни честно признанного голода, а простой народ страдал не меньше и страдал теперь, главным образом, из-за непростительных ошибок политиков, бездумно коверкающих судьбы людские.

Семья Поповых жила на окраине городка, в стареньком финском домике из двух комнат с верандой. Семью официально называли неполной, поскольку членами её были мать Татьяна Ивановна да сын Максимка, отец мальчика и главный кормилец погиб на шахте пять лет назад. Сейчас Максиму уже двенадцать. Это высокий, чуть худой сутуловатый мальчик с нежным красивым личиком, добродушный и отзывчивый, но одинокий и всеми, кроме матери, отвергнутый. Дело в том, что подросток был психически болен. В раннем детстве он перенёс тяжелую форму менингита, и болезнь оставила на рассудке ребёнка страшный, ничем неизгладимый отпечаток. От сверстников его отличали постоянная заискивающая улыбка на тонких губах, и несколько нарушенная речь, все слова он произносил немного нараспев. Когда мальчику исполнилось семь лет, мать сильно боялась, что сына придётся сдать в интернат для умственно отсталых детей, но медкомиссия признала, что ребёнок не представляет никакой угрозы для окружающих и вполне может учиться в массовой школе, тем более что он умеет и читать и считать в рамках программы. На этот раз судьба улыбнулась Максимке и уберегла его от страшной участи интернатского ребёнка.

Одноклассники невзлюбили больного своего товарища, так часто бывает в детских коллективах. Мудрая и добрая первая учительница изо всех сил старалась оградить несчастного от насмешек и колкостей ровесников, но тщетно. В 4 классе к Максиму Попову накрепко прилипла кликуха «Максимчок-дурачок». Злая дразнилка терзала и без того больную душу мальчика. Став изгоем сверстников, он замкнулся в себе и начал пропускать уроки. Единственным человеком, который никогда не обижал и не унижал его, была мама, которую мальчик любил

больше всех на свете. Выслушивая жалобы сына, Татьяна Ивановна вытирала мокрые его щечки шершавой и очень тёплой ладонью и говорила: «Успокойся, милый мой, они ещё маленькие и ум у них такой же, а вырастут и поймут, что ты у меня самый лучший». Говорить-то говорила, а у самой вся душа закипала от боли и тоски: «Вот взять бы им всем и надрать уши». И в то же время понимала, что это ничего не даст, а только больше обозлит их против сына. Любимым местом Максимки был старый заброшенный ставок. Утром дети шли в школу, а мальчик направлялся туда. Здесь всегда тихо и спокойно. Максим часами мог слушать, как убаюкивающе шуршат камыши и наблюдать, как высовываются из воды пучеглазые головки любопытных зелёных лягушек. Однажды мальчик увидел старого жирного ужа, свернувшегося толстыми кольцами на прогретом от солнца камне. Любой другой человек, испытывая страх и омерзение, постарался бы убить мерзкую тварь, но Максимка тихо подкрался к ужу и осторожно пальчиком погладил его чешуйчатую кожу. Пресмыкающееся подняло голову и грозно зашипело, но мальчик не испугался и продолжал гладить. Змея успокоилась, улеглась снова, и даже глазки прижмурила от удовольствия, настолько приятным показалось ей ласковое прикосновение человеческой руки. Мальчик прошептал ужу: «Ты меня не бойся, я не обижу тебя и не назову дурачком, но и ты меня так не обзывай». Уж, конечно же, послушался и дразниться не стал, чем снискал в Максимкиной ранимой душе большое расположение. Вечером мальчик сообщил матери: «А я друга себе нашел, настоящего». «Кого же?» – удивилась Татьяна Ивановна. «Ужа,» - с гордостью протянул Максим. «Какого такого ужа?!» – с ужасом воскликнула мать. «Живого, он на ставке на каменюке грелся. Я его гладил, и он меня не боялся и не обзывался». Ничего не сказала женщина, а только, всё понимая, горько и тяжело вздохнула. Так и жили они: мать и сын, жили не то, чтобы скромно, а крайне бедно, почти впроголодь. Татьяна Ивановна работала на консервном заводе, зарплату ей, как и многим в то время не платили, рассчитывались продуктами, полученными по пресловутому, опостылевшему всем, бартеру. Низкосортная мука, крупы, сахар, иногда дешёвые консервы – вот и все продукты, какие

появлялись на их столе. Ни фруктов, ни шоколадных конфет, ни даже колбасы Максимка не ел. Был у них, правда, и небольшой огородик. Хозяйка использовала буквально каждый его квадратный сантиметр, чтобы запастись на зиму картошку и овощи. Чувствуя себя единственным мужчиной в доме, мальчик во всем помогал матери; он и огород копал, и сажал, и пропалывал, и урожай в погреб сносил. Всё было ничего, терпимо, если бы не грянула неожиданная беда. По приказу из Киева закрыли единственную в городе шахту, по причине её нерентабельности. А Татьяна Ивановна, как шахтёрская вдова, получала там бесплатный уголь. Запаса в сарайчике внатрусочку хватило на октябрь и ноябрь, а дальше... О себе женщина не думала, она страшно боялась за сына, ведь врачи предупреждали её: мальчику нельзя перемерзнуть, могут возникнуть рецидивы болезни. Так Максимка стал спать в шапке, постель его мать заранее прогревала бутылками с горячей водой и укутывала сына единственным толстым ватным одеялом. Сама укутывалась тонким байковым да старой мужниной шубейкой, которая почти не грела. Ложилась, дрожа, и вставала также. Однажды ночью она проснулась от непривычного сладкого тепла, ощупала себя и поняла, что на ней лежит ватное одеяло. Татьяна Ивановна, как ошпаренная, вскочила и подбежала к кровати Максима. Тот спал, скрутившись калачиком и укутавшись в отцову шубчонку. Значит, больной сын прекрасно понимал, как сильно мёрзнет его мать, и тихонько укрыл её своим одеялом. Мать снова укутала мальчика, а потом долго и безутешно плакала. Утром она взглянула на градусник в их комнате, ртутный столбик показывал 0 градусов. Где же выход искать?

Максимка проснулся, и мать строго сказала ему: «Сегодня ты пойдёшь в школу, и не вздумай уйти с уроков», - и добавила мягче – «там всё-таки теплее». Мальчик послушался и пробыл на занятиях целый день. Вечером Татьяна Ивановна включила электропечку, нажарила картошки, сделала чай из калины, и они долго сидели за столом. Сын, грея руки о горячую чашку, рассказывал маме об уроке русской литературы, который ему очень понравился. Внимательно слушая, мать с трепетом подумала: «Надо же, говорит как хорошо, вроде и не больной вовсе». На мгновение Максимка замолчал, а потом спросил неожиданно:

«Мам, а в темнице сырой тоже холодно, как у нас в доме?» «Вы «Узника» проходили?» – догадалась мать и с горькой усмешкой протянула – «Да, сынок, наверное, и там холод». Ударили первые морозы. Конечно, для людей, у кого в доме топится печка, крепкий морозец только в радость, а вот, что делать тем, у кого эта печь не горит? На свой мертвый очаг мать Максимки и смотреть боялась, ей казалось, что от него тянет ещё большим холодом. Сарай был абсолютно пуст: сломанные ящики, старая тумбочка, даже листья, запасённые осенью, давно уже сторели. Знакомые советовали оставлять на ночь включённой электропечку, но и этого женщина боялась делать: ещё свет отрежут, ведь за него тоже нечем платить. Как-то утром Татьяна Ивановна вышла на кухню и, опустив в ведро с водой кружку, чтобы набрать чайник, услышала лёгкий хруст ледка в ведре. От этого хруста хозяйке стало ещё холоднее, значит, в доме уже минусовая температура. Захотелось долбануться виском об угол безжизненной печки так, чтобы больше никогда не опомниться. Да тут ещё и Максимка проснулся и, закутавшись в одеяло, заявил твёрдо: «В школу я не пойду». «Это почему же?!» – срывающимся от отчаяния голосом простонала мать. «А потому, – с нажимом протянул мальчик, – Я вчера отвечал про крестовые походы и учитель поставил мне «4», а Юрка Жуков сказал, что и дуракам тоже ставят хорошие оценки и все засмеялись». Мать и ругала, и плакала, но всё безуспешно, ответ сына был один: «Сказал - не пойду». Решила тогда Татьяна Ивановна, на свой страх и риск, взять мальчика на работу, ведь в доме он совсем околеет.

Уловив недовольный взгляд начальника, мать взмолилась: «Николай Степанович, разрешите ему побыть здесь, дома он совсем замерзнет». «Таня, я всё понимаю, - тихо проговорил мужчина, - но и ты пойми, не место больному ребёнку среди прессов и кипящих соковарок». Сказал так и подумал: «Надо ей тары да старых упаковок выписать, хоть немного обогреются». В этот день мальчик остался-таки в тёплом цеху.

Вечером возвращались мать с сыном домой. С тёмного неба падали одинокие снежинки, тонкие, ажурные, словно сотканы из дорогого кружева, но их красоты женщина не замечала, голову сверлила одна и та же мысль: «Как

пережить зиму?» Вдруг из-за поворота вырулил старый знакомый, друг покойного мужа Сергей. Чуть под хмельком, добродушный и весёлый он очень обрадовался, увидев Татьяну Ивановну и на всю улицу заорал: «Привет, Танюша, как дела?» «Нормально», - проговорила мать Максимки и попыталась даже улыбнуться, но улыбка вышла кривой и неестественной. Уловив фальш в её голосе, Сергей сказал прямо: «Да ну, говори честно, я же вижу, что не нормально». Татьяна Ивановна не выдержала и, заплакав, призналась: «Замерзаем мы, Сережа, топить совсем нечем, я-то сама всё вынесу, вот Максиму никак нельзя остывать». Сергей оглядел женщину – высокая и статная, не совсем уже молодая, она была по-прежнему красивой. Вот только зубы несколько портили её: нижние все целые, а верхние почти все выпали, остались только два передних, и вставить зубы не давала нищета. Татьяна нравилась ему ещё с молодости, и уже после того, как она стала вдовой, Сергей не раз пробовал подбивать к ней клинья, но всё безуспешно. Понимая, что женщина находится сейчас в безвыходном положении, Сергей ласково проговорил: «Танюш, а я ведь могу помочь тебе; я теперь на «копанке» работаю. Приехал сюда бизнесмен один, нашел угольный пласт, который не сильно глубоко залегает, и нанял нас, нескольких забойщиков, уголь в земле долбать. Работа, конечно, опасная и денег он не платит, этим углём и рассчитывается, но и то дело, его и продать можно и в своём доме топить». Женщина задумалась, а знакомый продолжал, вкрадчиво улыбаясь: «А мы давай с тобой по бартеру теплом меняться: я твою хату согрею, а ты меня». Женщина опешила от полученного предложения, вот так выбор перед ней стал: или изменяй памяти любимого мужа, или единственного больного сына спасай. Татьяна взглянула на Максимку. Он бегал, пытаясь поймать красивого сизого голубя, невдомёк мальчику, что здоровую сильную птицу голыми руками не возьмешь, а поймать её можно лишь тогда, когда она больная и слабая. Немного помедлив, с великим трудом женщина выдавила из себя: «Приходи, согрею». И показалось ей, что в этот момент, она собственными руками душу из себя вырвала. Глаза Сергея торжествующе заблестели, и он с жаром прошептал: «Милая, сегодня же приду».

Когда декабрьские сумерки совсем уже сгустились, во дворе Поповых стукнула калитка. Хозяйка кинулась открывать дверь. Первый взгляд женщины упал не на самого гостя, а на его руки. Сергей, крадучись, шел по тропинке и, в самом деле, нёс увесистый мешок, в котором было полтора, а то и два ведра драгоценного угля. Поставив на кухне свою ношу, мужчин одной рукой крепко обнял Татьяну Ивановну, а другой сразу же полез к ней за пазуху. Ничего не понимая, Максимка испугался, он знал, что раньше, когда у них были деньги, мама прятала их в лифчике, а вдруг она получила зарплату и этот дядька хочет её ограбить. Мама вела себя как-то странно – не закричала, не отшвырнула его руку, а, потупив глаза в пол, тихо сказала: «Сынок, ты пойдёшь погулять на улицу с Ветерком, а нам поговорить с дядей Серёжей надо». Мальчик послушно вышел и отвязал Ветерка, так звали их рыжего пёсика, хвост которого был настолько пушистым, что, виляя ним, он поднимал лёгкий ветер. Вот потому щенка и называли так. Чужой дядя по-хозяйски задёрнул занавески и в доме погас свет. Бегая по огороду с весёлой собачкой, Максим развеселился и успокоился. Через некоторое время гость удалился, и мама полезла на чердак и стащила оттуда старый Максимкин манеж. Она попросила сына помочь разрубить его, так облезшие лакированные прутья превратились в дрова. Войдя в дом, мальчик увидел у печки полнёхонький ящик угля. В свете лампы куски черного антрацита отливали тусклым сказочным блеском. «Мама, а где взяла ты его?» - восторженно изумляясь, спросил мальчик. «Дядя Серёжа принёс», - сдержанно ответила Татьяна Ивановна. «Ты купила у него, тебе деньги дали?» - не унимался сын. «Да нет, он просто подарил нам его», - последовал уклончивый ответ. Вот и печка в доме загорелась, постепенно по всему дому пошло живое тепло, казавшееся его обитателям настоящим великим блаженством. Сегодня Максимка лёг в постель без надоевшей шапки и, засыпая, слышал, как почему-то тихо, в подушку плачет мама. Так и стал Сергей захаживать к ним раза два в неделю, исправно принося уголь. И каждый раз, во время этих визитов, Максимку отправляли погулять. Мальчик понимал, что тепло в их доме появилось благодаря этому, постороннему для него, дядьке, но, тем не менее, чувствовал к нему острую неприязнь. Она

усилилась ещё больше после того, как однажды Сергей, прощаясь с матерью, поцеловал её и сказал: «Ну пока, крыска моя». Он назвал её так из-за торчащих передних зубов. Татьяна несколько не обиделась, а вот Максимку это сильно оскорбило. Он знал, какими гадкими и мерзкими бывают крысы, а разве его мама на них похожа? Татьяна Ивановна понимала, что сын ненавидит Сергея, ревнует её к нему. Женщину утешала единственная мысль – наступит тепло, и она сама откажется от услуг этого мужчины, к которому, кроме благодарности, ничего больше не испытывала.

Вот и февраль пришёл сырой и промозглый. Максим слепил во дворе снежную бабу, ведра для положенной шляпы не нашел и водрузил ей на голову пустую консервную банку с крышкой. В кокетливой шляпке с козырьком баба вышла очень забавной. Мальчик рассмеялся, только вот Ветерок не веселился, он почему-то тоскливо скулил и заглядывал маленькому хозяину в глаза, словно хотел сказать что-то. Вдруг калитка распахнулась, и показался Сергей, волоча санки с огромным мешком угля. Странно, обычно он приходил по темноте, а здесь явился среди бела дня. Поставив у сарая мешок, он подошёл к мальчику и протянул ему батончик «Сникерс», угощение, которое для каждого простого ребёнка в то время было диковинным лакомством, но Максим батончика не взял. Недоуменно хмыкнув, Сергей протянул с явным раздражением: «Да бери уже, кто тебя дурачка, кроме меня пожалеет ещё». Сергей кинул конфету на лавочку и направился в дом. Это невыносимо обидное «дурачок» гигантским раскалённым молотом ударило Максимку по голове. Охваченный бешеной яростью, он хотел двинуть Сергея в спину, но дверь веранды за ним закрылась. Мать слышала этот разговор и, снимая с гостя фуфайку, попросила: «Не называй его так, Сереженька, он сильно обижается». «Прямо-таки величество, ещё и кочевряжится, - презрительно протянул Сергей, - без меня давно замёрз бы, - и, обнимая женщину, уже мягче добавил, - и без тебя тоже». Татьяна Ивановна прикусила губу: как ни обидно, а ведь он говорит правду. Любовник опустил на кровать и, вздохнув, неожиданно выдал: «Танюш, мы не будем пока встречаться, Вальке моей кто-то донёс, и она закатила большой скандал. Без топлива ты не

останешься, я попросил Толика, напарника своего, он будет возить уголь, ну, а там, смотри сама, можешь и приголубить его, я возражать не стану». Ну, а дальше было всё, как всегда, только уж в последний раз. Несчастный Максимка, не помня себя, побрёл на ставок. От жестокой обиды больная душа мальчика кипела и клокотала. Придя на пустынный берег, он жалобно и протяжно позвал: «Ужик!» Ребёнку казалось, что только он один может сейчас понять и утешить его. Полное безмолвие царило вокруг, его не нарушал даже шелест камыша, а уж, свернувшись где-то в глубокой норе, давно уже пребывал в крепкой зимней спячке. Мальчик сел прямо на снег и долго и безутешно плакал, вздрагивая худенькими плечиками. Потом он вдруг решительно встал и, опустившись на коленки у самой кромки воды, что-то стал ковырять там.

Провожая любовника, Татьяна Ивановна вышла на улицу и беспокойно оглядела двор, Максима нигде не было. Озорная снежная баба, сделанная ним, развалилась на куски, тяжелый мешок с углём упал и раздавил её. Сергей обувался, и лишь только он сделал первый шаг за порог, как огромная, грязная от земли, глыба упала ему прямо на голову. Не успев ничего понять, мужчина рухнул на землю. Из черепа, расколотого тяжеленным камнем, на котором когда-то грелся уж, багровой струйкой хлынула кровь, от неё снег вокруг головы стал быстро таять. Побледневшая от ужаса, женщина посмотрела вверх. На крыше веранды стоял её сын в испачканной грязью куртке. Безобидного мальчика нельзя было узнать – смертельно-бледный, дрожа всем телом, дикими безумными глазами, он торжествующе смотрел на свою жертву. Завыв от отчаяния и страха, Татьяна Ивановна поманила его к себе. Максимка спрыгнул с крыши, обнял мать и, стуча зубами, простонал: «Теперь он никогда не скажет, что ты – крыса, а я – дурачок».

А на лавочке раскисал от мокрого снега «Сникерс» с его толстым-толстым слоем шоколада, который, увы, никому не был нужен.

Галина Пономарёва.

Яблочный спас.

Они сидели за старым столом, покрытым потрескавшейся клеенкой. Они – это трое неразлучных дружков, почти, как у Расторгуева Серега, Колька и Витек, только вот вместо Кольки и Витька, Димка и Санек. Старшему Сереге скоро должно было стукнуть 18, Димке исполнилось 16, а вот Саньку и 15 не набралось и старшие называли его малым. Сидели в Серегиним доме, если можно так громко назвать послевоенную саманную постройку из двух маленьких комнатушек. Парень гордился и таким жильём, ведь благодаря ему, никто не сможет обозвать Серегу позорным словом бомж. Всю свою сознательную жизнь Серега прожил с бабушкой, скончавшейся пол года назад и оставившей внуку этот домишко.

Мать свою, Тамару Сергеевну парень почти не знал, ее не стало, когда ему было 4 года. Лишь 2 картины Связанные с мамой, запомнилась ему, даже не запомнились, а глубоко и больно врезались в детскую память, навсегда ошеломив ее ужасом и безысходностью. Серега хорошо помнил, как возвращались они с мамой из садика. Шли вдоль трассы, мальчик жевал банан и разглядывал козу с козлятами, пасшихся на другой стороне дороги, шнурок на его ботинке развязался и мама присела, чтоб потуже затянуть его. Роскошную «Тоёту», мчавшуюся на бешеной скорости прямо на них, заметила только тогда, когда машина была совсем рядом. Единственное, что успела сделать тогда, откинула от себя сына. Материнский инстинкт оказался выше всего. Не успев ничего сообразить, мальчик шлёпнулся в пыльную лебеду и поначалу даже обиделся на маму, за что это, она швырнула его. Переплакав, огляделся посторонам. Вокруг никого, а на асфальте мама, лежит не шевелится, только тоненькая алая струйка стекает из-под блестящей заколки, стягивавшей её пышные волосы.

Проезжавший мимо водитель такси, вызвал по мобильнику скорую и ГАИ и обе службы прибыли довольно быстро. Осмотрев место происшествия, гаишники составили протокол для порядка, а между собой решили « глухарь» полнейший, ведь единственным свидетелем ДТП был икающий от страха, ребёнок и вразумительных показаний он дать не мог. «Тоёта» была уже где-то далеко, да и её искать никто бы не стал, ведь всё произошло в лихие 90-е. От полученной черепно-мозговой молодая женщина скончалась ещё по дороге в больницу.

Отчетливо помнил он ослепительно – красную крышку гроба, в котором лежала мама удары молотка на кладбище, стенание бабушки и ноющий вопль пьяного отца, задающего вопрос в безмолвие:

- Томочка, ласточка моя, а как-же мы с сынком?

Жизнь сама ответила на этот риторический вопрос. Отец сначала страшно запил, а потом подался в Россию на заработки. Внука забрала к себе бабушка, жившая на соседней улице. Сначала заботливый родитель даже несколько раз присылал сыну деньги, а потом ни помощи, ни весточки. Сгинул, видно, где-то на севере, или сделал вид, что сгинул. Одним словом, остался Серёга жить с бабой Люсей в её старенькой хатёнке.

Работая медсестрой, бабушка тянула полторы, а то и две ставки, чтобы хоть как-то прокормиться с внуком, которого любила и жалела больше жизни. Серёжа тоже любил бабушку, но спустя некоторое время, смекнул, что является единственным светом в её окошке. «Свет» этот научился обманывать, дурачить и откровенно принепрегать своим «окошком». В 11 лет мальчик впервые попробовал спиртное. Самогон вонял мерзко и отвратительно, от него тошнило, но держа в руке гранёную стопку, Серёга сам себе казался солидным и взрослым, ну прямо, настоящим мужиком. Состояние опьянения ему понравилась. Понимая весь ужас происходящего, бедная баба Люся просила внука не пить, отчаявшись даже бить его пыталась, после чего сама горько плакала, но всё четко. В 16 Сергея, с полным правом, можно было назвать стойким выпивохой. Измученная тяготами жизни, бабушка заболела и слегла, денег на лечение не было. Чувствуя, что уже

не встанет, старушка тихо лежала на своей железной кровати на кухне, более просторный и светлый зал, она давно уже отдала внуку и часто, едва слышно молилась, подняв глаза к потрескавшемуся потолку:

- Господи Иисусе, вразуми раба своего Сергия не пить водку и наставь его на путь истинный.

Эти молитвы раздражали парня

Опять забубнила, вроде я алкаш конченный.

В одну из апрельских ночей, надоевшие молитвы стихли, стихли вместе с её дыханием. Сельская больница кое-как похоронила свою бывшую сотрудницу. Серёга с перепугу напился так, что и на кладбище не смог поехать. После смерти бабушки, совсем забросил школу и жил, перебиваясь случайными мизерными заработками. Мыл машины, пока конкуренты не прогнали, сдавал метал и макулатуру. Дохода от таких промыслов хватало лишь на пляшку да на пачку самых дешёвых сигарет, хлеба и того не всегда удавалось купить. Парень ждал наступления зимы, он твёрдо решил, чем займётся тогда, станет бомбить крутые дачи, когда хозяева с них съедут.

Димку тоже воспитывала бабушка, отец его за что – то мотал длинный срок, а мать работала нянькой в далёкой Италии. Много наших украинских женщин отдавали тогда, да и сейчас отдают тепло своих великих славянских душ чужим детям и старикам, не оставляя его для своих родных. Горько сознавать, что сытая Европа достойнее оценивает этот, ни с чем не сравнимый дар простых славянок, поэтому и платит за него больше, а у нас... Вот и Димкина мать заботливо нянчила богатого малыша, получала высокую зарплату и регулярно высылала сыну деньги, от того, среди всей тройки Димка считался «крутым». Каждый год в августе ей давали отпуск, маманя привозила своему мальчику кучу дорогих шмоток и улетая снова, клятвенно обещала, что эта поездка последняя, что она вернётся и вплотную займётся воспитанием сына. Так продолжалось из года в год. Бабку парень особо не праздновал и благодаря деньгам, он в свои 16 вкусил уже все доступные запретные плоды и водку, и сигареты, и девочек.

Малой Санёк, в отличии от других, имел и отца и мать, но те квасили по – черному и мальчик рос сам по себе. Как это быть пьяным, Малой узнал ещё в 10 лет. Напившись вдрызг, родители уснули, оставив на столе бутылку вина. Санёк прочитал этикетку «Ароматы степу», название красивое. Подумал:

- Наверное, сеном душистым пахнет, как у дедушки в деревне.

Понюхал, нет не сеном, а какими – то карамельками, лизнул горлышко, сладкое. Налил полнёхонький стакан и прицмакивая, осушил его. Вкусно! В головёнке всё закружилось, затанцевало, самому захотелось скакать и прыгать. Вот это клёво! Пошатываясь, выплыл за калитку, но земля вдруг непонятно закачалась и бедный Санёк грохнулся на траву, больно ударившись лбом об угол железной лавочки. Ничего не почувствовав, мгновенно потерял сознание. Соседи вызвали скорую. Пожилой хирург, накладывая скобы на лоб пьяного ребёнка, сокрушённо покачал головой:

- Деточка, чтож тебя дальше ждёт?

Всё обошлось относительно благополучно, за исключением того, что нежный детский лобик навечно остался перепаханым безобразным розовым шрамом. Проспавшийся папаша ласково потрепал сынишку по плечу и по – отечески успокоил:

- Не переживай, обормотик мой, зато то это так сказать, твоё первое боевое крещение. Это столь длинное описание начала жизни всех троих можно подитожить одной нашей мудрой украинской поговоркой я «ростуть, як бур'ян при дорозі».

Вот и сейчас они снова собрались вместе, с единственным желанием бухануть, но за что? У Серёги не копейки, про Санька и говорить не стоит, зато Димка всегда при

деньгах. Снисходительно улыбаясь, он с достоинством вынул из кармана настоящих штатовских джинсов пятигривенную бумажку и медленно растягивая слова, повелел:

- Серый, дуй к бабе Зине, а ты, Малой, загрызнуть чего – нибудь приволоки.

Бабой Зиной звали местную самогонную «бизнеследи», спаивавшую своим пойлом всех желающих. У пацанов и глаза загорелись:

- Ничё себе, тут же на целую литру хватит!

Хозяин дома заколебался:

- Да она же без тары не даёт, а я все бутылки давно уже позадал.

И здесь предприимчивый Димка нашёл выход из положения:

- Ой, не выделяйся, на чердаке у тебя куча банок, что баба на закрывачку собирала.

Серёга смущённо проговорил:

- Да я не выделяюсь, а просто забыл про них.

- Ну и хорошо, что забыл, а то все бы уже в стеклоприёмке были.

Серёгу задела эта насмешка, но смолчал, куда деваться, деньги Димкины, а выпить хочется. Достал литровую банку, кое – как стёр с неё пыль и зажав в кулаке пятёрку, помчался за самогоном. Санёк тоже бросился выполнять поручение состоятельного дружка.

Через четверть часа стол уже был накрыт. Посредине банка с заветной житкостью, накрытая б/у жестяной крышкой, заботливая самогонщица пожалела сироту и дала крышку, что – бы товар не расплескался. На закусь несколько пупырчатых огурчиков и 2 пригоршни спелой терновки, которые Санька стянул с соседского огорода, на своём родители ничего не садили. Налили по одной, выпили, закурили, потом ещё и снова закурили. Стало потихоньку растаскивать. На Димку нахлынула меланхолия, он откинулся на спинку стула и мечтательно протянул:

- Пацаны, а я сегодня яблоки свяченые ел, бабуленция из церкви приволокла, ведь сегодня же Яблочный Спас.

Серёга подумал, что раньше он тоже всегда ел такие яблоки, которые приносила ему его баба Люся. Каждый год 19 августа, пройдя из церкви, она выкладывала на этот самый стол свячёные яблоки, мёд и зажигала свечку. Аромат душистых плодов и сладковатый запах горящего воска наполняли их маленькую кухню и на душе становилось празднично. Разрезая яблоки пополам, бабушка вырезала из них серединку и накладывая в неё мёд, давала их внуку. Осторожно откусывая яблоки, мальчик медленно жевал их, с наслаждением ощущая, как вкус кисловатого сока смешивается во рту со сладким мёдом. Парню вдруг до боли в сердце, до оскомы в челюстях захотелось снова почувствовать это необыкновенный вкус, но на столе сейчас пол литра самогона да несколько фиолетовых терновок. Серёга едва зубами не заскрежетал от внезапно нахлынувшей тоски и отчаянно взглянув на пустую бабушкину кровать, выпалил:

- Слиште, мужики, давайте мою бабулю помянем.

Помянули, как положено, не чокаясь, Серёга даже перекреститься хотел, да пацанов постеснялся, вдруг смеяться стан Санёк совсем рассоловел и стал засыпать, а в банке уже и дно виднётся. Глядя на мальчонку, Димка досадно цмокнули проговорил:

- Сказано малой, давай, Серый допьём, чтоб не испарилась и на улицу пойдём, душно как – то.

Осушили литруху и взяв Санька под руки, потащили его во двор, хотя и самих изрядно штормило. Августовская ночь обняла их лёгкой прохладой и звонкими трелями кузнечиков. Уселись на полусгнивший ствол тополя, который, как ни странно, в этом году начал пускать свежие зелёные побеги. Сергей хотел отламать иолодную ветку, то та не поддаваясь его силе, больно хлеснула парня по рукам. Он рассердился:

- Да ну тебя, думал, что его черви уже источили, а тут, гляди ты, жизнь пробивается.

Пить уже больше не хотелось. Всесильный сейчас хмель уже овладел их почти детскими рассудком и полностью хозяйничал в нём, вызывая необыкновенные желания.

Пацанам захотелось испытать каких –нибудь острых, ни с чем не повторимых ощущений, короче говоря, настоящего экстрима. Как реализовать диковинные желания придумать никак не могли. Что – бы эдакого сделать? Серёга предложил:

- Пошли к Янке, её, говорят, из бursы выгнали и она сейчас дома.

Охмелевший Санёк всё же уловил смысл сказанных слов и отрицательно покачал головой, которая и без того всё время падала на грудь. Зачем ходят к Яне он, конечно, знал, но и понимал, что сам ещё не дорос до этого. Димка нараспев возразил:

- На фиг мы ей нужны сейчас, её сегодня какой – то крутой на Мерсе к себе на дачу увёз, сам видел.

Выпитое количество спиртного продолжало настойчиво сверлить мозг и требовала удовлетворить пьяные эмоции. Димка шлёпнул себя ладонью по лбу и облегчённо выпалил:

- О придумал, пошли на кладбище!

Засыпающий снова Малой, встрепенулся и испуганно выдохнул:

- Вы чё, поехали, ведь ночь сейчас.

Медлил с ответом и Серёга, боязно всё – таки. Из темноты раздался насмешливый голос Димки:

- Что, Серёга, слабо?

Это презрительное « слабо» больно, уже невыносимо резануло душу парня острым ножом.

- Ну до каких пор Димон будет опускать его? Нет, он сейчас докажет ему, что не слабак он и ничего не боится.

Серёга решительно поднялся и едва сковывая желание утвердиться в Димкиных глазах, тихо, но очень твёрдо произнёс:

- Пошли.

Сказано - сделано. Через каких –нибудь 20 минут добрались до сельского кладбища, находившегося на горе, и на мгновение остановились. Внизу редкими уже огнями светился посёлок, доносился приглушённый лай собак и шум автомобильной трассы, а здесь царило полное безмолвие, даже неугомонные кузнечики молчали. Настоящее царство мёртвых, которое никто не должен нарушать, тем более, в такую пору. У самой изгороди Санёк робко предложил:

- А, может, дальше не пойдём?

Задыхаясь от нахлынувшего волнения, Серёга возразил:

- Нет, ведь договаривались идти на кладбище, а не до него.

Перелезли через ограду и пошли по центральной аллее. Малой протиснулся между двумя старшими и старался шагать по – середине, боялся.

Тишина вокруг и тьма такая кромешная, что протяни руку – собственных пальцев не увидишь. Прошли с добрую половину погоста. Серёга остановился и харахорясь, сказал:

- Да ничего тут страшного и нет, только тихо очень.

- Сейчас исправим это дело-

Проговорил Димка и неожиданно, во всю глотку бешено заорал:

- А – а – а – а !

Прихлопывая себя ладошкой по раскрытому рту, подражая боевому кличу индейцев.

Сперва мальчишки чуть не подпрыгнули с перепугу, а потом громко расхохотались.

Весело так стало. Серёге вдруг захотелось стать героем дня, вернее ночи. Раззадорившись, он предложил:

- Мужики, а давайте чей –нибудь памятник поломаем!

Малой с невыразимым ужасом прошептал:

- Серый, не надо, вдруг мертвяк разозлится, вылезет и с собой утащит.

Старшие дружно рассмеялись. Серёга пхикнул:

- Во дурачок, скажи, что ещё боженька накажет. Сергей резко свернул влево и сделал несколько шагов, нащупал в темноте чей – то памятник, старый, неухоженный, с облупившейся краской. Видать, давно уже сюда никто не приходил. Парень нащупал на памятнике чью – то фотографию и резко отдернул руку. Гладкая поверхность фотографии была не естественно тёплой, почти горячей, она, казалось, согрела мальчишескую ладонь. Мороз пробежал по Серёгиной спине от этого странного тепла. Он замер, охваченный трепетом, которого ещё никогда не испытывал в своей жизни. От чего она такая?!

Видя, что Серёга медлит, Димка ехидно пробасил из темноты:

- Что, Серенький, всё - таки « слабо», сам предложил, а теперь боишься?

Да как – же достали эти издёвки Дималея, нет он сейчас докажет, что вовсе не слабак. Успокаивая самого себя тем, что фотографию просто нагрело дневное солнце, она не успела остыть и потому кажется теплой на холодном железе, Сергей собрался с духом, размахнулся и со всей дури ударил по памятнику. Он глухо ухнул, словно охнул от нежданности. Дикий, какой – то сатанинский азарт охватил Сергея, он с явным наслаждением растоптал остатки памятника и прыгнув несколько раз на могильной плите, с презрением процедил:

- Ну и фигня, В воздухе запахло неприятным духом ржавчины и , на металл даже не сдашь, ржавчина одна.

Увидев, что из могилы никто не вылез, Санёк тоже осмелел и всем телом навалился на чей –то деревянный крест, стоявший рядом. Ветхий от старости крест, не выдержал тяжести и вместе с Малым, рухнул на землю. Санёк сильно поцарапал подбородок о перекладину. Раззадоренный друзьями, Димка тоже решил погеройствовать. Он накинулся на мраморную стелу, возвышавшуюся справа от памятника, растоптанного Серёгой. Ну вот беда, мрамор оказался крепким и прочным и никак не хотел ломаться. Димка и тряс его и ногами пинал, ни в какую, стоит, как вкопанный. Серый с Малым стали хихикать. Димка громко, на всё кладбище обложил памятник крепким матом и подняв руку вверх, нащупал на стеле пятиконечную звезду.

- Ах ты, « совок» несчастный, ну я тебе сделаю!

Парень выхватил из кармана складной нож и выцарапал на портрете, высеченном на камне, огромный немецкий крест.

- Вот тебе!

Маленькая мраморная крошка отскочила из – под ножа и попала Димке в глаз. Раздосадованный парень, заморгал от боли и стал оттягивать веко, что – бы эта проклятая крошка вышла со слезой. Из – за туч, покрывавших небо, медленно выплыла луна, озаряя кладбище неземным светом. Хмель уже терял контроль над рассудками дружков. Ночная прохлада постепенно забиралась под рубашки и в души парней. Жутко и неуютно стало всем троим. У Димки ещё больше разболелся глаз, у Санька защипал свезенный подбородок и Малой почти взмолился:

- Пацаны, ну пошли домой.

Старшие, словно ждали этих слов и единодушно решили:

- Правда, давайте сваливать.

Назад не шли, а почти бежали, боясь оглянуться, а Серёгину голову не покидал мучительный вопрос:

- Ну почему та фотография казалась ему тёплой?

Дальше всё завертелось, как в страшном калейдоскопе. На следующий день начальник кладбища обнаружил разрушенные могилы и сообщил об этом в РОВД. Родители похороненного « афганца», памятник которому исцарапал Димка обратились с заявлением в милицию. Уголовное дело по статье 297 «надругательство над могилами»

возбудили. Участковый хорошо знал местную «босоту» и подозреваемых нашёл легко. Первым он пришёл к Саньку, один вид милицейской формы и кобуры, привёл мальчонку в неопишувемый ужас, он разрыдался и сразу же всё рассказал. Сергея и Димку арестовали, а Саньку отпустили по - малолетству. Из Италии примчалась перепуганная Димкина мамаша, стремясь спасти от тюрьмы своё непутёвое чадо, она дола родителям погибшего «афганца» деньги на новый, более дорогой памятник и наняла хороших адвокатов. За время следствия Сергею исполнилось 18, он стал совершеннолетним и отчетливо понимал, что срок ему светит приличный, вкатают, как говорят, по полной. Никаких угрызений совести, ни раскаяния о содеянном, парень не испытывал, досадовал лишь об одном:

- И надо же было так влипнуть, всё потому – то нажрался, как свинья.

Серёга, как в жизни, так и в тюрьме оставался один и никому он не был нужен. Правда, перед самым судом мать Димки решила оказать благотворительность сироте и принесла ему небольшое пакет, а в нём 2 сладких сырка, покрытых глазурью, шоколадка да огромное красное яблоко. Парень развязал передачу и с наслаждением вдохнул сладкий, пьянящий аромат, напомнивший ему и потерянное детство, и дорогую бабушку, и яблочный спас.

Вот и настал день суда. В зале заседаний все, кому положено – подсудимые, престарелые отец и мать «афганца», расфуфыренная Димкина мать, заплаканная бабушка и адвокаты, представляющие его интересы.

После коротких трений, судьи удалились в совещательную комнату и вскоре снова появились в зале для оглашения приговора. Все встали. Первым в списке значился Димка. Учитывая несовершеннолетие подсудимого и то, что нанесённый им материальный ущерб, был полностью возмещён, суд приговорил его к 2 годам лишения свободы условно. Мать Димки поднесла к глазам дорогой надушенный платочек и промокнула ним слезинки облегчения, незря всё – таки старалась. Сам Дималей торжествующе улыбался.

Поправив мантию, хрупкая и нежная навид судья, властным металлическим голосом стала зачитывать Серёгин приговор:

- За осквернение могилы Тамары Сергеевны Ивановой, подсудимый Сергей Иванов приговаривается к 3 годам лишения свободы, с отбыванием в колонии общего режима.

В мёртвой тишине зала подсудимый неожиданно вскрикнул и, как подкошенный, свалился на свою скамью. Ему показалось, что не только свод этого зала, а всё огромное здание обрушилось ему на голову. Перед глазами Сергея поплыли яркие малиновые кольца, в ушах что – то зазвенело и завывало. Он почти физически почувствовал, как шевелятся на его голове волосы. Нет, совсем не приговор привёл Серёгу в ужас, который он ещё никогда не испытывал, а имя женщины, названное судьёй. Значит он тогда, в ту ночь, находясь в безумном пьяном угаре, надругался над могилой своей родной мамы прыгал на ней и памятник, поставленный бабушкой, развалил своими собственными ногами. Кто он после этого? Сергею захотелось вскочить и со всей силы удариться виском об угол массивного судейского стола так, что – бы никчемная башка его рассыпалась, ведь ничего другого она не стоила. Глядя на состояние осуждённого, присутствующие решили, что это срок, привёл его в такое смятение. Никто и не догадывался, что приговор Серёге вынес сейчас вовсе не суд, а сама жизнь и он был куда страшнее, чем несчастные 3 года лишения свободы. Бледного, дрожащего всем телом, осуждённого С. Иванова вывели из зала..

В камере Сергей ничком упал на нары, ему не хотелось не то, что шевелиться, а даже дышать. Только сейчас всё его естество пронзила жгучая догадка:

- Так вот почему фотография была тогда тёплой! Это мама так пыталась остановить меня, уберечь от страшного греха, а я...

Теперь он совершенно ясно припомнил то место на кладбище, куда в детстве приводила его бабушка. Перед глазами стал простенький, крашенный голубым, мамин памятник и рядом мраморную стеллу со звездой. Бабушка говорила, что здесь недавно похоронили молодого парня, погибшего в проклятом Афганистане. Дальнейшая жизнь с таким тяжким камнем на сердце, Серёге казалась невозможной и невыносимой. Вздрнуть что – ли?

В камере сидел ещё один заключенный – старый, хронический мелкий воришка дед Федя. Человек просто обездоленный, он не имел ни семьи, ни крова, тюрьма была его родным домом, попадая под очередную амнистию, дед снова старался сесть, поскольку здесь от холода не замёрзнешь и с голоду сдохнуть не дадут, хоть какая – то кормежка, да есть. Старик имел своё особенное понимание смысла жизни, которую он всёравно любил, за эту мудрость, даже тюремная охрана уважала его и называла почтительно – Фомич. Постоянно покашливая, вертясь на своих нарах, дед Федя видел, что его сокамерник не в себе, его терзают какие – то тяжкие муки

- Так и до петли недалеко,

Подумал Фомич и с трудом поднявшись с матраца, тяжело дыша подошел к парню. Он положил свою худую горячую руку на ледяное плечо Сергея и тихо спросил:

- Что, Серёжинька, сильно худо тебе? Расскажи, может, легче станет.

К Серёге так давно уже никто не обращался. В слабом голосе старика чувствовались искреннее участие и тревога, тревога за него. На парня, словно ласковым теплом дохнуло, он вскочил и дрожа всем телом, стал быстро говорить, будь – то боялся, что Фомич уйдёт. Закончив «исповедь», Серёге со стоном выдохнул:

- Ну скажи, Фомич, разве можно после этого жить?

Вместо ответа старик неожиданно крепко обнял и с неподдельным облегчением проговорил:

- Милый ты мой, Господь разные пути выбирает, что – бы наставить на путь праведный овец своих заблудших, для их вразумления и вижу он вразумил тебя. Правда?

Серёга кивнул головой и уткнулся лицом в тощую, пахнущую немытым телом, грудь старика и беззвучно заплакал, наверное., впервые после смерти мамы.

Галина Пономарёва.